

421
Ш39

ШЕЙДИНА

США

«ФАБРИКИ МЫСЛИ»

АКАДЕМИЯ НАУК СССР

ИНСТИТУТ
СОЕДИНЕННЫХ ШТАТОВ
АМЕРИКИ

И. Л. ШЕЙДИНА

США:
«ФАБРИКИ МЫСЛИ»
НА СЛУЖБЕ
СТРАТЕГИИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»

МОСКВА 1973

В монографии рассматривается система научно-исследовательских организаций, сложившаяся за последние десятилетия в США и получившая название «фабрики мысли». Выступая в роли поставщиков идей и используя высокий авторитет научного знания, они косвенно участвуют в процессе выработки внутри- и внешнеполитических решений на государственном уровне и оказывают определенное воздействие на формирование правительственной политики и общественного мнения.

На примере корпорации РЭНД, наиболее известной «фабрики мысли», в монографии раскрываются организационные особенности этого типа научно-исследовательских центров, специфика их проблематики, их место в цепи звеньев военно-промышленного комплекса.

Ответственный редактор

кандидат исторических наук ТРОФИМЕНКО Г. А.

ВВЕДЕНИЕ

Современную ситуацию отличает коренное ослабление позиций империализма на мировой арене, углубление его общего кризиса. Происходят большие сдвиги в производственных отношениях, в первую очередь усиливается государственно-монополистический характер капитализма. Вместе с тем разворачивается научно-техническая революция и сопряженное с ней ускорение роста производительных сил.

«Нам, коммунистам, ясны социальная суть империализма и его место в истории,— говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев на Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в июне 1969 г.— Однако для определения конкретной программы антиимпериалистической борьбы необходимо не только правильное понимание существа империализма, его природы. Необходимо также внимательное изучение новых явлений, глубинных процессов, разворачивающихся в мире капитала»¹.

Многие из этих явлений объясняются тем, что современный империализм вынужден приспособляться к новым условиям, созданным ростом мощи социализма, ликвидацией колониальных режимов, натиском национально-освободительного и рабочего движений. Впервые в истории империализм лишен политической и хозяйственной гегемонии. То, что империализм потерял возмож-

¹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы». М., 1969, стр. 43.

ность определять ход мирового общественного развития, вынуждены теперь признать даже представители наиболее мощного оплота его — американского монополистического капитала. «... Ни наше ядерное могущество, ни наше огромное богатство не могут направить развитие событий по тому пути, который нам больше по душе»², — сетовал бывший президент США Л. Джонсон, подводя итоги своей деятельности.

Процесс приспособления империалистической политики к новым историческим условиям в основном идет в двух направлениях. Одно из них — это хотя бы частичное признание реальностей эпохи, тактические уступки во избежание крупных потрясений. Подобные сдвиги являются в принципе позитивными, создающими основу для соглашений, отвечающих интересам народов; заставить империалистов пойти на такие сдвиги — одна из важных целей политики социалистических стран, всего революционного и освободительного движения.

Другое направление связано с попытками совершенствовать методы и формы проведения старой империалистической политики, основанной на применении военной силы, на экономической экспансии и угнетении народов.

Правящие круги США давно осознали, что крупный шанс в какой-то мере оттянуть окончательную победу социализма над капитализмом ныне связан с максимально эффективным использованием возможностей научно-технической революции. Империалистическая буржуазия, отдавая себе отчет в том, что научно-технический прогресс стал существенным фактором международных отношений, пытается также сделать его и важнейшим орудием своей военно-политической стратегии.

Более того, американские военные были первыми, кто в поисках «резервов силы» попытался поставить научно-техническую революцию себе на службу; при этом речь идет не только о создании новых и совершенствовании существующих систем вооружений, т. е. не только о военных «металлоизделиях» (hardware) как таковых, но и об использовании в военно-стратегических целях современных методов анализа и принятия решений, сбо-

² «Reader's Digest», February 1969, p. 223.

ра и обработки информации, о разработке тактических и стратегических концепций (software).

Естественно, этот процесс не мог миновать и сферу политики — как внутренней, так и внешней. Профессор Пенсильванского университета Уильям Кинтнер в книге «Мир и стратегический конфликт» выразил эту мысль предельно четко: «Страна, которая первой предусмотрит стратегию использования технического превосходства, немедленно получит решающее политическое и военное преимущество»³.

Можно привести немало других высказываний, свидетельствующих о том, что в США хорошо осознают роль научно-технического потенциала государственной политики. Как, например, подчеркивал бывший помощник президента США по науке Д. Киллиан, «включение науки и техники во внешнюю политику — не просто абстрактная идея; это практический императив»⁴.

Взаимопереплетение науки и техники с политикой связано с самим характером научно-технической революции, суть которой не сводится к появлению отдельных нововведений (даже самых важных) в тех или иных отраслях. Происходит нечто более значительное: превращаясь в непосредственную производительную силу, наука в целом и научные методы широко вторгаются как в общественное производство, так и в другие области общественной жизни, что открывает новые горизонты сознательного воздействия на природу и некоторые социальные процессы. Главным становится сам механизм, так сказать — инфраструктура, такого сознательного воздействия: все то, что обеспечивает новый, принципиально более высокий уровень организации и мобилизации интеллектуального потенциала общества, а тем самым и непрерывно ускоряющийся и расширяющийся поток нововведений во всех областях.

Научно-техническая революция вторгается, к примеру, в международные отношения не только тем, что она создала совершенно новую их отрасль — научные связи и межгосударственное сотрудничество (космиче-

³ W. Kintner. *Peace and the Strategy Conflict*. N. Y., 1967, p. 57.

⁴ «Reviews of National Science Policy, United States». OECD, Paris, 1968, p. 305.

ские исследования, применение атомной энергии в мирных целях, разработка мероприятий по охране окружающей среды, исследованию и использованию богатств океана, проблема увеличения продовольственных и водных ресурсов мира, метеорология, борьба со стихийными бедствиями и т. д.), но и тем, что выдвигает задачу использования науки при формулировании и осуществлении внешней — впрочем, так же как и внутренней, — политики.

Правящие круги буржуазных стран обращаются к использованию науки не столько в силу прозорливости наиболее дальновидных политических деятелей, сколько из-за усложнения проблем, требующих решений в условиях стремительного нарастания трудностей и кризисных ситуаций внутри капиталистических стран, ослабления их внешнеполитических позиций. Все эти трудности вызваны к жизни прежде всего обостряющимся противоречием между интересами современной буржуазии и объективными потребностями общественного развития, властно диктующими революционную замену капитализма социализмом. Вместе с тем даже задачи, так сказать, «повседневного» руководства экономикой и общественной жизнью (в том числе и в «нормальных», а не кризисных ситуациях) заставляют современную буржуазию искать в науке и ее достижениях новые средства совершенствования механизма управления на различных уровнях.

Правящие круги США, сознавая, что американский империализм то и дело вынужден сдавать позиции, возлагают большие надежды на то, что они смогут усовершенствовать политический механизм американского государства, повысить его жизнеспособность путем приложения новейших научно-технических средств, современных методов получения и переработки информации, электронной техники к решению проблем социологии и экономики, управления обществом, международных отношений и политического прогнозирования.

Попытки американской администрации совершенствовать политический аппарат идут по нескольким направлениям: использование новых методов управления, совершенствование управленческих систем; создание новых звеньев в государственном аппарате, как в исполнительной, так и в законодательной машине; повышение

квалификации бюрократического аппарата; привлечение в него ученых в качестве советников.

По-видимому, консультанты внутри правительственного аппарата не удовлетворяют полностью потребность в профессиональных знаниях, поэтому в США, особенно начиная с 50-х годов, возникает новое явление — «консультирование по контракту», как называют его авторы книги «Школы стратегии» Джин Лайонс и Луис Мартон. По их словам, в усложнившемся послевоенном мире американское правительство нуждается в разносторонней квалифицированной помощи и использует все возможные источники таковой. Одним из таких источников стали контракты с неправительственными учреждениями на выполнение разного рода исследований. Таким путем лучшие умы в сфере частного предпринимательства и академических кругов мобилизуются на решение сложнейших проблем, с которыми американская администрация сталкивается во всех областях общественной жизни.

О размахе «консультирования по контракту» дают представление следующие цифры: федеральное правительство оплачивает ныне примерно $\frac{2}{3}$ всех научно-исследовательских работ, проводящихся в стране, но из них лишь 14% расходуется в научных центрах или лабораториях, принадлежащих непосредственно правительству⁵. Все остальное идет на оплату исследований, выполняемых по заказам федерального правительства на стороне.

Федеральное правительство заключает контракты на выполнение научно-исследовательских работ с университетами, с частными промышленными фирмами и, наконец, со специализированными научно-исследовательскими организациями нового, относительно недавно сложившегося типа. Они — продукт своего рода симбиоза между университетами и частными компаниями, в американской печати их называют «фабриками мысли», «университетами без студентов» и т. п. Эти названия к настоящему времени утратили эмоциональную окраску и превратились просто в термины, фиксирующие некоторые внешние признаки данного типа научных организа-

⁵ «Industrial Research», March 1969, p. 29—30; January 1970, p. 47—48.

ций: сосредоточение их усилий исключительно на научно-исследовательской работе, выполнение ее не по какой-то собственной программе, а в соответствии с рыночной конъюнктурой, на заказ, разумеется в рамках определенного, хотя и довольно широкого, профиля.

В данной работе нас как раз и будет интересовать деятельность научно-исследовательских учреждений последнего типа, не получившая пока подробного освещения в нашей научной литературе. В настоящее время в США насчитывается около 600 таких учреждений, сильно различающихся и по специализации, и по качеству работы. Большая часть их ориентирована, если можно так выразиться, на научно-технический прогресс, работает в сфере внедрения достижений науки в производство, разрабатывает проблемы организации и управления и т. п. Нет сомнения в том, что опыт учреждений этого рода может представлять определенный интерес, однако следует сразу оговорить, что основным предметом нашего внимания будут те, гораздо менее многочисленные «фабрики мысли», которые ведут исследования в военно-политической и социально-политической областях, работают главным образом по заказам федеральных ведомств и потому могут считаться своего рода придатком государственного механизма США.

Особый интерес именно к этой группе «фабрик мысли» объясняется тем, что, выступая в роли поставщиков идей и консультантов «истэблшмента», они косвенно участвуют в процессе выработки внутри- и внешнеполитических решений на государственном уровне и оказывают определенное воздействие на формирование правительственной политики и общественного мнения.

Представляется также полезным рассмотреть научный инструментарий, которым пользуются американские «фабрики мысли» в своих военно-политических и социально-политических выкладках. Это может способствовать уяснению процесса выработки политики в США (хотя следует полностью отдавать себе отчет в том, что если речь идет о «большой политике», то тут значение новых методов анализа и принятия решений ограничено, главные, коренные решения пока принимаются без их помощи) и более детальному изучению самой техники, методики, поскольку последнюю нельзя считать исключительно американской «собственностью».

«ФАБРИКИ МЫСЛИ» — НОВЫЙ ВИД АМЕРИКАНСКОГО БИЗНЕСА

Со второй половины 50-х годов в Соединенных Штатах Америки начинается массовое вторжение гражданских специалистов в сферу, которая традиционно принадлежала исключительно военным, — в сферу разработки стратегических доктрин. Приобретают известность имена «стратегов» из академического мира — Генри Киссинджера, Бернарда Броди, Мортон Гальперина, Томаса Шеллинга, Клауса Норра, Германа Кана и др. В чем причина этого явления? С одной стороны, дело, видимо, в том, что начавшийся после второй мировой войны процесс милитаризации американской внешней политики повлек за собой и милитаризацию американской «политической науки», теории международных отношений; в центре внимания оказались проблемы, связанные с применением военной силы или угрозой ее применения. С другой стороны, шел и такой процесс, как изменение и усложнение самого объекта военно-теоретического исследования.

По мере появления и совершенствования новейших средств ведения войны американская военная наука стала требовать учета все более сложных взаимодействующих факторов, могущих кардинально повлиять на военное строительство, стратегические решения и исход конфликта как такового. Разработка военной теории потребовала не только узкоспециальных военных знаний, но знания экономики, высшей математики, математической логики и многих других дисциплин. Комплексный характер стратегических проблем со всей очевидностью

показал недостаточность узкопрофессионального подхода к ним, подвел к необходимости более широкого и всестороннего рассмотрения каждой проблемы. В связи с этим становилось все более очевидно, что необходимо шире использовать специальные методы в отыскании оптимальных решений.

Впервые в Америке новая аналитическая методика, позволяющая усовершенствовать процесс принятия решений, была применена в годы второй мировой войны. Военное ведомство США раньше других столкнулось с несовершенством старых методов анализа и выработки решений и выступило инициатором в деле привлечения ученых разных специальностей к разработке новых методов, в комплексе получивших название «исследование операций». Под этим термином понимаются аналитические методы, прежде всего математические по характеру, рассчитанные на то, чтобы из большого числа возможностей выбрать оптимальную комбинацию для достижения поставленной цели при определенных ограничениях. Как отмечают многие американские авторы, хотя появление методики исследования операций обычно датируют годами второй мировой войны, аналогичная техника оптимизации результатов уже применялась в течение нескольких лет в сфере управления промышленным производством, а сам термин «исследование операций» вошел в обиход уже в 1939 г.¹

Первоначально исследование операций предназначалось для отыскания оптимальных способов использования уже существующих вооружений и иных военных систем; позже перед исследованием операций встала более широкая задача — обосновать рациональное распределение ресурсов, находящихся в распоряжении военного ведомства, определить перспективные направления стратегического планирования, включая разработку новых систем оружия.

¹ Р. Акоф, М. Сасиени. Основы исследования операций. Пер. с англ. М., 1971, стр. 13.

1. Военные ведомства — пионеры использования «консультирования по контракту»

Одним из первых и наиболее широко известных примеров успешного применения исследования операций в США явилась деятельность группы по оценке операций, созданной в мае 1942 г. по инициативе ВМС США при содействии Колумбийского университета. Группа была небольшой организацией, подчиненной непосредственно командованию ВМС, в нее входили всего 7 специалистов во главе с сотрудником Массачусетского технологического института Филипом М. Морзе, ныне покойным. К концу же войны группа выросла до 70 человек, и в ней к тому времени были представлены физики, химики, биологи, геологи, специалисты по радиолокации, статистики и даже один шахматист-профессионал. Насколько эффективна была деятельность группы в годы войны и насколько важны были данные ею рекомендации, судить нелегко, так как ее работа была строго засекречена, однако некоторые данные все же попали в печать. В частности, одним из направлений деятельности группы была разработка тактики борьбы с японскими камикадзе. Основой для анализа послужило описание 450 нападений камикадзе на американские суда. Статистика свидетельствует о том, что после разработки группой соответствующих рекомендаций те, кто им следовал, уходили от удара в 71 случае из 100, а остальные — лишь в 51 случае².

По-видимому, доказательством успеха группы по оценке операций может служить и тот факт, что она не прекратила существования и после войны. Она функционирует до сих пор и считается составной частью ВМС США. Группа занимается преимущественно секретной работой, но, насколько известно, в ее компетенцию входят по большей части тактические вопросы.

Командование ВМС США пользуется услугами гражданских специалистов также и в деле разработки стратегии и долгосрочного планирования. Для этой цели была создана особая организация — Институт военно-

² G. M. Lyons, L. Morton. *Schools for Strategy*. N. Y., 1965.

морских исследований, расположенный в Кембридже, штат Массачусетс. В 1962 г. обе организации — Группа по оценке операций и Институт военно-морских исследований — были объединены в рамках Центра военно-морского анализа — научно-исследовательского учреждения, где рядом работают гражданские специалисты и офицеры ВМС. Перед Центром поставлена задача «анализа непосредственных и долгосрочных проблем, связанных с проведением военно-морских операций, а также тактических проблем и вопросов тылового обеспечения... на основе использования достижений науки и техники применительно к созданию средств технического оснащения ВМС, систем оружия и применительно к разработке долгосрочных планов»³.

Надо сказать, что по мере расширения области, в которой пытались применить исследование операций, этот комплекс методов претерпел ряд трансформаций. На основе первоначального, главным образом математического, инструментария возник новый — с одной стороны, более изощренный, с другой стороны, более емкий комплекс методов. Его основным отличием была меньшая зависимость от чисто количественного анализа, ориентация на исследование более широких проблем стратегии и политики. Перед новым комплексом методов, получившим название системного анализа, стояла задача способствовать принятию оптимального решения в условиях больших неопределенностей.

Альберт Уолстеттер, известный американский специалист в области математической логики, полагает, что системный анализ в отличие от исследования операций имеет дело: 1) с более отдаленным будущим (и, следовательно, должен более гибко подходить к вопросам выбора); 2) с большим количеством взаимосвязанных переменных; 3) с большими неопределенностями и 4) с менее очевидными целями и правилами, ограничивающими выбор⁴.

³ «Systems Development and Management. Hearings before the Subcommittee on Military Operations, Committee on Government Operations, U. S. House of Representatives, 87-th Congress». Washington, 1962, p. 1491.

⁴ A. Wohlstetter. Scientists, Seers and Strategy. N. Y., 1962, p. 36—37.

Не вдаваясь здесь в описание системного анализа (он рассмотрен в следующей главе), нужно отметить, что параллельно с эволюцией в подходе к исследованиям менялся и состав специалистов в консультативных группах; если в конце войны в них доминировали математики и физики, то десятилетием позже выдвинулись вперед экономисты, а ныне намечается сдвиг в пользу представителей общественных наук, по мере того как растет доля политических проблем в тематике исследований.

Однако если мы вернемся к истории научно-исследовательских организаций, практиковавших новые методы анализа, то обнаружим, что на протяжении ряда лет группа по оценке операций ВМС США оставалась уникальным учреждением. Не говоря уже о том, что гражданские ведомства тогда еще не проявляли никакого интереса к новым методам анализа и в вооруженных силах не было единого мнения об их эффективности.

Правда, наряду с ВМС, с самого начала с энтузиазмом отнеслось к новым методам анализа и командование американских военно-воздушных сил. Уже к концу 1942 г. при штабе ВВС имелась группа специалистов по исследованию операций, а к моменту завершения войны подобные группы были приданы всем крупным авиационным соединениям.

Возможно, причиной такой активности явилось то, что, по крайней мере в начале войны, военно-воздушные силы считались еще молодым видом вооруженных сил, с далеко не полностью выявленными боевыми качествами. Очевидно, прав Брюс Смит, автор исследования о корпорации РЭНД, который считает, что именно ВВС, с еще не успевшей окостенеть организационной структурой, легче было перейти к новым организационным формам консультирования — к системе контрактов с гражданскими научными учреждениями.

Хотя к концу войны ВВС уже обладали довольно разветвленной сетью специальных групп, занимавшихся исследованием операций, в компетенцию этих групп входили лишь непосредственные тактические задачи. ВВС продолжали испытывать острую потребность в высококвалифицированной разработке долгосрочных прогнозов и перспективных планов строительства этого вида вооруженных сил. Эта потребность была тем более ост-

рой, что в результате второй мировой войны и особенно в результате появления ядерного оружия (доставка которого к цели первоначально возлагалась лишь на авиацию) ВВС США оказались самым современным, ключевым элементом боевой мощи вооруженных сил страны.

Сразу же после войны командование ВВС заключило контракт с частной фирмой — «Дуглас эйркрафт», в соответствии с которым на свет появился так называемый «Проект РЭНД» («Рисерч энд Девелопмент»), предусматривавший привлечение к работе по заданиям ВВС лучших специалистов из университетов и частных фирм.

В 1948 г. «Проект РЭНД» получил статус научно-исследовательской организации РЭНД, самостоятельной частной корпорации некоммерческого — или, как часто говорят, «бесприбыльного» — типа. Так была организационно оформлена первая «фабрика мысли» — научно-исследовательское учреждение широкого профиля, «думающее» на заказ, по контракту. Что касается термина «бесприбыльная корпорация», то это означает, что данное предприятие является чисто научным либо образовательным, не стремится к извлечению коммерческой выгоды для себя и потому получает право не платить федерального подоходного налога (способ государственного стимулирования научных исследований).

В сущности название «бесприбыльная корпорация» не совсем точно: прибыль как таковую организации этого типа получают (оплата контракта производится по принципу: возмещение издержек плюс гонорар, равный 6—15% от общей стоимости контракта), только формы ее использования иные, чем в организациях коммерческого типа. Члены неприбыльной корпорации осуществляют над ней контроль в той же степени, в какой держатели акций контролируют деятельность обычной, коммерческой корпорации, с той лишь разницей, что неприбыльная корпорация не производит выплаты дивидендов. Вместо этого она имеет право расходовать прибыль на финансирование новых исследований, капитальное строительство, улучшение условий труда научного персонала (в том числе и на повышение заработной платы); кроме того, некоммерческие корпорации могут использовать в качестве субподрядчиков коммерческие организации, в которых косвенно заинтересованы

их сотрудники (и при этом нередко случаи искусственного завышения оплаты труда субподрядчиков).

Бесприбыльные корпорации не имеют стимула к накоплению прибылей, поскольку по уставу некоммерческой организации ее капитал в случае ее роспуска переходит в распоряжение федерального правительства; однако в стремлении расширить свою деловую активность они проявляют не меньшее рвение, чем организации коммерческие.

РЭНД — не единственная научно-исследовательская организация, к услугам которой прибегает командование ВВС США. Помимо РЭНД, ВВС тесно связаны с аналогичными ей по типу корпорациями «Аналитик сервис», «Аэроспейс» «Митре» и т. д. Однако РЭНД — самая известная организация, и к тому же она ведет исследования наиболее широкого диапазона.

Армия США в годы войны не сочла нужным прибегнуть к услугам гражданских специалистов; только в сентябре 1948 г. по настоянию Ванневара Буша и генерала Маколиффа управление НИОКР (научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы) армии создало Бюро исследования операций. Ввиду отсутствия необходимых специалистов в рядах армии был использован тот же принцип, что и в случае с Группой по оценке операций, — военное ведомство заключило контракт с университетом Джонса Гопкинса, чтобы иметь возможность пользоваться его научными кадрами.

Бюро исследования операций было основано как полностью гражданское учреждение и осталось частью университета. Его возглавил физик Эллис А. Джонсон, один из пионеров исследования операций, а в числе его непосредственных помощников были три физика, астрофизик и специалист в области политических наук; в Бюро были представлены различные академические дисциплины — математика, химия, радиоэлектроника, геология, метеорология, психология, антропология, социология, экономика, история и т. д. По условиям контракта Бюро работало исключительно над военными проблемами секретного характера и выполняло чисто консультативные функции. Известно, что первой работой Бюро было исследование проблемы иностранной военной помощи в политическом, экономическом, военном и социальном аспектах. Видимо, армия убедилась в необ-

ходимости услуг гражданских экспертов, поскольку в 1961 г. контракт с университетом Джонса Гопкинса был расторгнут ради создания более крупной исследовательской организации, формально автономной и не подчиненной военным, — Корпорации исследовательских анализов, основные направления деятельности которой были определены как политические исследования, создание новых систем оружия, разработка стратегии и тактики сухопутных сил США. Вслед за Корпорацией исследовательских анализов были созданы и другие учреждения для удовлетворения нужд армии — Бюро исследования человеческих ресурсов, Специальная организация по исследованию операций.

Созданное в 1951 г. Бюро исследования человеческих ресурсов работает в специфической области, которую его сотрудники именуют «психотехнологией», — имеется в виду разработка всего комплекса проблем, связанных с поведением человека. Эти проблемы интересуют армию США, начиная от создания методики обучения новобранцев и кончая вопросами ведения «психологической войны». Деятельность Бюро строго засекречена, но даже немногие просачивающиеся в печать сведения о его работе не оставляют сомнений в том, что в основе всех изысканий лежит подход к человеку как подчиненному компоненту системы оружия, а свою основную задачу Бюро видит в создании максимально эффективных способов манипулирования «человеческим материалом». Недаром в период подъема антивоенных настроений в 1969 г. Бюро подверглось столь бурным нападкам демонстрантов, что его было решено перевести из столицы в более укромный уголок — в город Александрию в штате Вирджиния.

Параллельно с научно-исследовательскими учреждениями, обслуживающими нужды отдельных видов вооруженных сил, существуют консультанты и у министра обороны. Первым опытом, оказавшимся не очень успешным, было создание Группы оценки систем оружия в 1949 г. Хотя в нее помимо кадровых военных входили и гражданские специалисты, руководство Группой осуществляли целиком и полностью военные, подчинена она была непосредственно Комитету начальников штабов и даже территориально располагалась в Пентагоне. Трудно судить, эти ли именно факторы обрекли деятельность

Группы на неудачу, но ей не удалось привлечь к своей работе первоклассных специалистов и заявить о себе сколько-нибудь серьезно.

Положение изменилось лишь после 1956 г., когда в ответ на просьбу министерства обороны пять крупных американских высших учебных заведений — Калифорнийский технологический институт, Технологический институт Кейса, Массачусетский технологический институт, Стэнфордский и Тьюлэнский университеты — выступили совместно как учредители новой некоммерческой научно-исследовательской организации — Института оборонного анализа. Позднее к числу этих «отцов-основателей» присоединились еще семь — Калифорнийский, Чикагский, Колумбийский, Принстонский, Мичиганский, Иллинойсский и Пенсильванский университеты, предоставившие в распоряжение министерства обороны знания и опыт не только в области точных наук, но и в области наук гуманитарных, что можно считать свидетельством появления у Института оборонного анализа интереса к социально-политическим аспектам проблем национальной безопасности.

В 1956 г., когда институт создавался, тогдашний министр обороны Чарльз Вильсон прежде всего нуждался в квалифицированной помощи нового научного центра для того, чтобы положить конец соперничеству ВВС и ВМС в борьбе за «ракетную монополию». Этот спор так и не удалось рассудить, но тем не менее Институт оборонного анализа быстро завоевал прочное положение. К концу 60-х годов институт вырос в крупное научное учреждение со штатом около 600 человек и бюджетом в 14 млн. долл.

Сильная сторона Института оборонного анализа — находящиеся в его распоряжении первоклассные специалисты во всех областях знания. Специальность института — стратегические исследования, оценка новых систем оружия, исследование международных отношений, разработка «контрповстанческой» тактики, экономический анализ, вопросы управления на государственном уровне. За годы своего существования институт выполнил несколько сот исследований для Пентагона, но широкой общественности известно лишь несколько работ, так как $\frac{3}{4}$ продукции института имеют гриф «секретно», а практически все остальные — «только для слу-

жебного пользования». Однако даже скудная имеющаяся информация позволяет судить о диапазоне исследований института и степени его влияния.

В отличие от многих других центров такого рода, стремящихся избегать оперативной работы, Институт оборонного анализа регулярно выполняет текущие, срочные задания министерства обороны и Комитета начальников штабов. Более же крупные исследования прогнозистического характера касаются по существу всех важнейших военно-политических проблем, встающих перед руководством на государственном уровне. Известно, например, что при вступлении Р. Никсона в должность президента в 1969 г. ему был передан доклад, посвященный «внешней и внутренней угрозе безопасности США»; известно также, что институт разрабатывал в последнее время такие проблемы, как использование искусственного воздействия на климат в военных целях, восстановление государственного устройства и экономического потенциала США после ядерной войны, альтернативные варианты развития отношений США и КНР.

Одно подразделение Института является совершенно уникальным в американской практике — это так называемая Язоновская группа (названная так по имени Язона, героя греческой мифологии, предводителя аргонавтов), состоящая из 45 выдающихся ученых, в том числе нескольких лауреатов Нобелевской премии, крупнейших представителей академического мира, в большинстве своем профессоров таких университетов, как Принстонский и Калифорнийский, как Массачусетский технологический институт. Институт оборонного анализа старается держать в секрете имена «язоновцев», как их называют, но некоторые имена все же становятся известными (например, Норман Кролл, профессор физики Калифорнийского университета в Сан-Диего, Эдвин Салпетер, специалист по ядерной физике из Корнельского университета).

Члены Язоновской группы встречаются для обсуждения центральных военно-политических проблем периодически, обычно эти встречи проходят во время летних отпусков или в выходные дни. По утверждениям печати, среди поднимаемых ими вопросов такие, как дальнейшее развитие ракетной техники, совершенствование систем обнаружения подводных лодок, ядерное оружие,

проблемы ПРО и т. д. Известно также, что «язоновцы» приложили руку и к «вьетнамской проблеме» — в частности, им принадлежала идея создания пресловутого электронного заградительного пояса между Северным и Южным Вьетнамом («линия Макнамары»); весной 1968 г. в американской прессе промелькнули сообщения о том, что Язоновская группа обсуждала также целесообразность применения во Вьетнаме тактического ядерного оружия.

С разрешения Пентагона Институт оборонного анализа выполняет работы невоенного характера по контрактам с гражданскими федеральными ведомствами, например с Управлением городского общественного транспорта, с министерством юстиции, однако объем этих работ невелик и никоим образом не меняет общей направленности институтской деятельности.

По замыслу основателей института его отношения с университетами-учредителями должны были складываться таким образом, чтобы достичь двоякой цели — с одной стороны, черпать из университетов первоклассные научные кадры для оказания правительству консультационных услуг, а с другой, воздействовать и на сами университеты, стимулируя там интерес к проблемам национальной безопасности, к новейшим методам анализа и принятия решений.

Однако отношения института с университетами-учредителями развивались отнюдь не гладко. Осенью 1967 г. принстонское отделение организации «Студенты за демократическое общество» потребовало, чтобы Принстонский университет вышел из состава группы учредителей Института оборонного анализа в знак протеста против войны во Вьетнаме; аналогичные требования были выдвинуты в Мичиганском и Чикагском университетах. Требование разорвать связь с Институтом оборонного анализа было одним из ключевых в программе студентов Колумбийского университета во время восьмидневной забастовки весной 1968 г. В результате многочисленных выступлений такого рода все 12 университетов решили отказаться от «родства» с Институтом оборонного анализа, и теперь формально институт с ними не связан, а университетские профессора сотрудничают с ним уже как частные лица, а не официальные представители того или иного университета (фактиче-

ская же тесная деловая связь университетов с институтами при этой пертурбации, естественно, пострадала мало).

Указанные учреждения имеют статус частных бесприбыльных корпораций, формально они вольны заключать контракты на выполнение исследований с любыми клиентами, располагающими соответствующими финансовыми возможностями, но в действительности каждое из них по-прежнему обслуживает преимущественно один из видов вооруженных сил либо министерство обороны (собственно, такова и была цель их создания).

Чисто гражданские «думающие» организации, работающие по контрактам с правительственными ведомствами, в этом отношении сильно отстают от научно-исследовательских корпораций, ориентированных на военные исследования. Среди немногих гражданских «фабрик мысли» следует упомянуть две — Институт исследований по проблемам бедности и Институт городских проблем. Первый был создан в 1966 г. при Висконсинском университете по контракту с Управлением экономических возможностей. Этот институт — небольшая организация со штатом 25 сотрудников и годовым бюджетом примерно в миллион долларов. Этот центр, выполняя с 1971 г. исследования, рассчитанные на 3 года, ведет наблюдение за 1000 бедных семей в штате Нью-Джерси, чтобы попытаться дать свои, научно обоснованные предложения по реформе системы пособий.

Институт городских проблем — самая крупная из гражданских «фабрик мысли» — был создан в апреле 1968 г., имеет в штате около 160 человек. Институт пока мало известен, хотя в его организации приняли участие несколько ведомств: министерство труда, министерство жилищного строительства и городского развития, Управление экономических возможностей, министерство здравоохранения, образования и социального обеспечения.

Учреждения, о которых до сих пор говорилось, созданные по инициативе органов федерального правительства и в значительной мере на деньги последнего, официально именуются «федеральными договорными исследовательскими центрами» (в 1967 г. это название было заменено еще менее благозвучным и пока так и не прижившимся — «финансируемые федеральным пра-

вительством центры научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ»); это все фактически полугосударственные институты. Таковых в Америке, по подсчету П. Диксона, автора монографии «Фабрики мысли», примерно 75⁵. Однако помимо них в рубрику «фабрик мысли» входят еще и так называемые независимые институты⁶, также имеющие статус бесприбыльных.

Таких институтов в США около 200, они разнообразны и по профилю, и по структуре, однако любопытно, что наиболее авторитетные из них, будучи основаны именно как независимые, постепенно также втягиваются в орбиту исследований преимущественно по заказам военных ведомств, получающих львиную долю государственных средств и довольно свободно раздающих контракты.

Приведем в качестве примера Стэнфордский исследовательский институт. Это крупная организация, специализирующаяся в области инженерно-технических и экономических разработок. Он был создан при Стэнфордском университете как бесприбыльная научно-исследовательская корпорация по инициативе крупных предпринимателей Тихоокеанского побережья, чтобы обеспечить предприятиям в этом районе высококвалифицированную научно-техническую помощь. К моменту возникновения Стэнфордского исследовательского института в 1946 г. на всем Тихоокеанском побережье, в 11 западных штатах, было меньше научно-исследовательских центров, чем в одном лишь штате Коннектикут.

За время своего существования Стэнфордский исследовательский институт получил от своих клиентов более полумиллиарда долларов, его годовой доход в настоящее время составляет примерно 60 млн. долл., а в штате числится около 3 тыс. человек, разрабатывающих примерно 700—800 тем в год. Центральный научный комплекс института, расположенный в Менло-парке (штат Калифорния), занимает площадь около 80 акров, кроме

⁵ P. Dickson. Think Tanks. N. Y., 1971, p. 30.

⁶ Слово «независимый» в данном случае означает лишь то, что эти институты были созданы без какой-либо официальной предварительной договоренности с федеральными ведомствами, по инициативе и на средства частных лиц.

того, у института имеются многочисленные лаборатории, разбросанные по всему штату, начиная от крупной лаборатории по изучению окружающей среды в Ирвине или лаборатории по изучению морских млекопитающих в Сан-Франциско и кончая несколькими испытательными полигонами для исследования взрывчатых веществ, расположенными в наименее населенных уголках севера Калифорнии. Институт имеет также филиалы в большинстве крупных американских городов и за границей — в Цюрихе, Токио, Стокгольме, Сиднее.

Институт в целом ориентирован на точные и естественные науки, общественные науки представлены в его штате слабее, но тем не менее он разрабатывает такие проблемы, как взаимодействие между наукой, техникой и обществом, выполняет исследования политического плана (например, подготовленный по заказу сенатской комиссии по иностранным делам доклад на тему о влиянии научно-технического прогресса на внешнюю политику США).

Стэнфордский институт считают пионером среди организаций, занимающихся технологическим прогнозированием, более того, начиная с 1958 г. институт наладил систематическую информационную работу в области научно-технического прогнозирования. Для этого Служба долгосрочного планирования института издает «Журнал Стэнфордского исследовательского института» (выходит нерегулярно 5—6 раз в год и рассылается заинтересованным организациям бесплатно), ежегодно публикует и рассылает подписчикам сводные отчеты по 30—40 актуальным темам, касающимся всех областей, в которых происходят серьезные научно-технические, экономические, социальные или политические изменения (включая такие темы, как, например, проблема медицинского обслуживания, безработица, Англия и «Общий рынок» и т. д.). С 1964 г. сотрудники Службы стали раз в год составлять сводный отчет по какой-либо комплексной проблеме (в числе опубликованных отчетов были такие, как «Мир в 1975 г.», затрагивающий перспективы международных отношений, тенденции в экономике, государственном управлении и политике, науке и технике, социальных и культурных явлениях; «Рамки планирования научных исследований и разработок», посвященный методологии и методам планирования, а также методам

технологического прогнозирования и анализа прошлых прогнозов; «Управление нововведениями» и пр.).

Хотя Стэнфордский исследовательский институт был создан прежде всего для содействия региональному экономическому развитию Тихоокеанского побережья США, к настоящему времени у него более тесные связи с федеральным правительством, чем с местными властями и предпринимателями. В последние несколько лет институт получает до 75% своих доходов от федеральных ведомств, главным образом — от военных. Хотя Стэнфордский исследовательский институт формально не входит в число полугосударственных научных центров, созданных специально для обслуживания военных ведомств, он, например, в 1969 г. получил более половины годового дохода за счет военных контрактов, что составляет сумму, намного превышающую поступления из военных источников, полученные корпорацией РЭНД за тот же год.

По сообщениям американской печати, в последние годы сотрудники Института принимали активное участие в «научном» обеспечении военных авантур американского правительства в Юго-Восточной Азии, исследовали по заданию ВМС США дельту Меконга, разрабатывали проблему повышения эффективности полевой радиосвязи в джунглях; 55 сотрудников института были командированы к тайландско-американскому военно-исследовательскому центру в Бангкоке, специализирующемуся на разработке методов ведения противопартизанской борьбы.

Научная репутация Стэнфордского исследовательского института весьма высока, однако одновременно он известен в американских академических кругах как центр, не стесняющий себя в погоне за контрактами никакими моральными ограничениями. По словам П. Диксона, для этого института больше, чем для какого бы то ни было другого американского научного учреждения, характерно «торгашеское мышление»⁷.

⁷ Другой американский автор — Дж. Риджуэй в книге «Закрытая корпорация» цитирует следующее высказывание Уэлдона Гибсона, президента международного отделения Стэнфордского исследовательского института: «Разработка атомного оружия большей разрушающей силы? Да, мы бы взялись за это, если бы в этом была нужда и нам предложили такой контракт».

В Стэнфордском университете уже давно стали раздаваться протесты против военной направленности исследований Стэнфордского исследовательского института, однако апогея недовольство достигло весной 1969 г. Появились пикеты, студенты разбрасывали листовки и наклеивали плакаты, изобличающие связь Стэнфордского исследовательского института (а следовательно, и самого Стэнфордского университета, поскольку институт до той поры считался составной частью последнего) с военно-промышленным комплексом США; во время забастовки студенты захватили и в течение девяти дней удерживали одну из лабораторий института. Студенты и присоединившаяся к ним часть преподавательского состава выдвинули следующие требования: покончить с разработкой химического и бактериологического оружия; взять деятельность Стэнфордского исследовательского института под более строгий контроль и заставить его выполнять лишь «социально приемлемые» исследования; положить конец разработке в институте тактики противопартизанских действий; отказаться от участия в исследованиях, предназначенных для повышения эффективности боевых действий американских войск в Юго-Восточной Азии.

Вначале эти требования были отклонены, но недовольство не стихло, и в результате в 1970 г. попечительский совет Стэнфордского университета был вынужден объявить о предоставлении полной самостоятельности институту и разрыве формальной связи с ним. Одновременно Стэнфордский исследовательский институт объявил о прекращении всех работ в области создания химического и бактериологического оружия (впрочем, это вряд ли можно расценить как большую уступку общественному мнению, поскольку федеральное правительство как раз в это время сообщило о прекращении финансирования такого рода работ). Юридическое аннулирование связей между университетом и институтом не сказалось на их профессиональных взаимоотношениях, и многие профессора Стэнфордского университета по-прежнему продолжают по совместительству работать в Стэнфордском исследовательском институте.

Пример Стэнфордского института лишний раз иллюстрирует тот факт, насколько далеко зашел процесс милитаризации науки в США. Обращает на себя вни-

мание также и то, что на фоне общего усиления государственного стимулирования социально-экономических и бихевиористских наук в последнее время (по бюджету федерального правительства в 1970 г. на эти науки отпущено 345 млн. долл. по сравнению с 30 млн. долл. в 1956 г., 73 млн. долл. в 1960 г. и 240 млн. долл. в 1965 г.⁸) опять-таки и в этой области самым крупным подрядчиком выступает министерство обороны (на втором месте стоит госдепартамент США, но его финансовые возможности несравненно скромнее).

Давая показания в 1968 г. перед сенатской комиссией по иностранным делам, адмирал Х. Риквер говорил на эту тему: «Министерство обороны ведет исследования, которые имеют самое отдаленное отношение к проблемам вооруженных сил ...просто потому, что у него есть на это деньги: оно располагает большими средствами, чем какое бы то ни было другое государственное ведомство»⁹.

По меткому выражению американского исследователя Майкла Клэра, университеты и прочие исследовательские центры по существу превратились в «четвертый вид вооруженных сил» США. Правда, он формально не представлен в правительстве собственным министерством, как три других вида вооруженных сил, но в американском правительственном аппарате нет недостатка в советниках или консультативных комитетах по науке и т. п.

Положение несколько меняется буквально в самое последнее время: многие исследовательские учреждения, тесно связанные с военными ведомствами, ныне пошли на существенное расширение круга клиентуры, включение в нее ряда гражданских ведомств. Это связано с целым рядом обстоятельств: во-первых, военные ведомства перешли на режим более строгой экономии средств, а следовательно, стали более разборчивы при заключении контрактов; во-вторых, в стране произошел некоторый сдвиг в системе приоритетов, на передний план выдвинулись острые внутренние социально-экономиче-

⁸ Подсчитано по: «Federal Funds for Research, Development and Other Scientific Activities. F. Y. 1968, 1969, and 1970». Washington, 1971, p. 7.

⁹ Цит. по: P. Dickson. Op. cit., p. 133.

ские проблемы, и правительственным кругам хотелось бы использовать для решения этих проблем богатый опыт, накопленный «фабриками мысли» на службе у военных; наконец, изменился общий политический климат в стране, растут антимилиитаристские настроения, и это вынуждает руководство «фабрик мысли», тесно связанных с военными ведомствами, маскировать эту связь, подчеркивать свою автономность, политическую независимость.

С. Дейчман, руководитель недавно созданного в Институте оборонного анализа отдела гражданских программ, указывает на четыре причины изменения в ориентации центров военно-политических исследований: «Во-первых, по-моему, страна вообще устала от Вьетнама и от войны. Люди считают, что пора нам заняться другими проблемами, в военной области мы поработали более чем достаточно. Во-вторых, в стране в принципе происходит определенный сдвиг, в результате которого на гражданские программы будет ассигновываться больше денег. В-третьих, в «фабрики мысли» приходит новое, молодое поколение ученых, которые не хотят заниматься оборонной работой. Наконец, сейчас именно гражданские проблемы представляют большой простор для новаторской работы, поэтому туда и стремится талантливая молодежь»¹⁰.

В последнее время антивоенная оппозиция в США, особенно в университетских городках, активно требует отказа университетов от сотрудничества с Пентагоном. В массе своей это движение молодежное, студенческое, но в ряде высших учебных заведений его поддержали и преподаватели. Например, 46 профессоров и преподавателей Массачусетского технологического института обратились весной 1969 г. ко всем ученым страны с заявлением «Против злоупотребления наукой», в котором призывали «найти способ переключить исследования с нынешней военной тематики на решение острых проблем окружающей среды и социальных проблем»¹¹. В этих условиях все больше ученых отказывается идти на открытое сотрудничество с Пентагоном, а это в свою очередь создает благоприятную конъюнктуру для «фаб-

¹⁰ Цит. по: P. Dickson. Op. cit., p. 219—220.

¹¹ «Bulletin of the Atomic Scientists», March 1969, p. 8.

рик мысли» с гражданским статусом. Отсюда и особое выпячивание в последние 2—3 года «независимости», «нейтральности» этих организаций, их готовности сотрудничать с гражданскими ведомствами.

2. Корпорация РЭНД — родоначальница американских «фабрик мысли»

Корпорацию РЭНД часто называют родоначальницей американских «фабрик мысли», и это, видимо, справедливо. Как с точки зрения организационной структуры и взаимоотношений с клиентами, так и с точки зрения теоретико-методических основ исследовательской работы, широты профиля, комплексного подхода к любой проблеме, корпорация РЭНД послужила образцом для десятков родившихся позднее «фабрик мысли» (не говоря уже о том, что целый ряд организаций отпочковался непосредственно от РЭНД или был основан бывшими сотрудниками корпорации). В силу этого мы и избрали именно РЭНД, чтобы на конкретном материале проследить, что же представляет собой «фабрика мысли».

«Проект РЭНД» официально родился 2 марта 1946 г.— в этот день был подписан контракт между ВВС США и частной авиационной фирмой «Дуглас эйркрафт», в рамках которой и создавалось новое научно-исследовательское подразделение. Фирма «Дуглас» брала на себя осуществление «Проекта РЭНД» — «постоянной программы исследований, рассчитанной на то, чтобы оказать ВВС США помощь в деле повышения боеспособности»; целью исследований провозглашалась «разработка и проведение в жизнь планов и программ ВВС»¹².

Хотя в этот момент штат нового научного подразделения фирмы «Дуглас» состоял всего из четырех человек, через два месяца группа выполнила первое задание ВВС и представила доклад под названием «Предварительная конструкция орбитального космического корабля». Это исследование было типично для общего направления работ РЭНД в первые годы — группа была

¹² «The RAND Corporation: The First 15 Years». Santa Monica, 1963, p. 2.

ориентирована почти исключительно на решение технических проблем. В указанном докладе (датирован 1946 г.) общим объемом в 324 страницы социально-экономическим и даже стратегическим аспектам исследуемого вопроса было уделено самое минимальное внимание¹³.

Большая часть ранних работ РЭНД была просто продолжением того, чем занимались специалисты по исследованию операций в военное время: аэродинамика, конструкции ракет, ракетное топливо, бомбардировщики дальнего радиуса действия — вот краткий перечень первых тем.

Уже вскоре стало ясно, что, с одной стороны, РЭНД оказывает ВВС ценные услуги и потому нуждается в расширении, а с другой — статус исследовательской группы как составной части промышленной фирмы никак не может считаться удовлетворительным: это не способствовало привлечению в группу крупных ученых, создавало административные трудности, да и сама корпорация «Дуглас» тяготилась присутствием РЭНД, поскольку остальные авиационные фирмы стали относиться к ней с подозрительностью, считая, что она находится в привилегированном положении по отношению к ним, будучи непосредственно связанной с ВВС.

В ноябре 1948 г. «Проект РЭНД» получил независимый статус — в соответствии с законодательством штата Калифорния, была зарегистрирована новая научно-исследовательская организация, получившая название корпорации РЭНД. Создание ее стало возможным благодаря финансовой помощи со стороны Фонда Форда, предоставившего заем в 100 тыс. долл. В течение последующих лет Фонд Форда довел размер этого зай-

¹³ Если, однако, вспомнить, какое впечатление произвел на Америку запуск первого советского искусственного спутника Земли, то следующие строки доклада кажутся пророческими: «Поскольку власть над стихиями — это надежный показатель материального прогресса, страна, которая первой сделает шаг в космос, будет признана самой передовой в мире как в области военной техники, так и в области науки. Чтобы представить себе воздействие такого события на мир, вообразите, с каким смешанным чувством ужаса и восхищения встретили бы США известие о том, что какая-то другая страна уже осуществила запуск искусственного спутника» (цит. по: «Congressional Record», vol. 109, October 1963, p. A6279).

ма до миллиона долларов и в 1952 г. официально превратил его в субсидию на научно-исследовательскую работу.

Цели. Говорить о том, какие конкретные цели были поставлены перед корпорацией РЭНД при ее создании или как они формулируются в настоящее время,— не просто, потому что у корпорации нет четкой, определенной программы или четко ограниченного круга интересов. Формулировка основной задачи РЭНД как «изучение предпочтительных приемов и средств ведения межконтинентальных боевых действий» достаточно расплывчата, чтобы позволять трактовать ее каким угодно образом.

Исследования, выполняемые корпорацией РЭНД, разнообразны: от узкоконкретных — типа разработки технологического процесса — до анализа общих стратегических концепций. Но в большинстве случаев их объединяет одна общая черта — стремление к оптимизации результата. По словам первого президента корпорации Франклина Р. Колбома, «специальность РЭНД — долгосрочные прогнозы, анализ стратегических и технических проблем»¹⁴.

Судя по заявлению командования ВВС от 21 июля 1948 г., оно намеревалось минимально использовать РЭНД лишь для решения «горящих» проблем. По самому замыслу корпорация не была призвана заниматься текущими вопросами (чтобы оградить РЭНД от текучки, в штабе ВВС был создан специальный орган для координации всех заявок различных командований ВВС на услуги РЭНД). Однако полностью РЭНД несвободна от оперативных заданий. Эти задания могут быть самыми различными — проведение инструктажа, подготовка справки на основе имеющейся информации, критический анализ какого-либо разрабатываемого в ВВС документа, временное прикомандирование сотрудника РЭНД к тому или иному подразделению ВВС. Количество таких оперативных заданий в один год может быть большим, в другой — малым (например, в 1964 г. корпорация выполнила 285 поручений такого рода, а в 1961 г. — в полтора раза меньше)¹⁵.

¹⁴ B. Smith. The RAND Corporation. N. Y., 1966, p. 18.

¹⁵ Ibid., p. 82.

Чтобы перечислить все проблемы, которыми занимается РЭНД, не хватает даже 700-страничного «Индекса», ежегодно издаваемого корпорацией, поскольку в «Индексе» перечисляются лишь открытые доклады и публикации РЭНД, а они далеко не исчерпывают всего объема ее деятельности, поскольку значительная часть работ корпорации засекречена.

Руководство РЭНД с первых же лет взяло за правило вести в каждом отделе теоретическую или «чисто научную» работу, призванную стать базой, обеспечить «интеллектуальный капитал» для прикладных исследований. Например, отдел вычислительной техники играет в целом вспомогательную роль, обслуживая нужды других подразделений РЭНД, но в то же время его сотрудники работают над математической теорией, над проблемами имитации деятельности человеческого мозга, математической биологией и математической лингвистикой. Соотношение между теоретическими и прикладными исследованиями меняется от отдела к отделу. Отдел астрономии, скажем, почти исключительно занят фундаментальными изысканиями, а отдел функционирования систем — прикладными.

То обстоятельство, что корпорация располагает собственными средствами для финансирования исследований, гарантирует РЭНД возможность непрерывно вести теоретическую работу, однако в большинстве случаев заказчики берут на себя возмещение части расходов на теоретические исследования, непосредственно связанные с разработкой интересующих их проблем.

Начиная с 50-х годов РЭНД перешла к исследованию проблем более высокого порядка сложности, чем традиционные объекты исследования операций, — к исследованию политико-стратегических проблем, требующих учета большого числа взаимозависящих переменных, не обязательно имеющих количественное выражение, но функционирующих в рамках единой системы. Ряд сотрудников РЭНД получили широкую известность именно благодаря своей деятельности в области разработки американской военно-политической доктрины — среди них Бернард Броди, Герман Кан, Альберт Уолстеттер, Уильям Кауфман, Томас Шеллинг. Методология системного анализа, уже сложившаяся к этому времени в РЭНД применительно к исследованию инженерных

или тактических проблем, стала базой для научного подхода РЭНД к вопросам стратегии и политики.

Разумеется, далеко не все сотрудники корпорации работают над исследованием стратегических проблем в широком смысле слова. Большинство из них продолжают выполнять более «традиционные» задания в рамках своей конкретной специальности. Более того, те результаты, которых они добиваются каждый в своей области, служат «сырьем» для междисциплинарных системных исследований, выполняемых рэндовскими «стратегами». Число этих «стратегов» вряд ли превышает 15% общего числа научных сотрудников РЭНД¹⁶.

Помимо политико-стратегических вопросов РЭНД по-прежнему работает над инженерно-техническими проблемами, особенно известны исследования ее сотрудников в области ракетно-космической техники. Разработка таких ракет, как «Атлас» и «Хок», самым непосредственным образом связана с РЭНД. В 60-е годы РЭНД была поставщиком основных идей и координатором опытно-конструкторских работ, легших в основу так называемых МИРВ — множественных (кассетных) ядерных ракетных боеголовок с индивидуальным наведением зарядов на цели — новейшего оружия, которое теперь США начали вводить в строй, что означает новый, еще более опасный виток гонки вооружений¹⁷.

По данным официального отчета РЭНД за 1969 г., например, корпорация подготовила за этот год 550 докладов, меморандумов и книг. Традиционно все исследования тематически группируются в четыре больших раздела: проблемы международной политики, стратегия и тактика вооруженных сил США, проблемы внутренней политики, научно-технические проблемы и исследовательские методики.

По мнению Джеймса Дигби, возглавляющего программу международных исследований корпорации, в штате РЭНД больше специалистов по международной безопасности, чем в какой бы то ни было другой, отдельно взятой организации в США; в то или иное время практически все без исключения страны мира становились здесь объектом изучения. Как говорится в от-

¹⁶ В. S m i t h. The RAND Corporation, p. 105.

¹⁷ «National Journal», March 14, 1970, p. 544.

чете, корпорация занимается исследованием политического, экономического и научно-технического развития других стран в силу того, что знание всех этих вопросов необходимо для «эффективного и верного решения проблем обеспечения национальной безопасности США»; в эту рубрику входят самые разнообразные исследования — от изучения промышленного потенциала Китая или экономики и политики стран Ближнего Востока до вопросов планирования семьи на Тайване или влияния церкви в Латинской Америке.

На центральном месте в тематике корпорации стоят чисто военные проблемы. «РЭНД по давней традиции продолжает разрабатывать важнейшие стратегические вопросы,— сообщает упомянутый отчет.— Эта работа важна как с точки зрения ее непосредственного влияния на формирование военной политики, так и с точки зрения выявления новых методов анализа стратегических проблем и новых стратегических концепций». Напоминая былые заслуги корпорации в обосновании необходимости ускорения темпов ракетного строительства в США в 50-е годы, в разработке концепций «гибкого реагирования», «контрсилы» и т. п., авторы отчета перечисляют нынешние стратегические исследования РЭНД — от наметок вариантов новых военно-политических доктрин, отвечающих изменившемуся не в пользу США соотношению сил в мире, до практических рекомендаций по дислокации вооруженных сил, совершенствованию систем командования и контроля, ракетной техники, по организации ядерных испытаний и т. д.

Большая группа исследований посвящена вопросам тактики военно-воздушных сил США; в числе прочих вариантов корпорация в 1969 г. провела серию игр ограниченных ядерных и неядерных войн в Европе, Азии и на Ближнем Востоке.

На протяжении многих лет корпорация РЭНД занимается исследованиями «по противодействию повстанческой деятельности», каковые являлись прежде всего «научным обеспечением» вьетнамской политики США. С самого начала американской агрессии в Юго-Восточной Азии корпорация РЭНД интенсивно занималась «вьетнамскими проблемами»; ей поручались самые разнообразные задания — анализ показаний пленных (аналогичную работу РЭНД выполняла и во время корей-

ской войны), математические расчеты эффективности бомбометания, изучение поведения беженцев, эффекта от применения гербицидов и операций по обезлесению, настроений южновьетнамской молодежи. Роль РЭНД в подготовке и осуществлении всей вьетнамской авантюры стала совершенно очевидной после того, как летом 1971 г. некоторые газеты США опубликовали документы из секретного «вьетнамского архива» Пентагона. Изданная газетой «Нью-Йорк таймс» книга «Пентагоновские документы» буквально пестрит упоминаниями о секретных исследованиях, выполненных в корпорации РЭНД. Ознакомившись с этими материалами, нельзя не согласиться с П. Диксоном, который пишет: «В результате всей этой работы («вьетнамских исследований» корпорации.— *И. Ш.*) собралась огромная масса материалов, преимущественно служивших для оправдания войны на всех ее стадиях. По существу РЭНД настолько тесно связана с этой войной, что может считаться скорее ее участником, нежели наблюдателем»¹⁸.

Начиная с середины 50-х годов довольно большое место в деятельности корпорации РЭНД стала занимать так называемая советология; особо выделяются такие направления исследований, как изучение вооруженных сил СССР, советской военной мысли, состояния экономики, сельского хозяйства. Специалисты корпорации тщательно следят за развитием советской науки и техники; например, среди периодических изданий корпорации есть журнал, посвященный советской кибернетике.

В настоящее время РЭНД весьма широко рекламирует и свои гражданские исследования — например, работы по контракту с мэром Нью-Йорка (властям города этот контракт стоил 600 тыс. долл.) над решением таких городских проблем, как организация пожарной охраны, полиции, медицинского обслуживания населения, жилищного строительства.

В сущности, «сдвиг интересов» в сторону исследования гражданских проблем, о чем так много говорит администрация корпорации, является не только данью общему изменению политического климата в США, но и попросту вынужденным шагом в обстановке более строгого контроля конгресса за расходованием федеральных

¹⁸ P. Dickson. Op. cit., p. 67.

средств (при обсуждении военного бюджета на 1972 г. конгресс США урезал средства, предназначенные министерством обороны и прочими военными ведомствами для РЭНД на 15%, ассигновав корпорации 17,4 млн. долл. вместо запрошенных 20,4 млн.)¹⁹. В этих условиях дальнейшие перспективы деятельности корпорации зависят от того, насколько она сумеет примениться к новой конъюнктуре и найти для себя дополнительные источники средств за счет расширения круга клиентов.

Определенным толчком в том же направлении несомненно послужил скандал вокруг Дэниела Элсберга — бывшего сотрудника РЭНД, передавшего в печать секретные документы Пентагона, доступ к которым он получил в период работы в корпорации. Немедленно последовавший вслед за этим приказ тогдашнего министра обороны США М. Лэйрда об изъятии из сейфов корпорации всей секретной документации Пентагона не исключает того, что этот инцидент положил начало определенному охлаждению отношений между военными ведомствами и самой известной из американских «фабрик мысли». Впрочем, если судить по высказываниям нынешнего президента РЭНД Дональда Райса, руководство корпорации рассчитывает на сохранение в будущем «особых отношений» с ВВС и Пентагоном.

Так или иначе, но корпорация всячески заинтересована в выдвижении на первый план своих гражданских исследований, для чего по соглашению с нью-йоркскими властями создан специальный филиал корпорации, именуемый «Институт Нью-Йорк Сити — РЭНД».

Удельный вес деятельности РЭНД в гражданских областях пока невелик, но она так умело разрекламирована, что Эрих Янч, консультант Организации экономического сотрудничества и развития (ОЕСД), называет корпорацию «лидером прогнозирования в области социальной технологии». Типичными примерами тем прогнозирования этого типа, проводимого на основе системного анализа, могут служить городская планировка, строительство городов, транспорт и будущие транспортные средства, природные ресурсы и т. д.²⁰

¹⁹ «National Journal», December 11, 1971, p. 2426.

²⁰ Э. Янч. Прогнозирование научно-технического прогресса. Пер. с англ. М., 1970, стр. 452.

Организационная структура. В ранний период своего существования РЭНД обладала очень гибкой и подвижной структурой, ее руководство избегало чрезмерного администрирования. Однако по мере роста общего числа сотрудников — в корпорации работает более 1200 человек (из них половина научных работников, остальные — технический и обслуживающий персонал) — администрации пришлось выработать более строгие организационные принципы и постоянную структуру.

В корпорации 11 исследовательских отделов — Вашингтонский отдел оборонных проблем, отделы проблем управления, анализа ресурсов, инженерных наук, наук об окружающей среде, социальных наук, физики, изучения систем, математики, электронно-вычислительной техники и экономики (т. е. отделы скорее соответствуют академическим дисциплинам, а не номенклатуре исследований, деление носит профессиональный, а не функциональный характер). По мнению руководства РЭНД, такое деление имеет следующие преимущества: во-первых, проще решается вопрос подбора кадров (а он входит в компетенцию руководства отдела), во-вторых, ученый окружен специалистами близкого профиля (что стимулирует его профессиональный рост), в-третьих, ни один из отделов не может похвастать монополией на разработку тех или иных проблем и, таким образом, не замыкается в своих стенах, а вынужден поддерживать постоянный контакт с коллегами из других отделов.

Основной организационный принцип — высокая степень децентрализации. Отдел обладает значительной свободой действий не только при подборе сотрудников, но и при определении программы исследований. Он является независимой единицей и в финансовом отношении — у каждого отдела самостоятельный бюджет, ежегодно утверждаемый руководством корпорации; из этих средств оплачивается работа любого сотрудника отдела независимо от того, выполняет ли он работу внутри отдела или участвует в междисциплинном проекте²¹.

²¹ Однако вопрос о размерах заработной платы в каждом отдельном случае решается руководством отдела совместно с руководством корпорации, причем дважды в год специальная квалификационная комиссия пересматривает размер зарплаты каждого научного сотрудника.

Руководители отделов принимают участие в выработке общего направления деятельности корпорации, поскольку все они, в дополнение к президенту и вице-президенту корпорации, входят в состав Комитета управления — органа, обсуждающего на еженедельных заседаниях все важные вопросы руководства корпорацией, и научные, и административные. Однако Комитет управления обладает исключительно консультативными функциями, он не принимает никаких решений, его обязанность — лишь помочь выработать решение президенту РЭНД, в чьих руках сосредоточена исполнительная власть.

Президент пользуется услугами еще одного органа, тоже чисто консультативного — Исследовательского совета в составе 7 человек из числа научных сотрудников РЭНД высшего ранга. В сущности это — совет старейшин, он обладает авторитетом, но не имеет никаких формальных управленческих функций.

Работа в корпорации ведется либо в рамках отдела, либо в междисциплинарной группе, специально создаваемой для выполнения того или иного проекта. Работа над проектом начинается с назначения руководителя группы. Некоторое время руководитель работает один, стремясь сформулировать четкую постановку проблемы, цель исследования и средства ее достижения. Завершив подготовительную работу, он приступает к подбору группы, причем в основном этот подбор идет на добровольной основе. Численный состав группы может быть разным — от одного-двух человек до нескольких десятков. Достаточно типичен случай, когда в группу входят три-четыре специалиста в разных областях знания.

Итог работы над любым заданием — доклад. Первоначально группа разрабатывает проект доклада исключительно для внутреннего пользования (иногда на этой стадии может быть принято решение о нецелесообразности дальнейшей работы над темой и о роспуске группы). Затем материал дорабатывается и поступает заказчику в форме окончательного доклада, причем каждый доклад по традиции считается выражением личного мнения его авторов, а не всей корпорации в целом (корпорация отвечает лишь за общий профессиональный уровень и сроки выполнения работы). Только в особо важных случаях — когда речь идет либо о жизненно

важной для страны проблеме, либо о чрезвычайно противоречивом вопросе — руководство РЭНД может выступить с официальной рекомендацией заказчику от имени всей корпорации. О высоком престиже корпорации свидетельствует то, что ее официальные рекомендации выполняются в подавляющем большинстве случаев (за первые 10 лет существования РЭНД она 49 раз обратилась к командованию ВВС с официальными рекомендациями, и 36 из них было принято)²².

Бюджет. Взаимоотношения с клиентами. В соответствии с уставом корпорации РЭНД, она имеет право выполнять работу по контрактам с любыми ведомствами помимо ВВС (но с ведома последних), если только эта работа не ущемляет интересов ВВС. Первый шаг к расширению контактов среди федеральных ведомств РЭНД сделала в 1949 г., заключив долгосрочный договор на выполнение работ по заданию Комиссии по атомной энергии (КАЭ). Почти до самого конца 50-х годов ВВС и КАЭ оставались единственными клиентами корпорации (поскольку их интересы, особенно в том, что касалось ядерного оружия, в значительной мере совпадали, то затруднений не возникало). В 1959 г. РЭНД сделала следующий шаг — заключила договор с агентством АРПА («Advanced Research Projects Agency»), консультирующим министерство обороны США, т. е. по существу установила непосредственную связь с теми, кто стоит над ВВС. Командование ВВС попыталось было пресечь такое развитие событий, но процесс оказался необратимым, и с годами РЭНД лишь упрочила связь с аппаратом министра обороны, особенно за годы пребывания на этом посту Роберта Макнамары.

В 60-х годах у РЭНД появились новые клиенты — Национальный научный фонд, Национальный институт здоровья, Агентство международного развития. Помимо Фонда Форда корпорация получала субсидии от Фонда Рокфеллера, от Фонда Карнеги.

Если в первый год существования бюджет РЭНД составил 3750 тыс. долл., то к 1970 г. он достиг 27 млн. долл. Начав в 60-х годах кампанию за диверсификацию исследований, РЭНД, по данным за 1966 г.,

²² В. Smith. Op. cit., p. 202.

имела контракты уже с 12 клиентами, и доля ВВС в ее бюджете упала с 99 до 68%²³.

В официальном отчете РЭНД за 1969 г. в списке ее основных клиентов (т. е. тех, кто предоставлял корпорации заказы или субсидии на сумму более 50 тыс. долл.) фигурирует уже 21 организация, в том числе помимо ВВС и министерства обороны — Комиссия по атомной энергии, НАСА, Агентство международного развития, Управление экономических возможностей, министерство здравоохранения, образования и социального обеспечения, министерство городского развития, министерство транспорта, несколько медицинских учреждений, Фонд Форда, Фонд Карнеги. И все же, несмотря на такое расширение связей с сугубо «мирными» ведомствами, корпорация, по определению влиятельного журнала деловых кругов «Бизнес уик», «по-прежнему остается преимущественно креатурой вооруженных сил». В подтверждение этого журнал приводит данные, свидетельствующие о том, что в 1970 г. 74% всех своих доходов корпорация получила за счет военных контрактов, в том числе 11 млн. долл. от ВВС и 9 млн. долл. от других оборонных ведомств²⁴. Таким образом, цифры говорят о том, что ощутимого «мирного сдвига» в ориентации РЭНД пока не произошло²⁵.

Показателем высокого престижа РЭНД в правительственных кругах США может служить систематическое привлечение сотрудников корпорации на государственную службу либо в качестве консультантов, либо в качестве должностных лиц.

²³ В. S m i t h. Op. cit., p. 129.

²⁴ «Business Week», July 17, 1971, p. 70. В той же статье, кстати, приводятся интересные данные относительно размера гонораров, полученных корпорацией за тот же 1970 г.: ВВС выплачивали РЭНД гонорар в размере 4,75% от общей стоимости контрактов, министерство здравоохранения, образования и социального обеспечения — 6% и т. д., в результате за год общая сумма гонораров достигла 1,3 млн. долл.— и это при том, что корпорация считается бесприбыльной.

²⁵ Любопытно, кстати, что даже сами сотрудники корпорации не всегда верно оценивают степень ее близости к военным ведомствам, настолько гибко и неназойливо действуют ВВС. Авторы брошюры «Корпорация РЭНД: первые 15 лет» отмечают: «Роль ВВС в определении обширной исследовательской программы РЭНД гораздо больше, чем это кажется большинству

Например, по данным официального отчета корпорации за 1966 г. 90 сотрудников корпорации в 269 случаях использовались в качестве консультантов Белым домом, министерством обороны, министерством торговли и другими федеральными ведомствами. В период пребывания на посту министра обороны США Роберта Макнамары он привлек на работу в министерстве обороны в качестве своих ближайших сотрудников большую группу ученых из корпорации РЭНД, в частности Чарльза Хитча, Генри Роузена, Алена Энтховена. Это лишь самые значительные фигуры, пришедшие на службу в высший эшелон министерства обороны, а немало экспертов из РЭНД было использовано и в среднем руководящем звене. Именно с корпорацией РЭНД, с разработанной ею методикой «планирование — программирование — бюджетное финансирование» (ППБ) связано само понятие «реформ Макнамары»²⁶.

Надо отметить, что и после смены администрации в 1968 г., при президенте Никсоне, такой, скажем, значительный пост, как пост заместителя директора Бюджетного бюро, был отдан бывшему рэндовцу — Джеймсу Шлезингеру.

РЭНД и американское общественное мнение. В значительной мере известность корпорации РЭНД в США и даже за их пределами объясняется широким размахом проводимых ею работ по «посеву идей». РЭНД регулярно проводит лекции, дискуссии, семинары, симпозиумы, поддерживает тесный контакт с другими научно-исследовательскими организациями (за месяц в среднем 150 сотрудников РЭНД посещают военные и гражданские организации сходного профиля, а сама корпорация принимает у себя до 400 гостей, большей частью ученых или военных). Как уже упоминалось, сотрудники корпорации часто консультируют правительственные

сотрудников. Практически с помощью метода «осмоса» — широких личных контактов на всех уровнях между ВВС и РЭНД — корпорацию регулярно осведомляют о том, какие проблемы представляют для военных серьезный интерес («The RAND Corporation: The First 15 Years», p. 37—38).

²⁶ В период 1961—1963 гг., т. е. в период внедрения системы ППБ в министерстве обороны США, около 20 сотрудников РЭНД было специально передано в распоряжение министерства обороны в качестве консультантов (B. Smith. Op. cit., p. 140).

ведомства, принимают участие в работе около 250 государственных комиссий и консультативных групп.

В силу самого характера деятельности РЭНД примерно половина ее печатной продукции является секретной, такие издания рассылаются по особым спискам. Зато «открытые» работы получают гораздо более широкое распространение: РЭНД бесплатно рассылает их в 96 американских и 45 зарубежных библиотек и одновременно стремится публиковать такие материалы в виде статей в научных журналах, в виде книг.

За более чем 20 лет своего существования корпорация опубликовала более 11 тыс. книг и докладов, не считая бесчисленных закрытых меморандумов и записок²⁷.

Как указано выше, корпорацию РЭНД называют родоначальницей американских «фабрик мысли» прежде всего потому, что она послужила образцом для учреждений сходного профиля. Однако у корпорации РЭНД есть и настоящие дочерние предприятия — она принимала самое непосредственное участие в создании Корпорации по развитию систем и корпорации «Аналитик сервисиз». Более того, ряд сотрудников РЭНД, имевших административные наклонности, стали основателями новых научно-исследовательских организаций коммерческого или некоммерческого типа. Например, Роберт Крюгер покинул РЭНД, чтобы основать в Лос-Анджелесе «Пленнинг рисерч корпорейшн», А. М. Муд — «Дженерал анализис корпорейшн», Е. Плессет — фирму «Е. Плессет энд ассошиэйтс». Президентом «Куонтатрон инкорпорейтед» стал бывший сотрудник РЭНД Р. М. Солтер; в 1961 г. корпорацию оставил Герман Кан, чтобы в том же году основать Гудзоновский институт; в 1968 г. при содействии РЭНД родился Институт будущего, руководителем которого стал Олаф Хелмер.

Однако известность корпорации РЭНД двоякого рода. Некоторым РЭНД внушает столь большое уважение, что они видят в ней чуть ли не волшебника, советы которого, если федеральное правительство станет им следовать, гарантируют Соединенные Штаты от неудач во внешней и внутренней политике. Раздавались

²⁷ P. Dickson. Op. cit., p. 53.

требования создать по образу и подобию РЭНД организации специально для консультирования государственного департамента и Совета национальной безопасности²⁸. В одном из материалов Брукингского института неоднократно высказывалась мысль, что только появление новых «рэнд» может помочь преодолеть трудности, которые переживают США, предотвратить будущие политические неудачи, поставив процесс принятия решений на «истинно научную основу»²⁹.

О высокой профессиональной репутации РЭНД свидетельствует тот факт, что в отдельные годы более 70% всех математиков, получивших в течение года ученую степень доктора наук, предлагали свои услуги корпорации³⁰.

Однако если в начале 60-х годов, в период «макнамаровских реформ» в особенности, корпорация РЭНД страдала от чрезмерного наплыва претендентов на работу, то к концу 60-х — началу 70-х годов она столкнулась с кадровыми трудностями принципиально иного порядка. «Ей стало все труднее привлекать на работу талантливых и целеустремленных молодых людей,— пишет «Бизнес уик».— Многие молодые доктора наук стали сторониться РЭНД из-за того, что она практически отождествляется с понятием «военно-промышленного истэблишмента», из-за ее исключительной приверженности к проблемам национальной безопасности»³¹.

Все чаще деятельность РЭНД — особенно в последние годы, на фоне протестов против всевластия военно-промышленного комплекса, против милитаризации науки — получает отрицательную оценку. Даже в среде сотрудников самой РЭНД неуклонно нарастает недовольство той ролью служанки военно-промышленного комплекса, которую фактически играет корпорация.

Наглядным примером такого рода «брожения умов» в самой РЭНД может служить преданная теперь столь

²⁸ «Bulletin of the Atomic Scientists», March 1960, p. 93—96, 112; «Organizing for National Security. Hearings before the Subcommittee on National Policy Machinery, U. S. Senate, 86-th Congress», Part II. Washington, 1960, p. 239—268.

²⁹ «Research for Public Policy». Washington, 1961, p. 25, 63, 64, 65, 93.

³⁰ P. Dickson. Op. cit., p. 72.

³¹ «Business Week», July 17, 1971, p. 70.

широкой огласке история Дэниела Элсберга. Эволюция во взглядах этого ученого примечательна. Элсберг впервые начал работать над проблемами национальной безопасности, когда пришел в РЭНД в 1959 г. В 1964 г. ему в числе прочих «рэндовцев» была предложена работа в Пентагоне, где он и находился до 1967 г. По собственному признанию Элсберга, в 1959—1964 гг. он был отчетливо выраженным «ястребом». В годы работы в Пентагоне ему пришлось не раз побывать во Вьетнаме, и под влиянием увиденного там его взгляды начали радикально меняться. Когда он в 1967 г. вернулся на работу в РЭНД, он был включен в группу из 35 гражданских и военных специалистов, которым по заданию министра обороны было поручено проанализировать всю историю «вовлечения» США в дела Юго-Восточной Азии. Знакомство с «внутренней кухней» вьетнамской политики американских правительств довершило переворот во взглядах Элсберга. Уходя в 1970 г. из РЭНД в Массачусетский технологический институт, он принял решение о передаче в печать «вьетнамского досье», извлеченного им из хранилища в РЭНД. Элсберг осознавал все последствия лично для себя подобного акта, но он пришел к выводу, что соображения личного благополучия должны отступить на задний план перед настоятельной необходимостью покончить с американской интервенцией в Индокитае, чему, по мнению Элсберга, должна была способствовать информация широких кругов общественности о закулисной стороне решений, связанных с американской эскалацией агрессивной войны против вьетнамского народа.

Другой пример брожения и внутреннего недовольства в РЭНД — письмо шести ученых — сотрудников корпорации (в том числе и Элсберга) в декабре 1969 г. в редакции газет «Нью-Йорк таймс» и «Вашингтон пост» (оно было опубликовано обеими газетами). Письмо содержало подробный и высокопрофессиональный разбор и доказательство несостоятельности всех тех положений, которыми официальный Вашингтон мотивировал невозможность полного и немедленного вывода американских войск из Юго-Восточной Азии, прекращения военных действий.

Разумеется, речь не идет о массовом «полевении» корпорации РЭНД, но очевидно, что Элсберг не одинок

в глубоком разочаровании ролью РЭНД в «научном обеспечении» вьетнамской авантюры США.

Большинство из тех, кто критикует РЭНД «изнутри» и «извне», не подвергают сомнению профессиональность и высокое качество выполняемой корпорацией работы, но зато они выражают глубокую тревогу по поводу руководящих принципов деятельности корпорации. «Если сейчас центральная проблема Америки — это проблема неверно выраженных приоритетов, — пишет П. Диксон, — то в этом же состоит и проблема РЭНД»³².

По словам историка из Гарвардского университета Роджера Хэйгана, корпорация РЭНД содействовала формированию среди общественности отношения к ядерной войне как к части национальной политики. Мышление стратегов из РЭНД всегда было негативным: они исходили из того, что конфликт между США и СССР вечен и развивается по спирали. «РЭНД не приложила никаких интеллектуальных усилий, чтобы изучить причины ядерной конфронтации, ее альтернативы и способ покончить с ней»³³.

Сотрудников РЭНД называют «гражданскими милитаристами» — они заслужили это имя не только в силу своих тесных связей с военными ведомствами США, но и в силу того, что их советы в большинстве случаев даются с сугубо реакционных, промилитаристских позиций. Эти советы не раз отрицательно сказывались на политической жизни страны.

В 1957 г., после запуска первого советского спутника, корпорация РЭНД «предсказала», что Советский Союз незамедлительно начнет энергичное наращивание стратегических вооружений, вступит в новый виток гонки вооружений, поставив тем самым США в положение «отстающей» страны. Американская пресса и многие государственные деятели с готовностью подхватили это утверждение РЭНД. Так родился тезис о пресловутом «ракетном отставании», широко использованный лидерами США в целях обоснования очередного американского рывка в гонке стратегических вооружений. «Предсказание» РЭНД было ошибочным. Как позднее признала сама американская администрация, Совет-

³² P. Dickson. Op. cit., p. 73.

³³ «Atlantic», September 1963, p. 67.

ский Союз не проявлял никакой инициативы в активизации гонки вооружений, «советская угроза США» оказалась очередным мифом, причем мифом крайне выгодным для американских военных кругов и военно-промышленных монополий. Таким образом, РЭНД во многом помогла спровоцировать новый виток гонки вооружений, и трудно представить себе, что это могло произойти «нечаянно», учитывая опыт и искушенность рэндовских стратегов.

На протяжении многих лет корпорация работала над проблемами военного использования космоса, над типами космических систем вооружений. С 1963 г. в докладах РЭНД начинает проводиться мысль о том, что Советский Союз якобы усиленно разрабатывает вопрос о возможности запуска стратегических ракет со спутников, находящихся на околоземных орбитах. Специалисты из РЭНД утверждали, что завершение этих работ в Советском Союзе — дело самого ближайшего будущего, а потому США должны немедленно активизировать осуществление аналогичных программ.

Совершенно очевидно, что это — тот же прием, что и в случае с пресловутым «ракетным отставанием».

Пожалуй, было бы наивным считать, что размеры контрактов корпорации РЭНД с федеральными ведомствами служат абсолютным мерилем ее влияния в американских правительственных кругах; определить точные размеры этого влияния не представляется возможным, однако ни наличие этого влияния, ни его направленность сомнения не вызывают. Недаром известный американский экономист и социолог Джон Гэлбрейт в получившей широкую известность статье «Как обуздать военных» назвал компонентами военно-промышленного комплекса — наряду с вооруженными силами и их подрядчиками, промышленными монополиями, — «организации, имеющие военную направленность — РЭНД, Институт оборонного анализа и Гудзоновский институт, которые профессионально занимаются исследованием оружия и систем вооружений, а также стратегии их применения»³⁴.

³⁴ «Harper's», June 1969, p. 35.

3. «Фабрика мысли» — новый для США тип научно-исследовательской организации

Мы попытаемся, опираясь на пример корпорации РЭНД, выделить те основные черты, которые определяют «фабрику мысли» как новый для США тип научно-исследовательского учреждения.

В самом общем виде ответ мог бы выглядеть приблизительно так: бум в этой сравнительно новой отрасли деловой активности обусловлен резким возрастанием спроса на консультационные услуги самого широкого профиля, по различным проблемам науки, техники, управления и т. д. в связи с усложнением деятельности во всех областях общественной жизни (как на государственном уровне, так и на более низком уровне частного предпринимательства). Небывало высокий темп перемен в мире, продиктованный социальными и научно-технической революциями, комплексный характер проблем, которые возникают перед принимающими ответственные решения, настоятельно диктовали необходимость привлечения экспертов-консультантов в качестве источника недостающих американскому правительству или монополиям профессиональных знаний.

Потребность очевидна, но почему для ее удовлетворения родилась данная конкретная форма научно-исследовательской организации — «фабрика мысли», почему оказалось недостаточно услуг традиционных источников специальных знаний — университетов и промышленных фирм?

Вернемся к вопросу о специфике «фабрики мысли».

В употреблении этого не слишком удачного и расплывчатого термина в США наблюдается некоторый разнобой. Например, газета «Вашингтон пост» именуется так любое научно-исследовательское учреждение, в правительственных кругах этим именем называют лишь те научные центры, которые финансируются государством, однако при более детальном рассмотрении удается выделить «родовые признаки», характерные для всех организаций данного типа.

Если говорить об организационно-структурных особенностях, то, разумеется, первое, что бросается в глаза, — это возможность для научного персонала сосредоточить все свои усилия на научно-исследовательской

деятельности, не отвлекаясь ни на преподавание, ни на управление производством. В этом, например, видит основное достоинство «фабрик мысли» доктор Джозеф Фельдмайер из Филадельфийского Института Франклина. Он полагает, что современное научное учреждение, если оно хочет быть действительно первоклассным, должно вести исключительно исследовательскую работу и «не связывать себя ни преподаванием, ни управлением производством, ни погоней за прибылью»³⁵. С ним согласен и доктор Ричард Фарсон, директор Западного института бихевиористских наук, который считает, что университеты перестали удовлетворять ученых из-за непродуктивного распыления сил³⁶.

Вторая объективная особенность «фабрик мысли» связана с характером производимого ими «товара». Вот как об этом пишет П. Диксон: «Все разнообразные институты, известные под именем «фабрик мысли», объединяет то, что они производят «бумажную» продукцию высокой ценности. Они не производят практически никаких других товаров, кроме бумаги. Их основная продукция — идеи, облеченные в форму докладов самого разного типа — здесь и новые варианты политического курса, оценки, прикидки, теории, предложения, предупреждения, долгосрочные планы, статистические выкладки, прогнозы, описания методик, тесты, анализ и просто свежие мысли. То, что не ложится на бумагу, обычно излагается устно — в виде лекций, инструктажей и просто неофициальных бесед. Если даже из недр «фабрики мысли» появляется действительно новый продукт — вроде вакцины или какого-либо прибора, — то это всегда лишь опытный образец, предлагаемый другим для копирования, массового производства и распространения»³⁷.

Для всей группы «фабрик мысли» характерно и то, что они берут на себя функцию своего рода среднего звена или мостика между «знанием и властью»: они имеют тесные связи одновременно и с правительственными ведомствами, и с сугубо академическими центрами — производителями новых знаний. По определению

³⁵ «New York Times», June 16, 1967.

³⁶ Ibidem.

³⁷ P. Dickson. Op. cit., p. 26.

одного из сотрудников корпорации РЭНД, «мы — что-то вроде посредников, которые отыскивают, собирают и интерпретируют знания, подготавливая их для конечного потребителя, в нашем случае — для правительства»³⁸. В «фабриках мысли» могут выполняться и фундаментальные, и прикладные исследования, но все же несомненно общая направленность их деятельности не на производство нового знания, а на содействие тем, кто принимает решения (не обязательно на высшем уровне, у «фабрик мысли» разнообразная клиентура).

«Фабрики мысли», особенно те из них, которые работают в военно-технической или военно-политической области, стремятся поддерживать тесные контакты с правительством не только потому, что видят в нем источник «жирных» контрактов, но и потому, что оно является источником ценнейшей секретной информации. В то же время они дорожат и своей иллюзорной «независимостью», утверждая, что она позволяет им критиковать и корректировать официальную политику.

Например, Герман Кан, директор Гудзоновского института, любит подчеркивать в беседах, что его институт часто выступает в роли того мальчика из сказки Андерсена, который крикнул, что король-то голый. По мнению Кана, американское правительство нуждается в таких «мальчиках» прежде всего потому, что оно страдает «бессилием сильных»: правительству США слишком часто кажется, что все идет так, как ему хочется, что от него не требуется ни особой сообразительности, ни изобретательности, ни воображения. В результате довольно часто серьезные решения принимаются либо слишком поспешно, либо на основе недостаточной информации. К тому же, полагает Кан, большинство дипломированных специалистов в самом правительстве, а также привлекаемых правительством в качестве консультантов и советников, боятся выйти за рамки сложившихся или официально одобренных концепций и неминуемо отстают от жизни. Если к этому добавить еще недостаток времени для всестороннего анализа, поскольку правительство должно принимать решения по внезапно (для него) возникающим проблемам в сжатые

³⁸ Ibid., p. 28.

сроки, то это дает основания считать, что правительственный механизм недостаточен, чтобы обеспечить принятие более или менее верных решений, предотвратить крупные ошибки, а потому федеральное правительство не может не нуждаться в компетентном консультировании извне.

Расчет основателей Гудзоновского института и других «фабрик мысли» был совершенно верен — правительство США действительно нуждается в их помощи, хотя и по более серьезным объективным причинам, чем те, которые выдвигает Кан. Успехи стран социализма, их растущее влияние на ход событий подорвали позиции американского империализма на мировой арене. Научно-техническая революция обострила противоречивый характер его развития. Внутри- и внешнеполитические неудачи заставили американское правительство искать способы совершенствования процесса выработки политики, чтобы приспособиться к изменившимся и ставшим «неблагоприятными» условиям.

Естественно, «критика» в адрес федерального правительства в таких случаях касается лишь изолированных аспектов империалистической политики Вашингтона и, по-видимому, вполне устраивает американские власти. Об этом свидетельствует пример хотя бы того же Гудзоновского института: первоначальный капитал института не превышал 10 тыс. долл., а за первые 2 года своего существования он получил по контрактам с правительственными учреждениями, не считая контрактов с частными фирмами, более миллиона долларов³⁹.

Независимость таких институтов чаще всего лишь кажущаяся: по определению профессора Ганса Моргентау, их сотрудники «думают лишь о том, за что им заплачено, в силу этого их свобода ограничена рассмотрением лишь приемлемых для правительства США идей»⁴⁰. Но все же благодаря этой формальной «независимости» сотрудникам «фабрик мысли» удается оставаться частью академического мира, что в американских условиях немаловажно.

Все выше сказанное свидетельствует о том, что для современных американских условий «фабрики мысли»

³⁹ «New York Times Magazine». November 10, 1963, p. 35.

⁴⁰ «Congressional Record — House», September 20, 1967, p. 26173.

оказались действительно довольно удачно найденной формой, но одно обстоятельство оказалось, пожалуй, более важным для плодотворного развития этих научных корпораций, чем все остальные организационные находки вместе взятые.

Поскольку «фабрики мысли» рассчитаны на выполнение работ по контрактам, прикладная направленность их деятельности удивления не вызывает, они по природе склонны быть скорее потребителями фундаментальной науки, чем производителями. Но ориентация этих организаций «на рынок» повлекла за собой далеко идущие методологические особенности: чтобы успешно функционировать, «фабрики мысли» нуждались в широте диапазона и гибкости. Узкая специализация и окостеневшая структура были им противопоказаны, и поскольку для «фабрик мысли» способность организовать комплексное исследование по совершенно неожиданной проблеме была фактически вопросом жизни и смерти, то им удалось сделать то, что редко удается университетам: удалось сломать жесткие перегородки между представителями различных специальностей. Это способствовало объединению усилий экспертов разного профиля для решения конкретных проблем, а потому помогло выработке того междисциплинарного подхода к исследованию, который Норберт Винер считает кратчайшим путем к познанию.

Представляется, что именно междисциплинарный подход к исследованиям стал трамплином, помогшим «фабрикам мысли» добиться значительных успехов, повысить продуктивность своего научного труда, создать оригинальный исследовательский инструментарий.

Назначение и подход к исследованиям являются, пожалуй, основными характеристиками, позволяющими выделить «фабрики мысли» из массы прочих научно-исследовательских учреждений. Так, онкологический исследовательский институт или крупное конструкторское бюро, проектирующее новейшее электронное оборудование, несомненно, представляют собой научно-исследовательские организации, но они не могут быть отнесены к «фабрикам мысли»; фирма, создающая новые системы фильтров для очистки сточных вод, или университетский центр, изучающий химический состав смога, тоже не будут квалифицированы как «фабрики мысли», а вот,

скажем, небольшая организация под названием «Овервью корпорейшн», возглавляемая бывшим министром внутренних дел Стюартом Юдаллом и созданная, чтобы консультировать правительство по проблемам окружающей среды, включая градостроительство, борьбу с загрязнением воды и воздуха, региональное планирование, сохранение заповедников, реорганизацию транспортной сети и т. п., является ярко выраженной «фабрикой мысли».

Приведем для иллюстрации еще один пример. Военные ведомства вряд ли прибегнут к услугам «фабрики мысли» для разработки усовершенствованного радиолокатора — для этого они выберут иного, узкоспециализированного подрядчика. Но зато потребуются услуги «фабрики мысли», если возникнет необходимость проанализировать перспективы развития военной техники (включая те же радиолокаторы) на ближайшие 10 лет, выявить, есть ли нужда в разработке какого-либо нового типа радара, где должны быть размещены радиолокационные установки, как достичь максимальной эффективности их работы, как лучше готовить персонал для их обслуживания, — короче говоря, «фабрика мысли» предназначена скорее для разработки «политики», нежели самой «материальной части». Широта подхода и охвата проблемы, близость к тем, кто непосредственно принимает решения, делают «фабрики мысли» своего рода правофланговыми в научно-исследовательском мире, ибо они принимают участие в выработке целей и общего направления развития, предопределяя тем самым конкретные программы исследований, которые в дальнейшем будут осуществляться в других, специализированных научных центрах.

П. Диксон, один из немногих американских исследователей, специально занимавшихся «фабриками мысли» как особым видом научных учреждений в США, считает, что из тысяч существующих в стране научно-исследовательских организаций около 600 могут быть квалифицированы как «фабрики мысли», и при этом он выделяет следующие группы «фабрик мысли»:

1. Примерно 75 «федеральных договорных исследовательских центров», имеющих долгосрочные — на срок более года — соглашения с тем или иным федеральным ведомством. К этой группе относятся РЭНД, Ин-

ститут оборонного анализа, Центр военно-морских исследований, «Аэропейс», МИТРЕ и т. д.

2. 10—12 центров, созданных непосредственно внутри правительственных ведомств для разработки долгосрочных проблем. К ним относятся, например, Институт наземных боевых операций министерства армии США или президентская группа по определению национальных целей.

3. Около 200 «независимых» исследовательских центров (или центров, базирующихся на университеты). В этой группе более всего известны Стэнфордский исследовательский институт, Гудзоновский институт, Баттелевский мемориальный институт. Это все учреждения бесприбыльного или некоммерческого типа.

4. Примерно 300 коммерческих — т. е. ориентированных на извлечение прибыли — консультативных фирм, являющихся либо отделениями крупных промышленных концернов, либо самостоятельными организациями. Среди них выделяются такие, как «ТЕМПО Дженерал электрик», «Артур Д. Литтл», «Корпорация исследований по планированию», «Корпорация развития систем».

5. Наконец, всего лишь несколько действительно более или менее независимых бесприбыльных «фабрик мысли», ориентирующихся не на правительство или монополии, а на широкую общественность. К ним причисляются Брукингский институт, Институт политических исследований (г. Вашингтон), Центр по исследованию демократических институтов⁴¹.

Предложенная Диксоном классификация не вызывает возражений, с одной лишь оговоркой — с нашей точки зрения, «фабрика мысли» представляется непременно постоянно действующей организацией, поэтому временные группы или комиссии, созданные для разработки хотя бы и весьма широкого диапазона проблем, подобные упомянутой Диксоном президентской группе по определению национальных целей, вряд ли могут входить в понятие «фабрики мысли». Вызывает некоторые сомнения и включение в разряд «фабрик мысли» ведомственных исследовательских организаций, непосредственно входящих в правительственный аппарат, одна-

⁴¹ P. Dickson. *Op. cit.*, p. 30—31.

ко эта группа настолько малочисленна, что она не меняет общей картины.

Другие американские специалисты, подсчитывая общее количество «фабрик мысли», называют иные, но в целом близкие цифры (например, профессор Висконсинского университета Гарольд Нибург полагает, что за одно десятилетие — с середины 50-х до середины 60-х годов — возникло примерно 450 корпораций такого типа⁴²; газета «Нью-Йорк таймс» дает цифру 400⁴³ и т. п.). Вероятно, из-за несовершенства термина получается расхождение в критериях выделения «фабрик мысли».

Ряд авторов считают «фабриками мысли» только бесприбыльные корпорации. С нашей точки зрения, такое сужение неправомерно, оно не определяет сущности их статуса. Кстати сказать, сама по себе бесприбыльная корпорация — явление в американской практике довольно новое и любопытное.

В Соединенных Штатах высказываются самые противоречивые мнения по поводу самого статуса корпораций бесприбыльного типа, не говоря уже об их политической окраске, близости к военным ведомствам и т. д. Многие в конгрессе и на государственной службе считают, что корпорация такого рода — это просто средство, чтобы обойти ограничение размеров заработной платы, установленное для государственных служащих. 23 июня 1961 г. комиссия палаты представителей по ассигнованиям пришла к мнению, что «в значительной мере контракты с бесприбыльными организациями являются не чем иным, как уловкой, позволяющей не придерживаться шкалы заработной платы для государственных служащих». Комиссия заявила, что, по ее мнению, «должны быть приняты жесткие меры, чтобы не дать укорениться этому явлению»⁴⁴.

⁴² H. L. Nieburg. Op. cit., p. 244.

⁴³ «New York Times», June 16, 1967.

⁴⁴ «Report 574. House of Representatives, 87-th Congress, Committee on Appropriations, June 23, 1961, p. 53. Что касается заработной платы в «фабриках мысли», то она, действительно, значительно выше, чем у государственных служащих. Так, в 1969 г. президент корпорации «Аэроспейс» получал 90 тыс. долл в год, ровно в полтора раза больше, чем министр обороны Мелвин Лэйрд. После вмешательства конгресса в 1970 г. был в законодательном порядке установлен потолок заработной платы в «фабриках мысли» — 45 тыс. долл., но тем не менее по ходатай-

Существование неприбыльных корпораций вызывает нарекания и в среде частного бизнеса. Вот довольно типичное рассуждение: «Эти неприбыльные организации узурпируют поле деятельности, где всегда господствовали частные консультативные фирмы и промышленные компании, а потому неприбыльные корпорации — это просто ширма, за которой скрывается государственное предприятие, непосредственно конкурирующее с частными — только на стороне первого все преимущества: и субсидии, и освобождение от налогов»⁴⁵.

В результате вокруг самого статуса неприбыльной корпорации разгорелись такие споры, что в конце 1961 г. президент Дж. Кеннеди был вынужден создать для рассмотрения этого вопроса специальную комиссию под председательством Дэвида Белла, являвшегося в то время директором Бюджетного бюро. Доклад Белла был опубликован в конце апреля 1962 г. и определил законность статуса неприбыльных корпораций как нового явления, вызванного к жизни возросшей потребностью правительства в консультационных услугах для облегчения процесса выработки политики в сложных условиях современной эпохи.

Джеймс А. Киллиан, в бытность советником президента по науке, авторитетно заявил, что использование правительством США большого числа консультативных организаций любого типа — процесс благотворный, ибо он «противодействует тенденциям к формированию централизованной бюрократии, способствует вовлечению большого числа ученых в выполнение работ по заданиям правительства, позволяя им в то же время избежать принятия на себя политических обязательств и дисциплинарных ограничений, налагаемых государственной службой»⁴⁶.

Тем не менее до сих пор правительство продолжает подвергаться критике за чрезмерно щедрую раздачу контрактов на оказание консультационных услуг. Кри-

ству министерства обороны и личному разрешению президента Никсона из этого правила уже есть немало исключений — тот же президент «Аэроспейс» получает 70 тыс. долл., а президенты Института оборонного анализа и корпорации МИТРЕ — по 60 тыс. долл. в год (P. Dickson. Op. cit., p. 157—158).

⁴⁵ В. Smith. Op. cit., p. 17.

⁴⁶ Цит. по: Н. L. Nieburg. In the Name of Science. Chicago. 1966, p. 254.

тиков либерального толка при этом тревожит, не отдает ли правительство тем самым «на откуп» и сам процесс принятия решений, т. е. прерогативу, принадлежащую исключительно самому федеральному правительству. В ряде случаев критикующие мотивируют свое беспокойство тем, что при таком положении вещей принятие решений полностью выпадает из-под контроля общественности, поскольку «фабрики мысли» ей никоим образом не подотчетны⁴⁷.

Встает вопрос — нет ли у федерального правительства какой-то дополнительной заинтересованности в получении консультаций именно «со стороны»? Ведь контракты с «фабриками мысли» обходятся весьма дорого, и при желании те же средства могли бы быть использованы на создание дополнительных научных звеньев в рамках государственного аппарата. Авторы книги «Школы стратегии» полагают, что это обошлось бы даже дешевле, однако, по их мнению, количество консультирования при этом пострадало бы, лишившись той широты охвата, которая характеризует относительно независимую научно-исследовательскую организацию в отличие от ведомственной⁴⁸. Но правительство не склонно идти этим путем вот по какой причине: «Культ эксперта настолько развит в США, что стремление прибегнуть к консультации независимого специалиста — это полезный политический маневр, когда надо успокоить общественность или поднять вопрос над партийными противоречиями»⁴⁹. О стремлении американского правительства использовать эксперта, во-первых, в целях поднятия собственного престижа и, во-вторых, чтобы переложить бремя ответственности на анонимного «специалиста» (или еще лучше — на компьютер), пишут многие авторы, и в этом, несомненно, есть доля правды. Как это ни парадоксально, американское правительство, пожалуй, даже больше самих «фабрик мысли» заинтересовано в сохранении ими внешней «независимости».

Однако нельзя не согласиться и с теми, кто считает, что в значительной мере «фабрики мысли» обязаны своим возникновением и быстрым ростом на дрож-

⁴⁷ См. Н. L. Nieburg. Op. cit., p. 185—199.

⁴⁸ G. M. Lyons, L. Morton. Op. cit., p. 264.

⁴⁹ Ibid., p. 42.

жах федеральных контрактов слабости государственного механизма, его несоответствию сложности современной эпохи с точки зрения квалификации и профессиональных знаний. Недаром те же Лейонс и Мортон, приведя целый ряд доводов в пользу системы контрактов, кончают все же тем, что рекомендуют создавать при правительственных ведомствах специальные научные группы — хотя бы для того, чтобы облегчить «переваривание» получаемых рекомендаций⁵⁰.

Следует особо остановиться на отношениях, сложившихся между «фабриками мысли» и конгрессом США. Конгресс в большей степени, чем кто бы то ни было другой, видит в «фабриках мысли» (разумеется, речь идет не о всех институтах такого рода, а лишь о наиболее крупных и влиятельных, связанных прежде всего с Пентагоном) узурпаторов сугубо правительственных прерогатив. Особо острое раздражение вызывает у конгрессменов и сенаторов то обстоятельство, что сотрудники «фабрик мысли» им никоим образом не подотчетны, в отличие от федеральных служащих; более того, широко известно, что конгресс гораздо менее осведомлен в вопросах, касающихся национальной безопасности, чем персонал таких организаций, как РЭНД или Институт оборонного анализа, — секретная информация, которой оперируют там, недоступна конгрессу. Не получая, следовательно, возможности проверить выводы «фабрик мысли» и основанные на этих выводах решения военных ведомств, конгресс уже несколько лет активно стремится урезать права «фабрик мысли», положить конец их «особым отношениям» с Пентагоном.

Обычно каждый очередной раунд борьбы начинается в момент обсуждения на Капитолии военного бюджета на новый финансовый год. Самые жаркие баталии разгораются вокруг списка «договорных» центров и ассигнований на их деятельность. Так, при обсуждении бюджета министерства обороны на 1972 г. и сенат, и палата представителей единодушно сократили средства, ассигнованные Пентагоном «фабрикам мысли», утвердив вместо запрошенных 273 млн. долл. лишь 264 млн. долл., причем характерно, что эта карательная мера коснулась не всех «фабрик мысли», а лишь четырех из

⁵⁰ Ibid., p. 307.

них, специализирующихся в области военно-политических проблем широкого плана,— корпорации РЭНД, Института оборонного анализа, Центра военно-морских исследований и Корпорации исследовательских анализов; бюджеты организаций, специализирующихся в военно-технической области, остались без изменений⁵¹.

Это сокращение сопровождалось весьма грозными филиппиками в адрес «фабрик мысли» и требованиями «свести на нет» контракты с ними, передав их функции внутриведомственным исследовательским подразделениям. На первый взгляд конгресс постепенно добивается своего — если, скажем, в 1968 г. в списке пентагоновских «договорных» центров было 16 институтов, то к 1972 г. их осталось лишь 12. Однако такое впечатление поверхностно. Дело в том, что под давлением критически настроенных конгрессменов и общественности министерство обороны научилось маскировать свои связи с центрами, работающими на него. Изъятие того или иного центра из официального перечня, фигурирующего в конгрессе, отнюдь не означает разрыва отношений между этим центром и Пентагоном.

По подсчетам П. Диксона, в официальном списке правительственных контрактов отсутствует около 100 центров, активно работающих на Пентагон. Например, с 1968 г. там отсутствует Гудзоновский институт, хотя в том же году 70% своих доходов этот институт получил за счет контрактов с военными ведомствами⁵². Объясняя, почему он не упоминает подобные учреждения в числе пентагоновских «федеральных договорных исследовательских центров», Джон Фостер, директор Управления исследований и разработок министерства обороны США, говорит, что они были созданы не по инициативе министерства обороны, обслуживают не только военные, но и гражданские ведомства, а также частные организации, министерство обороны заключает с ними периодически контракты, но якобы не имеет широких долгосрочных соглашений и т. д.⁵³ Таким манером Пентагону удается изъять даже из-под формального контроля конгресса большое число своих важней-

⁵¹ «National Journal», December 11, 1971, p. 2426.

⁵² «Hudson Institute, Inc. Report to the Members, 1969». Croton-on-Hudson, 1969.

⁵³ «National Journal», December 11, 1971, p. 2422.

ших подрядчиков среди «независимых» центров, а после утверждения бюджета директор Управления исследований получает весьма большую свободу действий и может со значительной гибкостью изыскивать средства для контрактов и с официальными, и с неофициальными консультантами Пентагона в пределах огромной общей суммы, ассигнуемой на исследования и разработки министерства обороны (в 1972 г., например, на эти цели было выделено 1,9 млрд. долл.).

По суммам правительственных ассигнований, получаемым на научные исследования и разработки, на первом месте стоят центры, занимающиеся проблемами научно-технического характера (такие, как корпорация МИТРЕ, Линкольновская лаборатория Массачусетского технологического института и т. д.), но с точки зрения влияния на политический процесс в стране, на принятие решений по кардинальным, наиболее острым проблемам пальма первенства, несомненно, принадлежит центрам более широкого диапазона, типа РЭНД.

Р. Хилсмен, один из творцов внешней политики в период президентства Кеннеди, пишет, перечисляя разнообразных «действующих лиц», причастных к управлению страной: «Существует целая группа институтов, выполняющих всякого рода исследования по контрактам с правительством. В штате этих организаций работают люди, имеющие право пользоваться секретной правительственной информацией, но тем не менее не принадлежащие ни к вооруженным силам, ни к гражданским ведомствам. Это квазиправительственные организации, такие, как корпорация РЭНД в Санта-Монике или Институт оборонного анализа в Вашингтоне, или Гудзоновский институт, по соседству с Нью-Йорком. Все эти люди и организации влияют на политику. Не будучи подотчетными избирателю, они тем не менее наделены властью и являются такой же составной частью правительства, как и традиционные законодательные, судебные и исполнительные органы. Короче говоря, к выработке политики причастны не только те, кто занимает официальные посты, но и многие другие люди, располагающие более изощренными способами воздействия на формирование политики»⁵⁴.

⁵⁴ R. Hilsman. To Move a Nation. N. Y., 1967, p. 10.

Несомненно, свобода от преподавательских обязанностей, высокая заработная плата, превосходные условия работы привлекают в «фабрики мысли» немалое число талантливых ученых; однако многих, особенно специалистов в военно-политической области, влечет сюда и другое. Вот что писал по этому поводу Томас Шеллинг, в настоящее время профессор Гарвардского университета, но в прошлом сотрудник РЭНД: «Университетские профессора охотно уходят в РЭНД, потому что там высокая заработная плата, идеальный климат, высокая профессиональная репутация. Там они могут спокойно думать и писать, на них не давит необходимость преподавания. Некоторые идут туда еще по одной причине, которая начинает влиять на многих честолюбивых ученых: их влечет туда желание принять участие в процессе выработки политики, желание приблизиться к власти... Вы остаетесь в академическом кругу, но вы знаете, что ваша работа может повлиять на ход событий в мире»⁵⁵.

Стремление «фабрик мысли», специализирующихся в области военно-политической стратегии и международной политики, «повлиять на ход событий в мире» — это факт, который следует учитывать, анализируя их деятельность. Именно они призваны «научно обосновать» агрессивную и реакционную политику США во всем мире, помочь американскому империализму приспособиться к условиям современного мира, к условиям борьбы двух систем, избежать просчетов и провалов.

Учитывая характер американской политики, направленной на противодействие объективным политическим и социально-экономическим процессам, коэффициент полезного действия всех этих усилий оказывается не слишком высоким. Нередко они даже усугубляют положение, порождая у правящих кругов иллюзии, будто возможно и дальше вести авантюристическую политику (множество примеров такого рода дает американская агрессия в Юго-Восточной Азии).

Создается противоречивое положение: с одной стороны, американский правящий класс мобилизовал для обслуживания своей политики значительные научные и технические ресурсы; с другой, невзирая на это, труд-

⁵⁵ «Atlantic», September 1963, p. 64.

ности и провалы во внешней и внутренней политике США, ошибки и просчеты продолжают множиться.

Углубление коренных пороков самой социально-политической системы — капитализма — обрекает в конечном итоге на неудачу многочисленные попытки совершенствования механизма власти. Однако, хотя усилия в этом направлении не могут привести к ликвидации коренных пороков капитализма, «исправить беды», порожденные самой сущностью империалистической политики, они все же могут способствовать предотвращению тех или иных частных ошибок, поискам удачных политических ходов, формированию общественного мнения, устраивающего правящие классы. Этим определяется необходимость серьезного анализа деятельности научно-исследовательских учреждений, обслуживающих нужды Вашингтона и прежде всего — в военно-политической области.

II

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ МЕТОДОЛОГИИ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ И ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

В условиях ослабления международных позиций капитализма и нарастания внутренних трудностей империалистической буржуазии приходится затрачивать все бóльшие усилия для сохранения своего господства. Попытки как-то приспособиться к изменениям, происходящим в мире, стали характерной чертой ее политики. Как отметил в Отчетном докладе XXIV съезду КПСС Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев, «особенности современного капитализма в значительной мере объясняются тем, что он приспособляется к новой обстановке в мире»¹.

При всех различиях в позициях отдельных американских политических деятелей и обслуживающих их специалистов — «стратегов» они прилагают немалые усилия для повышения эффективности американского политического механизма, усовершенствования его с помощью новейших научно-технических средств, современных методов анализа и принятия решений.

Разработанная в «фабриках мысли» методология анализа и выработки военно-политических решений и научный инструментарий заслуживают внимания прежде всего потому, что знание их помогает уяснить некоторые особенности процесса выработки политических решений в США. К тому же сама техника и методика анализа имеют и известную объективную ценность. Накопленный в этой области американский опыт должен

¹ «Материалы XXIV съезда КПСС». М., 1971, стр. 14—15.

быть подвергнут внимательному разбору, имеющему целью выявить и сильные и слабые стороны. При ближайшем рассмотрении некоторые идеи, подсказанные изучением американского опыта, могут нести рациональное зерно и оказаться полезными для советских исследователей, но при одном непременном, крайне важном условии — надо, как писал В. И. Ленин, «уметь отсечь их реакционную тенденцию, уметь вести свою линию и бороться со всей линией враждебных нам сил и классов»².

Прежде чем переходить к дальнейшему изложению, хотелось бы сделать одну оговорку. В данной главе речь будет идти о технике анализа широких военно-политических проблем, не поддающихся количественному выражению, формализации, вынуждающих полагаться на интуицию и суждение эксперта. Методики формального, количественного анализа более узких «тактических» проблем предметом нашего внимания не будут, мы обратимся к ряду разработанных в США подходов и методик интуитивно-логического анализа, диапазон которых довольно широк — от обращения к здравому смыслу и интуиции отдельного эксперта до сложных процедур, позволяющих выявить коллективное суждение специалистов в одной или разных областях знания.

1. Использование теории игр

«Генеалогическое дерево» теории игр имеет многочисленные глубокие корни. Анализ азартных игр, где определяющим является фактор случайности, был дан еще в XVII в. такими учеными, как Галилей, Паскаль, Ферма, Гюйгенс. Именно с исследованием азартных игр (классический пример — игра в кости) связано рождение математической теории вероятностей. Другой тип игр, так называемые комбинаторные игры, также привлек внимание математиков впервые еще в начале XVII в. Правила игр, входящих в эту группу, могут допускать такое разнообразие партий, что априорное предсказание исхода каждой партии практически невозможно, хотя с принципиальной точки зрения, если отвлечься от различия между потенциальной осуществи-

² В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 18, стр. 364.

мостью и реальной возможностью, никаких препятствий для такого предсказания нет. Особенность этих игр состоит еще и в том, что действие происходит «в открытую», каждый ход является одновременно достоянием обоих партнеров, и теоретически можно представить себе идеального игрока, который может видеть все возможности, заложенные в той или иной позиции. Явно выраженная комбинаторная игра — шахматы.

Третий тип игр носит название стратегических, поскольку источник неопределенности исхода игры имеет стратегическое происхождение: игрок не может знать, какого образа действий придерживается его противник, т. е. неопределенность исхода возникает из-за незнания действий противника, который может быть как реальным (человек, коллектив), так и условным (природа, обстоятельства). Как это ни кажется странным, стратегические игры в их чистом виде распространены сравнительно мало. Простейшим примером стратегической игры является игра в «орлянку» в той ее форме, когда два участника игры независимо один от другого кладут на стол по монете, и если оказывается, что монеты положены одинаковыми сторонами вверх, то побеждает первый, в противном случае — второй. Стратегичность игры может сочетаться с ее комбинаторностью («морской бой»), с азартностью (покер), а также с комбинаторностью и азартностью одновременно (преферанс).

В отличие от комбинаторного и азартного видов игр, исследование стратегических игр имеет значительно более короткую историю. Первая попытка сформулировать основные понятия, связанные со стратегическими играми, была сделана в 1921 г. Эмилем Борелем, но на твердую математическую основу теория стратегических игр была поставлена лишь в 1928 г. работой Джона фон Неймана «К теории стратегических игр». Впрочем, пристальное внимание к теории игр было привлечено позднее, когда в конце 30-х годов, живя уже в Америке, фон Нейман вернулся к игровым проблемам, на сей раз совместно с экономистом Оскаром Моргенштерном. Итогом их многолетней работы явился труд «Теория игр и экономическое поведение», вышедший в свет в 1944 г. Хотя название монографии указывает на непосредственную прикладную направленность, это не совсем так: содержание книги носит чисто математи-

ческий характер. Однако исследования Неймана и Моргенштерна преследовали определенные практические цели: разработать теорию игр как математический аппарат для описания и анализа экономических явлений. В послесловии к русскому переводу книги советский ученый профессор Н. Н. Воробьев пишет, что немного можно указать таких работ в истории математики, которые подобно монографии Неймана и Моргенштерна создавали бы фактически «на пустом месте» сложную, важную и притом весьма нетрадиционную дисциплину, представляющую собой математическую теорию выбора решений участниками конфликтной ситуации, исход которой не может быть случайным и не может зависеть полностью от какого-то одного участника конфликта³.

После публикации своего фундаментального труда Нейман продолжал разрабатывать теорию игр, будучи уже сотрудником корпорации РЭНД, вплоть до своей смерти в 1957 г.

С 1944 г. делались неоднократные попытки применить математический аппарат теории игр к решению различных задач — технических, экономических, военных, политических. Но если прикладное использование теории игр в области техники, кибернетики, экономики принесло существенные результаты, то в военно-политической области на современном уровне развития математики эта теория оказалась практически неприменимой, попытки придать прикладной характер исследованиям в области применения теории игр для анализа, в частности, международных кризисных и конфликтных ситуаций натолкнулись на серьезные методологические трудности; разработанные разделы теории не могут быть с успехом применены для такого анализа. После первоначального энтузиазма, когда некоторые ученые приветствовали новую теорию как «один из первых примеров сложных математических выводов, относящихся исключительно к вопросам, возникающим в общественных науках»⁴, наступило охлаждение и разоча-

³ Дж. фон Нейман, О. Моргенштерн. Теория игр и экономическое поведение. Пер. с англ. М., 1970, стр. 633.

⁴ Р. Д. Льюс, Х. Райфа. Игры и решения. Пер. с англ. М., 1961, стр. 31.

рование в теории игр, от нее отошли и Герман Кан, и Альберт Уолстеттер, и многие другие.

Надо, правда, отметить, что это разочарование имело и некоторую политическую подкладку. Однако для того, чтобы разобраться в ее сущности, придется прежде остановиться на некоторых основных понятиях теории игр.

Конфликты в теории игр делятся на два класса — игры со строгим соперничеством и игры с нестрогим соперничеством. В первом случае интересы сторон прямо противоположны и непримиримы. Победа одной стороны означает поражение другой. Сумма выигрыша и проигрыша в играх со строгим соперничеством равна нулю, поэтому их также называют играми с нулевой суммой.

В игре с нестрогим соперничеством интересы сторон сталкиваются, но их нельзя считать прямо противоположными, поскольку существует более или менее обширная область компромиссов, уступок, сотрудничества. Итог игры не является столь определенным, как в первом случае, выигрыш одной стороны не равнозначен проигрышу другой, это игры с ненулевой суммой.

Стороны в конфликте могут выбирать варианты поведения — стратегии. Совокупность вариантов поведения составляет набор стратегий. Предполагается, что каждая сторона стремится к выигрышу, учитывая при этом намерения противника, не уступающего ей по умственным способностям (теория игр неизменно исходит из того, что все игроки, т. е. участники конфликта, принимают рациональные решения). Сочетание стратегий обеих сторон дает варианты исхода (например, набор стратегий первого игрока состоит из четырех стратегий, а второго — из трех; если первый игрок, скажем, выбирает стратегию № 2, а второй игрок — стратегию № 1, то это дает один из вариантов исхода, а всего в данном случае вариантов исхода будет 12). Варианты исхода могут быть наглядно представлены в виде так называемой платежной матрицы, где вертикальные колонки представляют собой стратегии одного игрока, а горизонтальные — стратегии другого игрока, в клетках же на их пересечении записывается выигрыш одной стороны и проигрыш другой, именуемые платежами. В терминологии теории игр игра считается решенной, если

мы можем определить оптимальные стратегии для каждого из игроков, т. е. те стратегии, которые позволяют игрокам «максимизировать» свой выигрыш и «минимизировать» свой проигрыш.

Пока теория игр хорошо разработана лишь для игры двух лиц с нулевой суммой, т. е. для частного случая конфликтной ситуации, случая антагонистического конфликта, исключающего возможность компромисса, где выигрыш одной стороны означает проигрыш другой. В игре двух лиц с нулевой суммой оптимальные стратегии отличны от наилучшего поведения в игре с ненулевой суммой (иногда прямо противоположны). Расширение числа участников также существенным образом меняет обстановку, поскольку возникает возможность создания коалиций, союзов двух против третьего и т. д. Поэтому, естественно, теория игр может быть применима лишь в том случае, если характер конфликта и модель игры совпадают, иначе ее выводы несостоятельны⁵.

Первые попытки теоретико-игрового подхода к анализу военно-политических проблем, в частности проблем

⁵ В качестве иллюстрации несовпадения оптимальных стратегий для различных типов игр рассмотрим пример конфликтной ситуации, которая лежит в основе оперы Пуччини «Тоска». Анализ заимствован у профессора Мичиганского университета А. Рапопорта («Scientific American», December 1962). Полицейский Скарпиа обещает не казнить Каварадосси, если Тоска удовлетворит его желания. Тоска соглашается, но они обманывают друг друга: Скарпиа не отдает приказа стрелять в Каварадосси холостыми патронами; Тоска убивает Скарпиа. С точки зрения теории игр ситуация выглядит следующим образом. Тоска может спасти Каварадосси, но весьма дорогой ценой. Если же ей удастся обмануть Скарпиа, а он сдержит свое слово, то ее ждет полный выигрыш. Поэтому она выбирает стратегию обмана. Скарпиа рассуждает аналогично: он может достичь желаемого, но при этом ему надо многим поступиться — помиловать соперника. Зато если он обманет Тоску, а та сдержит свое слово, то победа остается за ним. Скарпиа также выбирает стратегию обмана. Двойной обман ведет к проигрышу обоих.

Ошибка в том, что оба рассматривали ситуацию как игру с нулевой суммой, и с точки зрения таковой избрали единственно правильную стратегию. Но модель игры с нулевой суммой отнюдь не соответствовала ситуации. Реальная ситуация была не из области игр с ненулевой суммой, а с наличием области общей заинтересованности, а в такой игре правильная стратегия в данном случае должна была бы быть прямо противоположной: следовать данному слову, чтобы добиться относительно удовлетворительных, хотя и не максимальных результатов.

международных отношений, основывались как раз на теории игр со строгим соперничеством. Такого рода идеи развивали О. Моргенштерн, Т. Шеллинг, Г. Кан, А. Уолстеттер, Д. Бреннан и др.⁶

Такой подход к международным отношениям вполне соответствовал официальным американским внешнеполитическим доктринам первого послевоенного периода, ориентированным на полное отрицание политики мирного сосуществования, на отказ от каких-либо форм сотрудничества между США и СССР. Поскольку в игре с нулевой суммой нередко приходится выбирать между всем или ничем, рассуждая по принципу «пан или пропал», концепции, выдержанные в терминах победы или поражения, явно импонируют профессиональному мышлению реакционной военщины, стоящей на службе монополистического капитала. По этой причине американская военщина, уповавшая на атомную монополию и рассматривавшая ядерную войну как реальное и практически единственное средство решения серьезных международных споров, приветствовала устраивавшие ее выводы специалистов по теории игр. «Математики, физики, экономисты,— писал американский дипломат Дж. Лоу,— начали на стратегическом рынке бойкую торговлю теорией игр. Термоядерная война стала игрой, и к тому же игрой двух лиц с нулевой суммой»⁷.

Тенденциозность и научная несостоятельность изображения международных отношений как игры с нулевой суммой очевидна каждому здравомыслящему человеку. Многие из наиболее трезвых американских специалистов еще в начале 60-х годов выступили против столь недобросовестной подстановки понятий, за признание существования в отношениях между двумя системами сферы сотрудничества, или, как они ее называют, «общего интереса противников». В противовес «гражданским милитаристам», породившим, говоря словами американского экономиста К. Болдинга, «гоббсовскую вселенную»,

⁶ В этом плане типична статья О. Моргенштерна «Холодная война — это хладнокровная игра в покер» («New York Times Magazine», February 5, 1961), где автор, злоупотребляя своим научным авторитетом, утверждает, будто советско-американские отношения правомерно рассматривать как игру с нулевой суммой.

⁷ G. L o w e. The Age of Deterrence. Boston, 1964, p. 96.

в которой кризисы и конфликты разрешаются только путем всеобщей войны, в Соединенных Штатах появилась другая группа ученых, рассматривающая теоретико-игровые модели как средство поиска новых способов урегулирования международных конфликтов и кризисов, ослабления международной напряженности. Сотрудник института оборонного анализа П. Рок, автор книги «Стратегия взаимозависимости. Как держать под контролем конфликт между Соединенными Штатами и Советским Союзом», писал о необходимости создать «большое разнообразие игр с ненулевой суммой», которые моделировали бы совместные научные исследования, культурный обмен, развитие торговли, договоренность о мерах по разоружению и прочие области «общего интереса»⁸.

Однако только после создания Советским Союзом собственного термоядерного оружия, после запуска первого в мире искусственного спутника земли, продемонстрировавшего возможности советской науки и техники (в том числе и ракетной), была по-настоящему выбита почва из-под ног тех в США, кто лелеял бредовые надежды на возможность некоего атомного «блицкрига» против СССР и пытался представить отношения между двумя общественно-политическими системами как игру двух лиц с нулевой суммой, исключающую всякий общий интерес. Часть американских буржуазных идеологов и политиков стала сознавать, что в условиях, когда ракетно-ядерное столкновение имело бы катастрофические последствия для самих США, ядерная война не является, мягко говоря, оптимальным средством достижения внешнеполитических целей США.

Одним из первых понял это крупный американский специалист в области приложения теории игр к анализу международных отношений Т. Шеллинг. Признавая изменившееся соотношение сил, Шеллинг обратился к более сложным теоретико-игровым концепциям, к разработанной им самим модели игры с ненулевой суммой типа торга, по его терминологии,— к теории игр «со смешанными мотивами». Однако Шеллинг по существу не изменил идеям политики «с позиции силы», он лишь выступил с рекомендациями усовершенствовать ее формы,

⁸ P. Rock. A Strategy of Interdependence. N. Y., 1964, p. 40.

методы, сместить акцент в сторону использования блефа, шантажа, запугивания и обмана противника. Соответственно ядро теоретико-игровой концепции Шеллинга, его собственный «вклад» в анализ международных отношений с помощью теории игр составляет принципиально новая трактовка понятия угрозы: вместо традиционного для теории игр толкования угрозы как утверждения «это причинит тебе больший вред, чем мне», Шеллинг выдвигает новый вариант — «пусть мне будет плохо, но и тебе придется несладко». Теория игр, развивает свою концепцию Шеллинг, «углубляет стратегию переговоров, выделяя то удивительное обстоятельство, что угроза не зависит от соотношения, при котором угрожающий должен нести меньший ущерб, чем угрожаемый... Угрозы войны, как и угрозы закатить истерику, можно понять лишь отказавшись от критерия сравнительной полезности»⁹.

При таком подходе основная задача — сделать угрозу убедительной. Противник должен поверить, что угрожающий пойдет на выполнение своей угрозы, хотя она и принесет значительный вред ему самому. Усилия Шеллинга в основном и были направлены на решение проблемы убедительности угрозы как в рамках абстрактной теоретико-игровой модели, так и ее конкретной реализации в области международных отношений, причем во втором случае теория угрозы Шеллинга превращается в теорию ядерного шантажа.

Трудно сказать, насколько тут дело в совместной работе в корпорации РЭНД или просто в «духовном родстве», но продолжателем концепций Шеллинга выступил Герман Кан. Американские, да и зарубежные, авторы нередко пишут о «теории угрозы Шеллинга — Кана», причем если Шеллинг уделяет большое место абстрактной теоретико-игровой модели, представляющей собой значительный интерес с точки зрения разработки общей теории игр, то Кан специализируется в основном на прикладном применении этих абстракций в области международных отношений, а точнее — в области отношений между противоположными социально-политическими системами.

⁹ T. Schelling. *The Strategy of Conflict*. N. Y., 1963, p. 131.

Рассмотрим подробнее некоторые теоретико-игровые аспекты воззрений Германа Кана в пределах используемых им абстрактных моделей (в его терминологии — «метафор»).

Прежде, однако, необходимо сделать одну оговорку. Математическая теория игр имеет дело с количественными величинами, это строго формализованная теория. Однако, как уже отмечалось, на современном уровне ее развития теорию игр в более или менее чистом виде не удалось применить к военно-политическим проблемам, сами теоремы теории игр пока оказались неприменимыми к политическому анализу. И все же, по мнению ряда американских специалистов, дух этой теории, ее способность сосредоточить внимание на конфликте с динамичным, разумным, быстро реагирующим противником оказали заметное влияние на формирование подхода к анализу проблем такого рода. Столкнувшись с невозможностью квантификации, специалисты, пытавшиеся разработать прикладное применение теории игр в социально-политической области, излагают теоретико-игровые модели неформально, избегая математической символики, формул, матриц и т. п. И Шеллинг, и Кан пользуются обычным, вербальным способом выражения мысли, уделяя большое внимание конкретным и весьма образным примерам — моделям. Наше изложение будет носить аналогичный характер.

Моделей, на основе которых Герман Кан пытается интерпретировать международные отношения, две. Одна из них — «забастовка», а вторая — так называемая «игра в слабака».

Модель забастовки Кан излагает следующим образом: «В забастовочной ситуации рабочие и администрация угрожают нанесением ущерба друг другу, наносят таковой и под давлением перспективы нанесения дальнейшего ущерба стремятся к заключению соглашения». Обычно предполагается, по словам Кана, что события не дойдут до «верхней точки эскалации», т. е. никто не ожидает, что в результате забастовки рабочие умрут голодной смертью, а предприниматель разорится (хотя, оговаривается автор, и то и другое бывало). «Ожидается, что каждая сторона наносит противной стороне ущерб или угрожает нанесением такового, но не стремится «уничтожить» своего противника или хотя бы

нанести ему непоправимый вред. Предполагается, что прежде, чем ущерб достигнет непоправимых пропорций, будет выработан тот или иной компромисс»¹⁰. Но если компромисс может быть выработан, то почему его нельзя заключить сразу и избежать всей этой неудобной процедуры? — спрашивает автор. Объяснение кажется ему само собой очевидным: та сторона, которая покажет, что она стремится избежать забастовки, тем самым признает свою «слабость» и будет вынуждена идти на уступки. Поэтому каждая сторона маскирует собственные опасения и старается казаться непреклонной, надеясь тем самым подорвать решимость противника и добиться морального превосходства. Равновесие, по Кану, поддерживается лишь в силу того, что обе стороны имеют возможность «давить» на противника: рабочие — забастовкой, предприниматель — локаутом.

Прежде чем говорить о перенесении этой модели в область международных отношений, остановимся на ее внутренней логике. Верно ли представлено автором то явление, которое, по его замыслу, призвано быть моделью международного конфликта?

В своей трактовке Герман Кан ставит рабочих и предпринимателей на одну доску, игнорируя классовый характер описываемого им явления. Объективный же анализ свидетельствует о том, что это принципиально неверно. Прежде всего по самой своей природе забастовка — это средство защиты рабочими своих прав, средство оборонительной борьбы рабочего класса против наступления эксплуататоров. Эксплуататор и эксплуатируемый находятся в далеко не равном положении и с точки зрения того, какой ущерб они могут нанести друг другу: если для предпринимателя забастовка — это лишь временное и частичное лишение барышей, то для бастующих рабочих и их семей это подчас вопрос жизни и смерти, в самом прямом смысле этого слова. Не равны и силы, которыми располагают рабочие и предприниматели: ведь на стороне последних — вся мощь буржуазного государства, весь аппарат насилия и принуждения. Забастовка как острая форма классовой борьбы — это вовсе не та салонная игра, какой ее изображает Кан, где рабочие и предприниматели тесно объеди-

¹⁰ H. K a h n. On Escalation. N. Y., 1965, p. 9.

нены взаимной заинтересованностью друг в друге и потому «благополучный» исход конфликта между ними заведомо предрешен.

Как фальшива попытка поставить рабочий класс и предпринимателей на одну доску, так и тезис об общности их интересов оказывается ложным. Разглагольствования об общности интересов пролетариата и капиталистов, о возможности «классовой гармонии» — в традициях буржуазной идеологии, особенно американской.

В этом смысле исходная посылка Кэна не вызывает удивления, она вполне типична для идеолога империализма, но в действительности классовый интерес пролетариата идет дальше, чем урегулирование отдельного конфликта с предпринимателем, чем частичное улучшение условий наемного рабства.

Если при описании самой модели Кэна «абстрагируется» от ее классового характера и манипулирует какими-то внесоциальными категориями, то и при перенесении этой модели в область международных отношений обнаруживается тот же политический подлог.

Кэан опять-таки делает попытку поставить на одну доску политику империалистических держав, в частности США, и социалистических стран, представляя основой политики любой страны опору на силу или угрозу ее применения, стремление запугать противника, с помощью шантажа заставить пойти на уступки.

Однако если это полностью справедливо в отношении капиталистических стран, то изображение в подобном свете политики мирного сосуществования, которую неуклонно проводят страны социализма, — это не что иное, как сознательная фальсификация.

Стремясь обелить американский империализм и представить его излюбленную политику шантажа и угроз как не только единственно правильную, но и фактически единственно возможную в современном мире, Кэан приписывает социалистическим странам стремление к поддержанию «равновесия страха» в глобальных масштабах, хотя отношение социалистических стран к концепции «равновесия страха» хорошо известно. Об этом совершенно недвусмысленно заявило международное Совещание коммунистических и рабочих партий в Москве в 1969 г.: «Мир на земле не может опираться на «равновесие страха». Прочный мир немыслим без

прекращения гонки вооружений»¹¹. Да и вообще при выработке своей политической стратегии социалистические страны, как известно, полагаются не на умение «выиграть» тот или иной спор, «вырвать» ту или иную уступку, а на долговременные тенденции исторического развития, ведущие к изменению соотношения сил в мире, на учет объективных процессов.

Так замыкается у Кана порочный круг — от фальши в модели через искажение существенных черт моделируемого отрезка реальной действительности к ложным, апологетическим выводам, причем на всех этих этапах даже невооруженным глазом видна классовая обусловленность построений Кана.

Однако при всех своих недостатках модель «забастовки», выдвинутая Каном как аналогия международной конфликтной ситуации, является уступкой веяниям времени, некоторым признанием реального изменения в соотношении сил между капитализмом и социализмом: по сравнению с предшествовавшими теоретико-игровыми концепциями, основанными на играх со строгим соперничеством, модели Шеллинга — Кана, особенно данная модель «забастовки», подразумевают наличие довольно обширной сферы «общего интереса противников». Это показательно — даже столь одиозная фигура, как Герман Кан, известный тесными связями с американской военщиной, к середине 60-х годов, видимо, осознал, что мировая термоядерная война грозит США самоубийственными последствиями и не может считаться средством достижения политических целей. Однако прямо тут же, словно испугавшись «смелости» такого вывода, Герман Кан заявляет, что, пожалуй, в модели «забастовки» мотив общности интересов занимает слишком большое место, и для международного конфликта, возможно, характерна и другая аналогия, полностью исключая возможность компромисса, торга, оставляющая место лишь столкновению — аналогия с «игрой в слабака»¹².

«Игра в слабака» — это аналогия, заимствованная Каном у Шеллинга, который в свою очередь почерпнул

¹¹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы». М., 1969, стр. 254.

¹² Н. Кан. On Escalation, p. 12.

ее у Бертрана Рассела (только у Рассела она служила принципиально противоположным целям — доказательству губительности политики балансирования на грани войны)¹³. Правила игры состоят в том, что два автомобиля сближаются на встречных курсах. Кто свернет в сторону, испугавшись столкновения, тот — «слабак». «Для того чтобы выиграть эту игру,— пишет Кан,— один из игроков должен постараться убедить своего противника в том, что сам он — абсолютно безрассуден и не отступит, более того, что он не хочет видеть опасности, что его автомобиль вышел из-под контроля. Проще всего достичь этой цели, если сесть в автомобиль мертвецки пьяным, надеть черные очки и демонстративно выбросить из окна рулевое колесо, как только машина наберет скорость. Если соперник следит за твоим поведением, то у него возникает серьезный соблазн убраться с дороги»¹⁴.

Это описание, полагал Кан, «объясняет, почему многие хотели бы в международных отношениях действовать таким же образом, как юнцы, играющие в слабака. Они полагали, что стоит только кое-кому притвориться пьяными, слепыми и лишенными руля, как они «победят» на переговорах с Советским Союзом по кардинальным вопросам. Я не считаю такую политику полезной или ответственной»¹⁵.

Казалось бы, на словах Кан признает безумие и опасность игры в «слабака», соглашается с тем, что она не может служить моделью международных отношений. Тем удивительнее, что наряду с этим Кан все же делает попытку извлечь из этой модели какое-то «рациональное зерно», чтобы так или иначе использовать ее в сфере международной политики, утверждая, что нерациональное, безрассудное поведение может иной раз принести вполне реальную выгоду, что полный отказ от такого поведения в пользу трезвости и хладнокровия равносителен ненужному самоограничению¹⁶.

Так Кан, с одной стороны, как будто разрушает эту модель, но, с другой стороны, тут же пытается спасти

¹³ B. Russel. *Common Sense and Nuclear Warfare*. London, 1959, p. 12.

¹⁴ H. Kahn. *Thinking About the Unthinkable*. N. Y., 1962, p. 45.

¹⁵ H. Kahn. *On Escalation*, p. 11.

¹⁶ *Ibid.*, p. 11, 57.

хоть какие-то обломки для того, чтобы создать из них новую конструкцию. Таким образом появляется на свет концепция «разумного безрассудства» (rational irrationality), фактически перечеркивающая основную исходную посылку математической теории игр — предположения о том, что участники игры, конфликтующие стороны, обязательно принимают рациональные, а не иррациональные решения.

По Кану, «разумное безрассудство» — это тактика, уместная при торге, переговорах или эскалации для повышения достоверности угрозы. Угроза, центральное понятие в концепциях Кана, трактуется им в том же духе, что и Шеллингом (т. е. по принципу «пусть мне будет плохо, но и тебе придется несладко»), причем вслед за Шеллингом Кан разграничивает понятия «предостережение» и «угроза»: «Предостережение подразумевает, что одна сторона привлекает внимание противника к тому факту, что она намерена отреагировать на действия противника нежелательным для последнего образом просто потому, что на основе анализа по принципу стоимость — эффективность такая реакция представляется ей разумной и оправданной. Угроза, напротив, определяется как связывание себя обязательством предпринять определенные действия, которые, возможно, могли бы быть расценены как неразумные и неоправданные, не будь этого обязательства»¹⁷. Причем убедительность угрозы, по Кану, находится в прямой зависимости от потенциальной безрассудности возмездия: когда речь идет о ситуации «сдерживания», то «разумное безрассудство» означает, пишет он, что в настоящее время сознательно планируется возможность совершения в будущем некоего безрассудного действия. Иногда речь может идти и о том, что безрассудное поведение в настоящий момент может дать вполне рациональное и ощутимое преимущество в тот же настоящий момент. Например, человек хочет приобрести ценный предмет по дешевой цене, причем кроме него покупателей на этот предмет нет. Ему в такой ситуации выгодно притвориться дурачком, не понимающим истинной ценности предмета и — главное — убедить в своей «глупости» продавца.

¹⁷ H. Kahn. On Escalation, p. 277.

Кан убежден, что «разумное безрассудство» может сыграть важную роль при проведении политики сдерживания. Поэтому в большинстве случаев, если такая политика провалилась, неразумно выполнять сделанные ранее угрозы или предостережения, поскольку возмездие грозит отрицательными последствиями для самого его инициатора. Если мы хотим, утверждает Кан, чтобы угроза возмездия была достоверной, она должна быть основана на потенциальном безрассудстве возмездия. «Гарантировать» это безрассудство можно разными способами, но суть их сводится к одному — заранее связать себе руки, отрезать путь к отступлению.

Можно, например, устроить дела таким образом, что вполне разумное руководство частично лишится возможности контролировать систему, а потому от этой системы вряд ли можно будет ожидать «разумного» поведения (примером может служить та тактика, которую избирает игрок в «слабака», выбрасывающий рулевое колесо автомашины). Можно самому назначить себе «наказание» за невыполнение собственной угрозы, и если это «наказание» будет достаточно серьезным, то оно может сделать разумным осуществление ранее выдвинутой угрозы (хотя бы это и было безрассудным в отсутствие наказания).

Для чего нужны Кану все эти сложные построения, единственная цель которых — повысить достоверность угрозы силой? Ведь в сущности угроза применения силы — как и само применение силы — это не что иное, как запрещенный прием в международных отношениях.

Но Кана не интересуют международно-правовые нормы. С его точки зрения, применение угрозы силой не только правомерно и законно как средство достижения политических целей, но оно есть чуть ли не важнейший инструмент обеспечения мира. По Кану угроза силой — это единственное, что может предотвратить новую мировую войну, лишь бы угроза была достаточно убедительна.

До сих пор вообще основным критерием достоинства внешней политики государства — равно как и мерилом достоинств политического деятеля — считаются ум, трезвость, хладнокровие, рассудительность и т. д. А Кан провозглашает нечто обратное: велик тот госу-

дарственный деятель, который сможет создать у своих партнеров впечатление безответственного, безрассудного человека. Все впечатление о внешней политике, таким образом, переворачивается с ног на голову¹⁸.

Выше мы говорили о морально-этической неприемлемости переноса правил игры в «слабака» на область международных отношений. Но этот перенос уязвим и с теоретико-игровых позиций. Одно из основных требований теоретико-игрового подхода — соответствие между моделью и реальной моделируемой ситуацией; ведь модель должна отражать наиболее существенные стороны последней, иначе она теряет право называться моделью. Применяя модель, нужно по крайней мере убедиться, что в объекте исследования выполняются ее основные допущения, что для объекта характерны именно те отношения, которые фиксируются и развертываются в модели. В противном случае естественный итог моделирования (или применения аналогии, или «метафоры» — терминология тут не имеет значения) — набор заблуждений или бессмыслиц. Чисто внешнее сходство никоим образом не может быть гарантией соизмеримости модели и отрезка объективной действительности, подлежащей моделированию.

Никому не придет в голову исследовать последствия столкновения в воздухе двух реактивных пассажирских лайнеров на модели столкновения двух мух, хотя и тут можно найти какие-то элементы внешнего сходства. Так же несопоставимы последствия современного международного конфликта и игры «в слабака». Просчет при «игре в слабака» грозит в крайнем случае серьезными последствиями для двух ее участников. И вдруг те же мерки, с которыми Кан подходил к рассмотрению этой «игры», оказываются механически перенесенными на анализ ситуаций глобального характера, где «ошибка» шантажиста может стоить жизни миллионам.

¹⁸ Любопытно сопоставить всю концепцию «расчетливого безрассудства», разработанную Каном, с выводами Неймана. Последний весьма пессимистически смотрел на возможность благоприятного для человечества развития событий, но все же все свои надежды он связывал с повседневным проявлением людьми таких качеств, как ум, гибкость, терпеливость, считая проявление безрассудства равносильным отказу от всяких шансов на «выживание».

Модели Кана основаны на поверхностных аналогиях между явлениями, принадлежащими к принципиально различным порядковым рядам с абсолютно несоизмеримыми последствиями.

* * *

Пока теория игр не готова выполнять функцию модели международных отношений хотя бы в силу недостаточной разработанности многих ее разделов.

Формализация конфликтной ситуации до сих пор не удается, поскольку для этого требуется разработка количественных значений многочисленных факторов, не поддающихся количественной оценке в конкретной действительности (пример — морально-политическое единство народа, борющегося против агрессора).

Попытки формализовать конфликтную ситуацию преследуют в целом позитивную цель — освободить конфликт от второстепенных деталей, выявить его суть, найти пути наилучшего решения; однако формализация вообще, а на данном уровне развития теории игр в особенности чревата опасностью «выплеснуть вместе с водой и ребенка» — опасностью абстрагироваться от наиболее существенных сторон конфликта, отвлечься от самой его сути. «Возможно верно, — пишет К. Болдинг, — что в настоящий момент теория игр оперирует на таком уровне абстракции, который несколько выше уровня непосредственного практического применения»¹⁹.

Как уже отмечалось, для построений Кана как раз и характерно такое псевдонаучное использование метода абстрагирования: в своей «забастовочной» метафоре он вначале «абстрагируется» от классовой сущности забастовки как социального явления, что приводит к искаженной трактовке самой модели, а затем переносит тот же социальный подлог в сферу международных отношений.

Однако сама теория игр располагает широким диапазоном как математических, количественных, так и качественных аспектов, и некоторые из подсказанных ею идей могут, видимо, быть применены для плодотворного анализа логической структуры конфликта, основных

¹⁹ К. Boulding. Conflict and Defense. N. Y., 1963, p. 57.

элементов конфликтной ситуации, существенных аспектов таких понятий, как соперничество, сотрудничество и т. д. Не вызывает возражений мнение специалиста по теории игр Дж. Уильямса: «Хотя в настоящее время уже выяснены, несмотря на множество ограничений теории, многие ее специфические приложения, ее наибольший, пока неявный вклад состоит, может быть, в том, что она дает людям, имеющим дело со сверхсложными проблемами, самую общую ориентацию. Даже если эти проблемы не поддаются строгому решению (в настоящее время это, несомненно, так, а, возможно, так будет и в неопределенном будущем), она дает основу для работы над ними. Идея стратегии, различия между игровками, роль случайных событий, понятие матрицы выигрышей, чистой или смешанной стратегии и т. д. дают драгоценную ориентацию людям, которым необходимо обдумывать сложные конфликтные ситуации»²⁰.

Советские исследователи, рассматривавшие политические приложения теории игр, подчеркивают, что, хотя она и неспособна дать исчерпывающий анализ международной конфликтной ситуации в силу высокой сложности и комплексного характера последней, все же теория игр в каких-то аспектах может найти применение среди богатого арсенала научных средств, которыми располагает советский исследователь, вооруженный марксистско-ленинской теорией²¹.

2. Применение системного подхода

Специальные методы, призванные усовершенствовать анализ и выработку решений, применяются в Америке около трех десятилетий. Сначала они объединялись под общим названием «исследования операций»²², позднее на базе исследования операций вырос комплекс более емких и изощренных методов — системный анализ. Как

²⁰ J. D. Williams. *The Compleat Strategyst*. N. Y., 1954, p. 217.

²¹ См. Л. А. Петровская. Критика новейшей апологетики империализма. М., 1970; «Теория игр» на службе американских милитаристов. «Проблемы войны и мира». М., 1967.

²² «Исследование операций» возникло приблизительно около 1940 г. в Англии как методика решения конкретных военных проблем, несколько позже она была подхвачена в США и получила там широкое распространение.

исследование операций, так и системный анализ в сущности преследовали общую цель — оптимизировать процесс принятия решений, дать ему более надежное обоснование, нежели просто интуиция или аналогия с предшествующим опытом.

В фундаментальном труде по исследованию операций последнему дается такая характеристика: «Одной из наиболее существенных черт исследования операций является стремление найти оптимальное решение, определить оптимальную стратегию, конструкцию. Задача заключается не в том, чтобы найти решение лучше существующего, а в том, чтобы найти самое лучшее решение из всех возможных»²³.

На базе традиционного исследования операций, подразумевающего применение сложных математических методов для анализа тактических или технических проблем низшего уровня (где четко сформулирована цель и где возможно однозначное оптимальное решение), сформировался системный подход, разработанный в корпорации РЭНД в 50-х годах и представившийся многим американским теоретикам настоящим «технологическим прорывом»; сами методы и общая философия очень близки к операционному анализу, но благодаря широте исследуемых проблем и росту неопределенностей роль математики и изощренных вычислений стала второстепенной, основное внимание сосредоточилось на неопределенностях (вспомним, как сформулировано различие между исследованием операций и системным анализом у Уолстеттера, см. главу I).

Использование категории «системы» как в научных исследованиях, так и при решении практических проблем (особенно в таких областях, как прогнозирование, проектирование и управление в технике, биологии, психологии, в социально-экономической и военной сферах) связано с развитием «общей теории систем» — научной дисциплины, разрабатывающей и стремящейся математически обосновать наиболее общие теоретические основы подхода к изучению сложных объектов. Эта теория в виде специальной концепции была впервые сформулирована в 30-е годы австрийским биологом (ныне

²³ У. Черчмен, Р. Акоф, Л. Арноф. Введение в исследование операций. Пер. с англ. М., 1968, стр. 16.

работающим в Канаде) Людвигом фон Берталанфи, в 50-е годы она стала широко разрабатываться представителями различных областей знания и связана с именами экономиста Кеннета Болдинга, бактериолога Уильяма Росса Эшби, математиков Анатоля Рапопорта, Михайло Месаровича, Николаса Рашевского, специалиста в области исследования операций Рассела Акофа.

По оценке специалистов общая теория систем еще не вступила в период теоретического синтеза и пока речь может идти не столько о специальной области науки, сколько о разработке новых принципов научного мышления, подхода к исследованию и к практической деятельности²⁴.

На данном этапе развития системного анализа центральное для всей концепции понятие системы трактуется различными авторами более или менее по-своему (начиная от качественных характеристик и кончая формальными определениями в понятиях теории множеств). Можно привести такие определения, как «система есть комплекс элементов, находящихся во взаимодействии» (Берталанфи), «система — это множество объектов вместе с отношениями между объектами и между их атрибутами» (А. Холл и Р. Фейджин), «система — это не просто совокупность единиц (частиц, индивидов), когда каждая единица управляется законами причинной связи, действующей на нее, а *совокупность отношений* между этими единицами. При таком подходе особое внимание уделяется организованной сложности, т. е. тому обстоятельству, что добавление новой единицы вводит не только отношения этой единицы ко всем другим, но также изменяет отношения между единицами» (А. Рапопорт)²⁵.

²⁴ На начальных стадиях своего существования общая теория систем — в трактовке некоторых авторов — претендовала на роль всеобщей теории, относящейся в принципе к любому явлению объективного мира. Однако достаточно скоро осознание многообразия и разнородности сложных объектов привело многих приверженцев этого направления, в том числе и самого Берталанфи, к пониманию ее ограниченной ценности как одной из возможных моделей описания и решения отдельных, хотя зачастую и достаточно обширных, научных проблем в различных областях знаний.

²⁵ «Исследования по общей теории систем». М., 1969, стр. 12, 88, 252.

Невзирая на многообразие определений, можно выделить, как представляется, основное в понятии «системы» — система есть целостный комплекс взаимосвязанных элементов, образующий особое единство со средой, выступающий в качестве элемента системы более высокого порядка и подразделяющийся в свою очередь на подсистемы — системы более низкого порядка. Справедливость такой трактовки подтверждается и мнением Р. Акофа, специалиста по прикладным применениям теории систем: «В последние два десятилетия мы являемся свидетелями быстрого развития понятия «система», ставшего ключевым в научном исследовании. Конечно, системы изучались в течение многих столетий, но теперь в такое исследование добавлено нечто новое... Тенденция исследовать системы как нечто целое, а не как конгломерат частей соответствует тенденции современной науки не изолировать исследуемые явления в узко ограниченном контексте, а изучать прежде всего взаимодействия и исследовать все больше и больше различных аспектов природы»²⁶.

Широкое признание продуктивности системного подхода свидетельствовало об окончательном крушении механистического видения мира, при котором любой объект сводился к исходным элементам и все его свойства выводились из различных сочетаний последних. В свое время именно в борьбе с механицизмом возник и сложился диалектический метод познания, взятый на вооружение основоположниками марксизма, в частности яркие примеры критики механистического подхода дают работы Ф. Энгельса. Трактовка диалектического метода в трудах В. И. Ленина также не оставляет сомнений в том, что марксистская философия первой начала прокладывать новые пути в методологии познания сложных объектов, поставив в центр внимания понятия о всеобщей связи явлений, о переходе количественных изменений в качественные, о диалектике развития от низшего к высшему, о соотношении целого и части. Сошлемся, в частности, на конспективное изложение диалектических принципов познания в конспекте В. И. Ленина книги Гегеля «Наука логики».

²⁶ R. L. Ackoff. Games, Decisions and Organizations. «General Systems», vol. IV, 1959, p. 145.

«Элементы диалектики

- 1) *объективность* рассмотрения (не примеры, не отступления, а вещь сама в себе).
- 2) вся совокупность многообразных *отношений* этой вещи к другим.
- 3) *развитие* этой вещи (respective явления), ее собственное движение, ее собственная жизнь.
- 4) внутренне противоречивые *тенденции* (и стороны) в этой вещи.
- 5) вещь (явление etc.) как *сумма и единство противоположностей*.
- 6) *борьба* respective развертывание этих противоположностей, противоречивых стремлений etc.
- 7) соединение анализа и синтеза,— разборка отдельных частей и совокупность, суммирование этих частей вместе.
- 8) отношения каждой вещи (явления etc.) не только многообразны, но всеобщы, универсальны. Каждая вещь (явление, процесс etc.) связана с *каждой*,
- 9) не только единство противоположностей, но *переходы каждого* определения, качества, черты, стороны, свойства в *каждое* другое [в свою противоположность?]
- 10) бесконечный процесс раскрытия *новых* сторон, отношений etc.
- 11) бесконечный процесс углубления познания человеком вещи, явлений, процессов и т. д. от явлений к сущности и от менее глубокой к более глубокой сущности.
- 12) от сосуществования к каузальности и от одной формы связи и взаимозависимости к другой, более глубокой, более общей.
- 13) повторение в высшей стадии известных черт, свойств etc. низшей и
- 14) возврат якобы к старому (отрицание отрицания)
- 15) борьба содержания с формой и обратно. Сбрасывание формы, переделка содержания.
- 16) переход количества в качество и *vice versa*²⁷.

В известном смысле разработка общей теории систем представляет собой — осознанное или неосознанное — «открытие заново» в современной буржуазной науке эле-

²⁷ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 29, стр. 202—203,

ментов диалектической философии. Объективные закономерности, вскрытые философами-диалектиками еще в прошлом веке, наконец пробили себе путь к признанию в концепциях многих буржуазных ученых, приведенных к таким выводам самой логикой развития современного научного знания.

Одной из специфических особенностей системного подхода на сегодняшнем этапе является разработка, параллельно с теоретическими основами и методологией, а иногда и опережая их, прикладных применений теории систем, использование общих принципов этой теории для решения тех или иных, абстрактных или конкретных научно-практических проблем.

Новаторский аспект деятельности корпорации РЭНД как раз и связан с одним из таких прикладных применений — с использованием системного подхода для совершенствования методов анализа и принятия решений по управлению целенаправленными действиями в различных сферах человеческой деятельности (таких, например, как военная, промышленная, коммерческая, финансовая и т. п.). Характеризуя системный подход в том виде, в каком он принят в РЭНД, один из ведущих сотрудников корпорации, Э. Квейд, писал, что это — подход, «цель которого помочь руководителю, принимающему решение, в выборе курса действий путем рассмотрения всех аспектов стоящей перед ним проблемы, выявления целей и альтернативных путей их достижения, сопоставления этих альтернатив в свете их последствий, при использовании соответствующих методов — по возможности аналитических, позволяющих опереться на суждения и интуицию эксперта»²⁸. При таком подходе на первый план выдвигаются не столько математические, формализованные методы, сколько сама логика системного анализа, упорядочение процедуры принятия решений.

Чем же вызвано, по мнению американских специалистов, стремление к такому упорядочению?

Прежде всего тем, что в прошлом, когда проблемы были менее сложными, а события развивались медленнее, корректирующая функция опыта могла играть более важную роль. Теперь же, в эпоху столь бурных темпов

²⁸ «Systems Analysis and Policy Planning». N. Y., 1968, p. 2.

развития, методы проб и ошибок чреватy слишком большой опасностью катастрофы, чтобы быть удовлетворительными.

К тому же взгляды человека не всегда успевают адаптироваться к изменению темпов развития и часто страдают ограниченностью, обусловленной предшествующим опытом. Иногда в силу этой ограниченности можно отбросить или недооценить идею, показавшуюся «сумасшедшей» или нереальной, но на самом деле являющуюся просто-напросто непривычной. Более того, некоторые концепции, сформированные под влиянием прошлого опыта (особенно в военной области, где технические перевороты происходят быстро), могут подчас быть не только бесполезны при анализе сегодняшних проблем, но способны даже стать источником серьезных заблуждений.

По мнению американских специалистов, необходимость совершенствования методов анализа и принятия решений обусловлена не только снижением относительной ценности реально накопленного опыта и непригодностью в современных условиях прежних методов проб и ошибок, но и пороками традиционной «групповой» или «комитетной» системы принятия решений, при которой единое мнение формируется не в результате беспристрастного и последовательного научного анализа проблемы, а только путем компромиссов.

Герман Кан, например, следующим образом иллюстрирует технику компромиссного группового решения. Представим, что в мясной магазин приходят трое друзей, собравшихся пообедать вместе. Продавец предлагает им индейку и ветчину, посоветовавшись, они выбирают индейку. Тут выясняется, что в магазине есть еще и цыплята. Новая информация меняет решение покупателей — они склоняются к выбору ветчины.

Внешне решение выглядит совершенно нелогичным, но на самом деле оно просто подчинено особой логике — логике компромисса: А и В предпочитают индейку ветчине, С — наоборот, но он вынужден уступить мнению большинства и идет навстречу приятелям; затем выяснилось, что есть цыплята — самое любимое блюдо С, но их вообще не едят ни А, ни В, поэтому С вновь приходится уступить и вторично отказаться от желаемого, зато теперь у него появляется моральное право тре-

бовать, чтобы в ответ и друзья пошли ему навстречу и согласились на ветчину вместо индейки.

Таким образом, пишет Кан, когда речь идет о групповом решении, порой полностью бессмысленны такие категории, как самая важная цель или оптимальная стратегия для достижения данной цели, поскольку группа в своих выводах будет руководствоваться в значительной мере логикой компромисса, а не одной лишь внутренней логикой исследуемой проблемы. Поэтому исследователь должен упорядочить анализ таким образом, чтобы рассмотреть приоритеты целей во всей полноте и учесть весь диапазон альтернативных путей решения проблемы. Он должен подняться над «идиосинкразиями» и ведомственными интересами тех, кого затрагивает эта проблема, и предпочесть ту систему, «которая достаточно хорошо функционирует в наиболее вероятных условиях и удовлетворяет целям высшего порядка, но одновременно все же подстрахована на случай возникновения менее вероятных или даже невероятных ситуаций и не только на словах, но и на деле удовлетворяет целям среднего и низшего порядка»²⁹.

Если перед специалистом по исследованию операций, скажем, возникал вопрос — «как повысить точность бомбометания для данного типа самолета?», то перед специалистом по системному анализу может встать вопрос иного плана — «что представляет собой оптимальная система, выполняющая функции традиционного бомбардировщика?» Уже из этого упрощенного примера ясно, что специалист по системному анализу имеет дело с проблемой выбора между многими вариантами в условиях больших неопределенностей, но в случае такой конкретной проблемы, как этот условный «бомбардировщик», на помощь эксперту придут специальные математические методы, методы экономического анализа по принципу «стоимость — эффективность» и т. п., в результате задачу удастся ограничить без существенных отклонений от ее строгой формулировки и найти оптимальный ответ. «Хотя системный анализ представляет собой искусство, — пишет Э. Янч, — это искусство требует также и специальной математической подготовки»³⁰.

²⁹ Н. Кан. On Thermuclear War. N. Y., 1960, p. 121.

³⁰ Э. Янч. Прогнозирование научно-технического прогресса. М., 1970, стр. 369.

Наиболее известным практическим выходом разработанной в РЭНД методологии системного анализа с опорой на количественный анализ явилась так называемая система ППРБ — «планирование — прогнозирование — разработка бюджета», которая, по инициативе Р. Макнамары, с 1963 г. приобрела силу официально действующей процедуры планирования и финансирования строительства вооружений и вооруженных сил США, а к 1969 г. была распространена на 26 федеральных ведомств.

Мы не будем входить в детали этой системы, о ней достаточно много писалось в советской научной печати, а также в работах американских авторов, переведенных на русский язык³¹.

Но в самый разгар увлечения системным анализом ряд ученых, в том числе и некоторые пионеры этой методологии, отчетливо увидели ограниченность его применения и выступили против попыток превратить исследование операций и системный анализ в панацею от всех бед и исследовательских трудностей, особенно против злоупотребления формализованными или чисто количественными методами в таких сложных областях, как политика и военная стратегия. С подобными предостережениями выступили, например, английские ученые П. Блэккетт, С. Цукерман, американцы А. Уолстеттер, Г. Кан³². Они пришли к выводу, что чем шире исследуемая проблема, тем меньше возможностей полагаться на формализованную процедуру, на количественный анализ.

Действительно, если исследователь сталкивается с проблемой более общего политического плана, то даже в случаях, когда автор декларирует свою приверженность к системному анализу, этот анализ принимает у

³¹ Сошлемся, в частности, на достаточно детальное изложение сущности системы ППРБ в работах: Р. Эйрес. Научно-техническое прогнозирование и долгосрочное планирование. Пер. с англ. М., 1971; «Новое в теории и практике управления производством в США». Пер. с англ. М., 1971.

³² A. Wohlstetter. Defense Decisions: Design vs. Analysis; S. Zuckerman. Judgement and Control in Modern Warfare. «Foreign Affairs», January 1962, p. 196—212; P. M. S. Blackett. Critique of Some Contemporary Defense Thinking. «Encounter», April 1961, p. 9—17; H. Kahn, I. Mann. Techniques of System Analysis. Santa-Monica, 1957.

него гораздо менее строгую и упорядоченную форму, в значительной мере окрашивается индивидуальными особенностями исследователя; в результате во всей процедуре прослеживаются лишь те основные принципы системного подхода, о которых говорилось в приведенном выше высказывании Квейда.

«Систематичность» исследования у таких теоретиков, как М. Каплан, Ч. Маклелланд, Л. Блумфилд, Дж. Розенау, выражается главным образом в общем подходе к объекту рассмотрения как к системе взаимосвязанных элементов — подсистем более низкого порядка, в стремлении подвергнуть анализу альтернативные пути развития системы (сами они не называют своих методик «системным анализом», хотя категорией системы пользуются широко).

В рамках такого подхода широко используется и традиционный, описательный метод работы, и специальная техника, призванная усовершенствовать возможности неформального, интуитивно-логического анализа, — написание сценариев, разработка «альтернативных вариантов будущего», игры или имитационный анализ, а также более сложные «человеко-машинные» процедуры типа «Дельфи».

3. Прогностическая направленность исследований

Из предыдущего изложения видно, что все методические усовершенствования, направленные на помощь принимающему решения, по необходимости связаны с попытками предвосхитить, каким путем пойдет развитие исследуемого процесса, — т. е. с попытками предвидеть будущее. По определению Олафа Хелмера, американский исследователь, принявший на вооружение системный подход, просто в силу прагматической направленности своей деятельности «ориентирован на план, а следовательно, — ориентирован на будущее»³³. Действительно, анализ сегодняшней ситуации, чтобы быть эффективным, должен дать своего рода проекцию сегодняшних тенденций в будущее; с другой стороны, прогноз тесно

³³ O. Helmer. Political Analysis of the Future. Prepared for the delivery at the 1969 Annual meeting of the American Political Science Association. Santa-Monica, 1969, p. 4.

связан с настоящим — и не только потому, что он «вырастает из этого настоящего», но и потому, что помогает понять настоящее, оценить возможные последствия сегодняшних действий.

Не удивительно поэтому, что совершенствование аналитических методов, предпринятое в США, способствовало повышению интереса к возможностям предвидения, дало толчок работе по созданию специальной прогностической техники.

После второй мировой войны в американских правительственных организациях был предпринят ряд попыток прогнозирования. Одной из первых таких попыток был так называемый «Отчет фон Кармана», подготовленный в 1944 г. для ВВС консультативной группой — предшественницей корпорации РЭНД. В 50-х гг. ВВС стали систематически использовать научно-технические прогнозы в качестве руководства при формулировании целей исследований и разработок; это привело в 1963—1964 гг. к проведению прогностического исследования крупного масштаба под кодовым названием «Проект Форкаст». В его разработке принимало участие несколько «думающих фабрик», он ставил своей конечной целью научно обосновать выбор ВВС США определенной политики в области науки, техники, военного строительства и финансовой деятельности на 1965—1975 гг.

Другие попытки прогнозирования в военной области включают прогноз развития науки и техники до 1985 г., выполненный в 1964 г. исследовательской корпорацией Сиракузского университета для ВМС США, обзор военной техники будущего, выполненный Гудзоновским институтом для Управления по разоружению и контролю над вооружениями в 1965 г. Прогнозов в невоенной сфере было меньше, и они, как правило, были менее систематическими по своему характеру, однако интерес к прогнозам быстро рос как среди специалистов, так и среди широкой общественности страны, расширялся и диапазон, тематика прогнозов — от конкретных научно-технических и военных к более общим, военно-политическим, социально-экономическим.

К 1965 г. в США насчитывалось около 300 исследовательских центров, специально занимавшихся разработкой научно-технических, военно-политических и социально-экономических прогнозов. Ведущими среди них аме-

риканские специалисты единодушно называют сегодня корпорацию РЭНД, Гудзоновский институт и Институт будущего. Кроме того, была создана национальная комиссия — так называемая «Комиссия 2000 года», призванная координировать работу в этой области, обеспечивать обмен мнениями между специалистами. Еще 10 лет назад слово «футурология» (от лат. *futurum*) было мало кому известно (хотя автор неологизма, западноберлинский профессор Оссип Флехтхайм, пустил его в оборот еще в 1943 г., когда он, будучи эмигрантом, жил в США и писал исследование о философии Освальда Шпенглера), а в середине 60-х годов в Америке и других западных странах стали писать о «футурологическом взрыве».

Флехтхайм изображал футурологию как «проекцию истории в новое временное измерение»³⁴, как «новый синтез разнообразных материалов», родственной «культурной антропологии, теоретической социологии и социальной философии». Цели футурологии Флехтхайм определял вполне прагматически: «Никогда еще за всю историю не было столь насущно необходимо предвидеть, что произойдет, и планировать будущее перед лицом того, что грозит всех нас уничтожить. Если в наш век акселерации, в котором средства разрушения угрожают выйти из-под нашего контроля, противоречие внутри нашего общества и нашей культуры и не может быть полностью устранено, оно все же может быть до какой-то терпимой степени ослаблено благодаря высокой степени предвидения и планирования»³⁵. В столь же прагматическом духе трактует задачи футурологии и большинство ее сегодняшних адептов в США — предвидеть, чтобы предотвратить ошибки, чтобы смягчить трудности и противоречия, чтобы лучше управлять. Ныне под термином «футурология» обычно понимается не столько «наука о будущем» или «философия будущего», сколько сложный комплекс социальных прогнозов (включая такие аспекты, как научно-технический, военно-политический, медико-биологический и т. д.), а также действительно новая научная дисциплина, называемая в марк-

³⁴ О. К. Flechtheim. *History and Futurology*. Meisenheim-am-
Glau, 1966, p. 73.

³⁵ *Ibid.*, p. 107—108.

систской литературе прогностикой, изучающая не будущее как таковое, а законы, методы, приемы прогнозирования.

С самого начала пытаюсь противопоставить футурологию марксистско-ленинскому учению³⁶, футурологи претендуют на роль «первооткрывателей» научного предвидения. В буржуазной литературе то и дело приходится встречаться с утверждениями типа «предвидение — наука франко-американского происхождения»³⁷ (английский социолог Эндрю Шонфилд) или «системный анализ и наука о будущем родились близнецами» (американский социолог Виктор Феркисс). Трудно сказать, чего в таких утверждениях больше — стремления к сознательной фальсификации или элементарного незнания.

Было бы нелепо думать, что прогнозирование только что родилось на свет. Ведь марксистско-ленинское учение о высшей общественно-экономической формации — коммунизме и его первой фазе — социализме по сути своей является первым научно обоснованным взглядом в будущее, постижением смысла и направления исторического развития. Владимир Ильич Ленин в работе «Карл Маркс» подчеркивал, что труды Маркса служат основой для «безбоязненного предвидения будущего и смелой практической деятельности, направленной к его осуществлению...»³⁸. Владимир Ильич умел соединять в своей деятельности трезвый учет практических требований настоящего момента с социальным предвидением, умел представлять каждое явление в перспективе и движении. Более того, он вообще считал, что «от коммуниста следует ждать большего внимания к задачам завтрашнего, а не вчерашнего дня...»³⁹.

³⁶ В частности, Флехтхайм полагал, что футурология обеспечит «новый, конструктивный подход к проблемам настоящего и будущего» в отличие от марксизма, который будто бы оказался «теодицеей» и остался в русле метафизических и утопических философских концепций (см.: О. К. Flechtheim. Op. cit.; он же. Zur Problematik einer Futurologie. «Gewerkschaftliche Monatshefte». Köln, 1966).

³⁷ Имеется в виду деятельность «Комиссии 2000 года» в США и французских ученых, группировавшихся вокруг Бертрана де Жувенеля и редактировавшегося им издания «Futuribles» — приложения к бюллетеню «SEDEIS».

³⁸ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 26, стр. 75.

³⁹ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 36, стр. 313.

Марксистско-ленинское учение не только трактует проблему научного предвидения как необходимый элемент в процессе познания и изменения окружающей действительности; оно же и обеспечивает идейно-теоретический и методологический фундамент обоснованных прогнозов общественного развития. Марксизм-ленинизм накопил богатый опыт в области научного предвидения, правота которого проверена и подтверждена самим ходом истории.

Попытку империализма взять на вооружение футурологию как науку о будущем следует рассматривать в сущности как стремление дать ответ на вызов марксизма. При этом не следует воспринимать дело упрощенно, сводя функции футурологии лишь к задачам пропаганды и идеологической обработки масс в капиталистическом мире, к стремлению привить массам основанный на «науке» оптимизм в отношении будущего капитализма (хотя такие функции футурология, несомненно, выполняет). Империализм действительно ждет помощи от футурологов в деле приспособления к современным условиям, футурологи призваны облегчить определение целей, базы и средств политической стратегии империализма. Еще в бытность государственным секретарем США Дин Раск, выступая в 1967 г. в одной из комиссий конгресса, предупреждал, что если Америке не удастся объединить усилия науки и внешней политики, если американские политики не будут думать о будущем, а будут жить прошлым, то США столкнутся с большими проблемами. Американские футурологи выполняют вполне определенный «социальный заказ», и потому их научное кредо проникнуто практицизмом и утилитаризмом, и предсказание будущего служит реальным целям сегодняшней политики.

Следовательно, роль социального прогнозирования отнюдь не сводится к выполнению одних лишь идеологических функций, как склонны были на первых порах полагать некоторые его критики. В буржуазном мире прогнозированию отводится значительное место в подготовке и проведении практической политики как в рамках отдельных монополистических объединений, так и в общенациональных и даже международных масштабах. И «Комиссия 2000 года» в США, и аналогичные ей органы в других странах призваны исследовать долговре-

менные тенденции и перспективы общественного развития с целью выяснить реальные, а не мнимые альтернативные варианты для достижения империализмом определенных экономических и социальных целей во внутренней и внешней политике.

В основе буржуазных футурологических концепций, в том числе и в основе известных концепций Кана и Винера, лежит принцип «самооправдывающегося пророчества» т. е. представления, будто бы тот или иной прогноз, убеждая людей в мнимой неизбежности определенного хода событий в будущем, становится уже в силу этого главной причиной своего собственного воплощения в действительность. В самом деле, если прогноз ставит людей перед возможностью осуществления или, наоборот, неосуществления предсказываемых событий при известных условиях, то в действие может вступить обратная связь прогноза с человеческой деятельностью, с исходными и конечными условиями самого прогнозируемого процесса. Это дает основания авторам изданной в ГДР монографии «Философия и прогностика» говорить о том, что «обратное воздействие общественных прогнозов на деятельность людей придает системе социального прогнозирования характер кибернетической системы»⁴⁰.

Однако отношение между поставленным прогнозом и его реализацией вовсе не является механически или хотя бы линейно детерминированным, как можно подумать исходя из термина «самооправдывающийся», ведь речь вообще идет не о самоосуществлении прогноза, а о том, что люди, опираясь на прогноз, своей сознательной практической деятельностью способствуют его осуществлению. В этом механизме нет ничего мистического. Возможность воздействия прогноза на направление человеческой деятельности вовсе не означает, что любой произвольный прогноз может «самоосуществиться» лишь в силу того, что он обнародован. И именно попытка американских футурологов фальсифицировать исторические закономерности в своих прогнозах и «сценариях будущего» для исключения нежелательных для капиталисти-

⁴⁰ «Философия и прогностика. Мировоззренческие и методологические проблемы общественного прогнозирования». Пер. с нем. М., 1971, стр. 109.

ческого класса перспектив общественного развития дает основание говорить о волюнтаристском подходе указанных футурологов к социальному прогнозированию. Они используют принцип «самооправдывающегося пророчества» для своего рода «наркотического» воздействия на движущие силы общественного прогресса. В американской практике социально-политическое прогнозирование нередко оказывается в опасной близости к умно задуманной манипуляции человеческим поведением.

Большинство из конкретных методик, о которых пойдет речь далее, были первоначально созданы для целей анализа, но они широко применяются и для прогнозирования; строгое деление их на аналитические и прогностические было бы искусственным, поэтому мы ограничимся тем, что в каждом отдельном случае будем оговаривать сферу их применения.

4. Метод сценариев.

Разработка

«альтернативных вариантов будущего»

Написание сценариев — аналитический прием, широко применяющийся в корпорации РЭНД, в Гудзоновском институте, а также в Институте будущего. Иногда сценарий называют моделью, но, строго говоря, это неверно, хотя сама работа над сценарием, несомненно, сродни моделированию. Полагают, что сценарий особенно удобен, когда речь идет о широких военно-политических или социально-экономических проблемах, в анализе которых важно взаимодействие социальных, экономических, политических, культурных, военных и психологических факторов⁴¹.

Сценарий призван дать ответ на два вопроса: 1) как именно, шаг за шагом, может возникнуть та или иная гипотетическая ситуация? и 2) какие возможности существуют на каждом этапе для каждого действующего лица для того, чтобы остановить процесс, изменить или ускорить его ход?

Сценарий — это не предсказание того, что должно, по мнению эксперта, обязательно произойти в действи-

⁴¹ Н. Kahn, A. Wiener. The Year 2000: A Framework for Speculation on the Next Thirty Three Years. N. Y., 1967, p. 263.

тельности. Это лишь канва одного из возможных вариантов, гипотеза для объяснения, тогда как в дальнейшем могут быть реализованы наметившиеся тенденции, потенциальные возможности.

Сценарий призван помочь определить те поворотные моменты, когда вовремя принятое решение еще может повлиять на ход событий (и тем самым предупредить политика об опасности упустить такой момент и лишиться возможности воздействовать на события). Иногда сценарий может быть использован для проверки результатов, полученных с помощью каких-то иных методик: если на основе последних прогнозируется некий вариант будущего, к которому не удастся написать достоверный сценарий (т. е. не удастся создать цепочку событий, воспринимающихся как возможные), то появляются основания думать, что прогноз вряд ли осуществится.

Каждый сценарий ведет к тому или иному варианту будущего. Обычно в практике «фабрик мысли» разрабатывается несколько отличных друг от друга альтернативных вариантов будущего (и, соответственно, ведущих к ним цепочек событий), которые, по мнению их авторов, в совокупности составляют широкую амплитуду возможного развития событий, реализации различных возможностей и тенденций, заложенных в настоящем.

По замыслу авторов, метод сценариев, как и разработка альтернативных вариантов будущего, предназначен «для подстегивания воображения» и призван служить источником искусственного опыта действий в новой, незнакомой обстановке. Каждый из альтернативных вариантов будущего может быть использован для разработки дополнительных сценариев, для систематического сопоставления альтернативных политических курсов или анализа отдельной проблемы. По мнению Кана, располагая рядом альтернативных вариантов будущего и соответствующими сценариями — цепочками событий, ведущими к этим вариантам, — яснее видно, чего следует избегать, чему, напротив, содействовать, когда и каких решений может требовать жизнь.

Форма сценария, его внешний вид могут быть самыми разнообразными, начиная с исторического очерка, богатого деталями, не исключаящего определенную

эмоциональность описания, и кончая формализованной разработкой, подготовленной для прогона на электронно-вычислительной машине. Различны и функции сценария — он может применяться, скажем, как вспомогательный элемент в игре и как самостоятельный метод исследования.

Сценарии используют в качестве элемента аналитического цикла (при подготовке к игре или при построении модели) и в качестве автономного метода исследования. В последнем случае подход аналогичен подходу, описанному бывшим сотрудником корпорации РЭНД Сеймом Брауном: автор сценария видит свою цель в том, чтобы «служить своего рода впередсмотрящим, чтобы быть в состоянии привлечь внимание государственного деятеля, специалиста по военному планированию или по системному анализу к изменениям, происходящим в мире, к тем конкретным ситуациям, которые могут потребовать незапланированного применения силы или, наоборот, чреватые непредвиденными последствиями, если сила будет применена, как запланировано»⁴².

В качестве иллюстрации приведем один сценарий, ставший известным благодаря публикации секретных материалов Пентагона летом 1971 г. Этот сценарий, разработанный в мае 1964 г. помощником министра обороны по делам международной безопасности Джоном Макнотом (до 1961 г. профессором Гарвардского университета) и его заместителем Уильямом Банди, интересен тем, что он явно сыграл роль «практического подспорья» при формулировании вьетнамской политики правительства Джонсона.

Итак, в мае 1964 г. в Пентагоне уже вынашивались планы бомбардировок территории Демократической Республики Вьетнам и шла «научная разработка» проблемы подготовки мирового общественного мнения к этой пиратской акции.

Сценарий Макнотона — Банди приводится с сокращениями; день «Д» в американской военной терминологии означает день начала боевых действий; приводимые в скобках цифры показывают, сколько дней остается до дня «Д». Итак, цитируем сценарий.

⁴² «Systems Analysis and Policy Planning», p. 305.

«Оттягивать созыв любой конференции по Вьетнаму до дня «Д».

/«Д» — 30/ Президент произносит речь, подготавливающую почву для принятия конгрессом необходимой резолюции.

/«Д» — 20/ На объединенном заседании обеих палат конгресса принимается резолюция, одобряющая все уже предпринятые действия и дающая президенту полномочия осуществить любые необходимые меры в отношении Вьетнама.

/«Д» — 16/ Отдать распоряжение главнокомандующему вооруженными силами США в районе Тихого океана принять все меры, которые могут быть приняты «замаскированно», в отношении дислокации сил, необходимых для дня «Д».

/«Д» — 15/ Получить согласие Кханя (тогдашнего главы сайгонского правительства.— *И. Ш.*) на использование южновьетнамских ВВС для бомбардировки Севера; сообщить Кханю, что США гарантируют защиту Южного Вьетнама от ответных действий Северного Вьетнама или Китая.

/«Д» — 14/ Провести консультации с Таиландом и Филиппинами, чтобы заручиться их согласием на развертывание вооруженных сил США на их территории; обратиться к ним плюс к Великобритании, Австралии, Новой Зеландии и Пакистану с просьбой об открытой политической поддержке и об участии в поддерживающих действиях на случай ответных мер Северного Вьетнама или Китая.

/«Д» — 12/ Отдать приказ командующему вооруженными силами США в районе Тихого океана начать передвижение сил и подготовить конкретные планы действий исходя из того, что операция начнется в день «Д».

/«Д» — 10/ Кхань произносит речь, требуя от Северного Вьетнама прекратить «агрессию», угрожая неограниченными военными действиями в противном случае.

/«Д» — 3/ Президент США, ссылаясь на речь Кханя, сообщает американской общественности о возможности начала боевых действий и объявляет о намерении поддержать Южный Вьетнам.

/«Д» — 1/ Кхань заявляет, что начало боевых действий неизбежно.

/день «Д»/ Вывести членов семей американских граждан.

/день «Д»/ Начать бомбардировки. Нанести первые удары по портам и транспортной сети Северного Вьетнама...»⁴³

Как известно, в конце концов США развернули действия не совсем по этому сценарию, были введены кое-какие «усовершенствования» вроде провокации в Тонкинском заливе, но этот сценарий дает достаточное представление об «аналитическом обслуживании» вьетнамской политики, а также и о том, что методики, родившиеся в «фабриках мысли», находят себе применение непосредственно в процессе выработки решений в США на высшем, государственном уровне.

Если сценарии Гудзоновского института носят, как правило, описательный характер, далекий от понятия «модели», то, например, в корпорации РЭНД начиная с 1967 г. разрабатывается новая разновидность сценария, приближенная к имитации, — так называемый «многомерный сценарий», цель которого в какой-то степени смоделировать принятие решений на «национальном», т. е. правительственном, уровне. Этот тип сценария представляет процессы принятия решений на таком уровне по аналогии с процессами принятия решений в группе, комитете. Среди участников процесса принятия решений на государственном уровне выделяют ведомства, которые в случае столкновения с серьезной внутренней или внешнеполитической проблемой по самой своей природе или по роду деятельности склонны будут группироваться в какие-то временные объединения, рекомендуемые тот или иной курс действий. Речь идет, в частности, о внешнеполитическом руководстве, обычно склонном занимать консервативную позицию в международных вопросах, «внутренней бюрократии», которой свойственно менять свое отношение к международным проблемам в зависимости от возможных внутривнутриполитических последствий; о военных ведомствах, стремящихся избавиться от политического контроля; о группе крупнейших промышленных менеджеров, заинтересованных в максимальном экономическом эффекте того или иного курса для соответствующих отраслей про-

⁴³ «The Pentagon Papers». N. Y., 1971, p. 248—249.

мышленности; и, наконец, о верховной политической власти, рассматривающей, по мнению «сценаристов» из РЭНД, все прочие национальные институты как вспомогательные службы, рекомендации которых вполне могут оказаться недостаточно квалифицированными в силу неверного представления о высших внешнеполитических и идеологических задачах и о внутривластной обстановке.

Манипулируя этими институтами во времени, пытаюсь приложить такую технику к каждой интересующей его стране, исследователь получает некий общий сценарий, где все принимаемые руководством той или иной страны решения изображаются как результаты компромиссов между упомянутыми важнейшими институтами, вступающими во временные альянсы ради достижения своих целей.

Среди американских специалистов существуют большие разногласия по вопросу о политической достоверности сценария. Как уже отмечалось, сценарий не считают прогнозом, однако в рамках системного анализа от сценария требуют, чтобы он был «реалистичным», чтобы постулируемая в сценарии картина мира не казалась невероятной, чтобы автор был строго последователен в описании как самой цепочки гипотетических событий, так и того варианта будущего, к которому она ведет. Если необходимость последовательности, внутренней логики при построении сценария очевидна, то необходимость «реалистичности» вызывает среди американских авторов споры. Некоторые специалисты считают, что, напротив, чем более невероятным кажется сценарий, тем он полезнее, поскольку готовит к возможным неожиданностям, трудно предвидимым именно в силу ограниченности предшествующего опыта. Представим себе, говорят сторонники последней точки зрения, что на неблагоприятный вариант событий падает один шанс из десяти, но этот неблагоприятный вариант может материализоваться в тысяче ситуаций. Тогда вероятность того, что может произойти любое конкретное «плохое» событие, равна всего лишь одной десятитысячной. Казалось бы, кого может интересовать событие, вероятность которого столь ничтожно мала? И все же, по мнению некоторых теоретиков, чтобы застраховать себя от неожиданностей, необходимо рассматривать именно эти,

пусть почти невероятные, варианты, а гораздо более вероятные, но «благополучные» исходы не нуждаются в таком тщательном анализе. К тому же крайности, невероятные случаи как бы ограничивают диапазон возможностей и вынуждают рассматривать его весь. Серьезный (хотя бы и краткий) анализ крайностей призван вырвать исследователя из его спокойного окружения и стимулировать его воображение. В силу всех этих и ряда других причин «стратегии» считают полезным и нужным рассмотрение крайних и гипотетических случаев как в образовательных целях, так и для большей убедительности.

Вернемся к методу построения «альтернативных вариантов будущего». Большинство буржуазных футурологов, включая таких несхожих между собой, как Осип Флехтхайм, Дэниел Белл, Роберт Юнгк, Герман Кан и многие другие, считают, что социально-политические прогнозы неизменно должны носить лишь вероятностный характер, представлять собой нечто аналогичное «вееру вариантов» или «вееру возможностей». Более того, они изображают саму идею разработки альтернативных вариантов развития крупным теоретическим достижением современной футурологии и на этом основании нередко пытаются противопоставить свои концепции «устаревшему линейному представлению» об историческом процессе, марксистскому понятию об исторической необходимости.

Отождествление закономерности с предопределением, с фаталистическим представлением об историческом процессе — это один из излюбленных приемов критиков марксизма. В действительности марксистско-ленинское учение не говорит об однозначной детерминированности исторических событий. Признание исторической необходимости и, следовательно, возможности предвидеть общее направление общественного развития в данную эпоху вовсе не означает отрицания многообразия возможностей. В каких формах осуществится переход к более высокой ступени общественного развития, победит ли данная конкретная революция или нет — ответы на вопросы подобного рода не определены однозначно, как и во всех других случаях, где сталкиваются силы, борющиеся за реализацию противоположных возможностей.

В таких случаях прогноз развития событий приобретает альтернативный характер. Претензии современных буржуазных футурологов на то, что они будто бы первыми увидели необходимость анализа альтернатив социально-политического развития, может вызвать лишь удивление у исследователя, вооруженного знанием марксистско-ленинской теории. Классические образцы анализа ситуации, характеризующейся крайне неустойчивым соотношением противодействующих сил, мы находим в работах В. И. Ленина. В качестве примера приведем данный им анализ периода назревания первой русской революции.

«Преобразование экономического и политического строя России в буржуазно-демократическом направлении неизбежно и неустранимо,— писал Ленин.— Нет такой силы на земле, которая могла бы помешать такому преобразованию. Но из сочетания действия наличных сил, творящих это преобразование, может получиться двоякий результат или двоякая форма этого преобразования. Одно из двух: 1) или дело кончится «решительной победой революции над царизмом» или 2) для решительной победы сил не хватит, и дело кончится сделкой царизма с наиболее «непоследовательными» и наиболее «свокорыстными» элементами буржуазии. Все бесконечное разнообразие деталей и комбинаций, предвидеть которые никто не в состоянии, сводится, в общем и целом, именно к тому или другому из этих двух исходов»⁴⁴.

Призывая в таких случаях видеть конечный исход и сделать все для того, чтобы была реализована возможность, открывающая путь к прогрессу, Ленин одновременно предупреждал о необходимости иметь в виду возможность нежелательного развития событий, чтобы не быть застигнутым врасплох.

В условиях, когда открываются разнообразные, несводимые к двум, возможности и встает проблема выбора и принятия решений, а также при необходимости предусмотреть последствия вмешательства неподвластных контролю факторов в ход того или иного процесса, предвидение может принять и многовариантный вид. В жизненно важных вопросах Ленин советует при ана-

⁴⁴ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 11, стр. 43.

лизе считаться «со всеми возможными, даже со всеми вообще мыслимыми комбинациями...»⁴⁵

Одновременно, предостерегая против превращения научного предвидения в пустые догадки о будущем, против недооценки роли неопределенности («... попытка учесть наперед шансы с полной точностью была бы шарлатанством или безнадежным педантством»⁴⁶, — писал Ленин), он подчеркивал, что только практика, дальнейшее развитие самой действительности может конкретизировать и уточнить научное предвидение, призванное охватить лишь самые основные черты будущего.

Но охватить самые основные черты будущего — это значит увидеть намечающиеся в сегодняшней жизни тенденции и выделить среди них *доминирующие*. Это возможно лишь в том случае, если исследователь знает, каково общее направление развития социального процесса, его объективные закономерности. Именно тут и находится самое уязвимое место в концепциях современной буржуазной футурологии, ее адепты не замечают или не хотят замечать, что социальные процессы характеризуются отнюдь не только случайностями, что случайное есть лишь проявление и дополнение исторической необходимости. В ряду возможных альтернативных вариантов будущего, в том виде, в каком их разрабатывают в США, нередко уживаются рядом, так сказать «через запятую», прямо противоположные предсказания, причем они представляются *равновероятными*, поскольку основная тенденция развития событий не выявлена.

Подобная равновероятность в сущности лишает ценности эти построения, превращает их в чистейшие фикции, и число таких «вариантов будущего» теоретически может быть как угодно велико, пределом становится лишь ограниченность фантазии автора. Кстати, Д. Белл прямо называет такие альтернативные варианты будущего «fictions» — вымысел, беллетристика, но при этом утверждает, что «в той мере, в какой эти альтернативные варианты будущего являются реалисти-

⁴⁵ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 7, стр. 239.

⁴⁶ В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 14, стр. 378—379.

ческими возможностями, они дают более прочное обоснование для формулирования политики»⁴⁷.

Но в том-то и дело, что если критерий достоверности или реалистичности находится целиком на уровне субъективных ощущений, то вся деятельность грозит превратиться в интеллектуальную гимнастику, возможно и способствующую развитию гибкости ума исследователя, но мало чем связанную с реальной действительностью и потому вряд ли могущую служить каким бы то ни было «подспорьем для здравого смысла» при принятии решений. В этом свете представляется вполне обоснованным тот протест против чрезмерного увлечения сценариями, с которым выступил либеральный журнал «Нейшн» в июне 1969 г.: «Сценарии часто превращаются в карикатуры на действительность. К тому же их широкое использование приводит к умственному разладу с действительностью, и в результате желаемое то и дело принимается за действительное»⁴⁸.

5. Игры (имитационный анализ)

Военные игры издавна считались в военном деле важным средством воспитания и обучения; утверждают, что их история восходит к временам китайского полководца Сунь Цзы (примерно 500 лет до нашей эры). Он первым стал размечать на карте или на песке расположение собственных сил и сил противника и анализировать заранее различные ходы и действия, которые могут быть предприняты каждой стороной.

Подобная методика, естественно, претерпела к настоящему времени много изменений и развилась. Возникли различные типы игр — с применением электронной техники и без нее, с разными правилами, разной продолжительностью. Изменилась и тематика игр: они стали посвящаться не только военной, но и «мирной» проблематике. С 50-х годов в Америке начали практиковаться так называемые «деловые игры», посвященные проблемам управления производством.

⁴⁷ «Penguin Survey of the Social Sciences». Hammondsorth, 1965, p. 117.

⁴⁸ «Nation», June 23, 1969, p. 790.

Однако все эти сильно отличающиеся друг от друга типы игр связаны с созданием гипотетической ситуации, где интересы сторон приходят в столкновение и разрешение конфликтной ситуации производится игроками в соответствии с системой более или менее определенных правил. Следует отличать игры, имитирующие действительность, «разыгрывание ролей», от рассматривавшейся выше теории игр.

Наиболее типичная процедура игры выглядит следующим образом.

Соперники представлены двумя командами, «красными» и «синими». Помимо них имеется еще и третья группа участников — так называемая группа контроля. Она выполняет ряд чрезвычайно важных функций, это по сути штаб игры. Именно здесь происходит разработка всех подготовительных материалов, выбор времени и места имитируемых действий, составление сценария, описывающего события вплоть до момента, с которого должна начаться игра. Группа контроля является источником всей информации, поступающей в команды, и проводит инструктажи перед началом и в ходе игры. Кроме того, группе контроля обычно приходится еще играть роль среды обитания, т. е. имитировать поведение третьих стран, лишь косвенно причастных к конфликту.

Получив от группы контроля всю положенную им информацию, команды делают свои «ходы», — проанализировав обстановку, принимают те или иные решения, о которых в свою очередь информируют группу контроля.

Изучив и оценив сделанные командами шаги, группа контроля соответственным образом продлевает сценарий и дает командам новую информацию, которая станет базой для последующего хода, и т. д.

Это, так сказать, классический вариант игры — имитация отношений между двумя сторонами, обладающими различными ресурсами. Действия «красных» и «синих» анализируются либо с точки зрения выявления факторов, могущих повлиять на исход конфронтации, либо с точки зрения сбора информации для какого-то иного исследования. Можно, естественно, усложнить игру, увеличив число участников.

Описанная процедура имитирует неопределенности и нехватку информации, характерные для принятия решения в реальной жизни, это своего рода игра «всле-

пую» — всей информацией располагает лишь группа контроля, и она сообщает каждой команде данные о противнике по собственному усмотрению.

В целях обучения или самообразования можно модифицировать эту процедуру, превратив ее в игру-семинар, где опытные специалисты проиграют игру «в открытую», предоставляя всем присутствующим имеющуюся информацию во всей ее полноте.

Существуют еще две более изощренные игровые методики. Одна из них — составление «дерева игр». Игра в этом случае ведется обычным способом до определенного момента, после которого ход событий может пойти разными, принципиально отличными путями, с этого момента игра делится на две ветви, проигрывающиеся по отдельности. Часто бывает возможно таким образом составить целое дерево игр, не меняя исходных условий и предпосылок, но варьируя решения, принимаемые в ходе игры.

Вторая усложненная методика — варьирование игр или серия игр — отличается от предыдущего случая тем, что варьируются как раз исходные условия (разумеется, не такие, как географический район, время, действующие лица) и проигрываются подряд несколько игр.

Однако, как бы ни была важна техника ведения игры сама по себе, важнейший элемент любой игры — анализ (по словам известного американского специалиста Г. Шпейера, игра вообще более всего хороша тем, что она обеспечивает канву для последующего методичного обсуждения). Анализ также можно вести по-разному: просто дать описание «происшедшего»; сравнить альтернативы в области выбора политического курса, применения силы и т. п., обнаружившиеся в ходе игры, сопоставить их влияние на исход имитируемых событий; произвести отбор всех важных пунктов принятия решений, выделить из них те, которые можно назвать критическими с точки зрения конкретного результата игры, после этого какая-то часть игры может быть переиграна, чтобы проверить, что произошло бы, если бы в данном пункте было принято иное решение (анализ чувствительности).

В качестве примера приведем одну из игровых методик, разработанную первоначально в корпорации РЭНД — это игра SAFE («Strategy and Force Evalua-

tion» — оценка стратегии и сил). Эта игра моделирует временной отрезок продолжительностью в 10 лет, она разделена на пять периодов по два года каждый. Объектом анализа является зависимость между принятой стратегией, продиктованным ею соотношением мощи отдельных видов вооруженных сил и систем вооружений и соответствующими расходами на научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы, причем проигрываются как мирные периоды, так и периоды ведения военных действий. Игра двусторонняя, в ней принимают участие команды, представляющие СССР и США, и группа контроля, представляющая среду обитания в широком смысле (т. е. все другие страны, достигнутый человечеством уровень научно-технического прогресса и т. д.). В задачу команд входит не только развертывание и использование уже существующих систем вооружений, но и создание производственных мощностей для изготовления этих систем, а также организация НИОКР, требующихся для разработки новых систем вооружений. Авторы методики постарались «встроить» в нее максимум неопределенностей, характерных для реальной действительности; так, выбирая ту или иную программу НИОКР, команда не может быть уверена в окончательном успехе, не располагает она заранее и точными данными относительно эффективности той или иной системы и т. п. Как явствует из этого описания, игроки нуждаются во вспомогательных средствах для ведения этой игры, каковыми и являются счетные устройства, справочники и т. д.

Примером другого типа игры с использованием электронно-вычислительной техники может служить игра под кодовым названием «Эксрейн-2», проведенная министерством обороны США в 1970 г. В игре приняли участие Агентство по контролю над вооружениями и разоружению, Стэнфордский исследовательский институт, Корпорация исследовательских анализов, корпорация «Аэроспейс», Центр военно-морских исследований и корпорация РЭНД. Эта корпорация играла роль штаба, каждая из остальных команд не знала других участников игры, ибо команды были связаны друг с другом только через РЭНД при помощи телетайпов и проводной связи между их вычислительными центрами. Игра состояла из нескольких раундов, имитировавших кризи-

сы и войны, могущие иметь место к концу 1970-х годов; задача была поставлена следующим образом — определить, насколько такие переменные, как уровень научно-технического прогресса, размер и состав вооруженных сил великих держав, могут повлиять на исход кризисов и вооруженных столкновений различного масштаба.

В американской научной печати встречаются утверждения относительно того, что проведенные в корпорации РЭНД в 50-х годах серии игр под кодовыми названиями «Редвуд» и «Сьерра», посвященные проблемам локальных конфликтов, сыграли определенную роль в эволюции американской военно-политической стратегии, поскольку они подвергли сомнению принятую тогда стратегию «массированного возмездия», наглядно продемонстрировав ее слабые места.

Впрочем, наряду с такими играми используются и «военно-политические упражнения», основанные на «чистом» использовании суждений экспертов, без применения практически каких бы то ни было вспомогательных средств, игры, которые в сущности просто основаны на принципе — «что сделает мой противник, если я сделаю то-то?»

Оценивая метод игр, или имитаций, американские специалисты находят его квазиэкспериментальный характер особенно полезным в наше время, в условиях относительного снижения ценности реально накопленного опыта, в рамках которого такие проблемы, как, например, ядерная война, радикально изменившееся соотношение сил в мире, небывалые темпы научно-технического прогресса и т. п., не имеют аналогий. Но и помимо этого за играми признается ряд достоинств, которых лишены другие методы.

Главное достоинство игр Кан, например, видит в том, что они «делят проблему на мелкие части, каждая из них передается на решение специалисту, причем одновременно между игроками существует взаимозависимость, предотвращающая дробление проблемы»⁴⁹. Таким образом, игры позволяют объединить усилия специалистов из разных областей науки, способствуя формированию междисциплинарного подхода.

⁴⁹ Н. Кан. Thinking About the Unthinkable, p. 156.

К достоинствам игровых методик относится и их конкретный характер, вынуждающий игроков все время занимать активную недвусмысленную позицию. Как полагают американские специалисты, игры уместны в таких областях, где проблемы слабо структурированы и нельзя упускать из виду не поддающиеся количественному выражению политические, социальные и психологические факторы, которые при применении иных, более «строгих» методов могут оказаться попросту сброшенными со счетов.

С другой стороны, за играми пока трудно признать прогностическую ценность и счесть оправданными заключения вроде «игра доказала...» или «игра продемонстрировала...».

Признавая правомерность использования игр для анализа военных тактических проблем, большинство серьезных специалистов сходятся в том, что область оптимального применения игр ограничена пока сферой обучения или самообразования в широком смысле этих слов. Тем не менее все же есть случаи злоупотребления играми в качестве «сырья» для получения далеко идущих политических выводов.

Та самая наглядность, иллюстративность, делающая игру подходящим средством обучения, легко превращается из достоинства в недостаток: порой может быть опасна та иллюзия достоверности, которую создают все имитации, в том числе и игры; невольно результаты, полученные с помощью игр, начинают восприниматься как непререкаемые, из памяти ускользает тот факт, что окончательные выводы получены на основе приблизительных данных и интуитивных догадок.

Попытки усовершенствовать игры, чтобы использовать их как инструмент научного анализа и предвидения, начали предприниматься в Америке в последнее время, однако они имеют еще слишком недавнюю историю, чтобы попытаться оценить вклад, который могут внести игры в таком качестве.

6. «Дельфи»

Игры, описанные выше, считаются особенно полезными в тех случаях, когда в группе экспертов представлены различные специальности. Когда же группа

экспертов по своему профессиональному составу однородна, может быть применена новая методика — «Дельфи», разработанная в корпорации РЭНД и получившая широкую известность со времени опубликования в 1964 г. «Доклада об изучении долгосрочного прогнозирования». Методика была разработана группой сотрудников РЭНД во главе с Олафом Хелмером. В 1968 г. Хелмер покинул РЭНД и стал одним из основателей новой научно-исследовательской организации — Института будущего, имеющего целью дальнейшее совершенствование методов научно-технического прогнозирования, в том числе и методики «Дельфи».

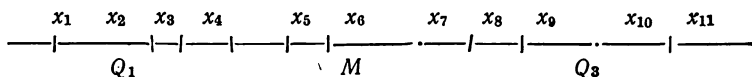
Э. Квейд называет «Дельфи» методикой «кибернетического арбитража», поскольку контрольная группа обрабатывает суждения экспертов с помощью ЭВМ и направляет общий ход исследования посредством обратной связи с экспертами.

Цель методики «Дельфи» — усовершенствовать процесс выработки суждения группой экспертов, попытавшись подвергнуть мнение каждого специалиста критике со стороны других, но таким образом, чтобы, во-первых, избежать столкновения экспертов лицом к лицу («столкновения воль») и, во-вторых, сохранить анонимность мнений и аргументов за и против них. Цель состоит в том, чтобы избежать интерференции ряда психологических факторов — внушения или приспособления к мнению большинства.

Непосредственное обсуждение заменяется обменом информацией и мнениями с помощью тщательно разработанных вопросников. Экспертов просят не только высказать суждение по тому или иному вопросу, но и обосновать свою точку зрения, затем ответы экспертов подвергаются обработке на ЭВМ с целью статистического анализа полученных данных и выявления «средней оценки» — медианы (в терминологии математической статистики). Следующий этап — осуществление обратной связи: участникам опроса сообщают медиану и просят повторно рассмотреть те пункты, где имеется большое расхождение в мнениях, снова с обоснованием своей точки зрения. Процедура повторяется несколько раз — теоретически до тех пор, пока очередной раунд не покажет, что процесс сближения мнений остановился, а практически — до 4—5 раз.

Для иллюстрации приведем самый упрощенный пример для выявления техники применения методики «Дельфи». Предположим, что группе экспертов предстоит решить вопрос об оптимальной величине числа X . Вначале каждого эксперта просят назвать величину, оптимальную с его точки зрения. Затем все полученные ответы располагают в порядке возрастания величин и определяют Q_1 , M , Q_3 (квартили и медиана) таким образом, чтобы они образовали на линии X четыре отрезка, содержащих в себе равное количество оценок (в данном случае экспертов 11, т. е. в каждом отрезке оказывается по 3 оценки).

Линия X , на которой нанесены оценки в виде x_1, x_2, x_3 и т. д., будет выглядеть так:

Следующий этап: величины Q_1, M, Q_3 сообщаются всем участникам опроса, их просят повторно рассмотреть свою оценку, и если эта оценка (старая или новая) оказывается вне отрезка Q_1, Q_3 , то вкратце аргументировать, почему ответ должен быть величиной большей (или меньшей), чем полагают $3/4$ опрошенных в первом раунде. Обработав результаты ответов на вторичный вопрос, опрашиваемым экспертам вновь сообщают новые квартили и медиану, причем во втором раунде обычно разброс сокращается. В дополнение сообщаются доводы, приведенные во втором раунде в пользу выбора большей или меньшей величины. Разумеется, доводы также приводятся в обобщенном отредактированном виде и инкогнито опрашиваемых сохраняется. Экспертов просят еще раз обдумать свой ответ в свете предлагаемой новой информации и опять-таки пояснить, почему аргументация в пользу ответа, близкого к медиане, показалась им неубедительной, если их оценка и вновь оказывается за пределами межквартильного диапазона. В третьем раунде процедура та же, а в четвертом опрашиваемые получают задание в последний раз пересмотреть свою позицию и скорректировать ее, если они найдут это нужным. Медиана ответов, представленных во время четвертого раунда, в целом отражает,

по мнению авторов методики, мнение данной группы экспертов относительно величины X .

Естественно, форма вопросников значительно усложнится, когда речь пойдет о проблеме политического характера, серьезно затруднится и процесс обработки данных, их систематизации, однако подход останется тем же.

Методика «Дельфи» в отличие от сценариев и имитационных игр была разработана именно как методика прогнозирования (потому она и получила такое название — по имени Дельфийского оракула), впрочем, она применяется и для анализа.

Пока «Дельфи» еще находится в экспериментальной стадии, но эта методика уже использовалась в корпорации РЭНД для анализа приоритетов целей, для прогнозирования появлений нововведений в таких областях, как автоматизация, исследование космоса, новые системы оружия.

Одно из самых крупных исследований с использованием техники «Дельфи» было проведено несколько лет назад в РЭНД с привлечением большой группы экспертов (82 человека), включавших не только сотрудников корпорации, но и привлеченных со стороны специалистов (в числе последних были Артур Кларк, Айзек Азимов, Бертран де Жувенель). Было проведено четыре тура опросов с двухмесячными перерывами между турами. Диапазон вопросов был необычайно широк — от научно-технических «прорывов» до и после 2000 г. до демографических прогнозов, от темпов исследования космического пространства до будущих систем оружия, вероятности войн и т. п.

Немалое число исследований было выполнено по заказам правительственных ведомств США, прежде всего военных. Как обычно, исследования в основном засекречены, но кое-какая информация в печать попадает. Например, П. Диксон описывает в книге «Фабрики мысли» исследование, выполненное по заданию ВВС США с использованием техники «Дельфи», для определения того, какова должна быть сила ядерного удара, чтобы парализовать всю американскую оборонную промышленность.

Норман Долки, ведущий специалист по методике «Дельфи» в корпорации РЭНД, утверждает, что около

100 американских промышленных корпораций проявили интерес к прогнозированию с помощью «Дельфи» за последние 6 лет. Например, авиационная корпорация «Макдоннел — Дуглас» применила эту методику для прогнозирования будущего гражданского воздушного транспорта, фармацевтическая фирма «Смит, Клайн энд Френч» — для долгосрочных перспектив развития медицины, Совет национальной промышленной конференции — для наиболее острых проблем, с которыми США встретятся в ближайшие 20 лет.

Методика «Дельфи» начала применяться и в других странах, наибольший интерес к ней проявила Япония. Японское федеральное агентство по науке и технике работает над прогнозом развития японской науки и техники в 1970—2000 гг. с применением методики «Дельфи». В качестве опрашиваемых намечено использовать 4000 человек — представителей делового мира и ученых, планируется провести четыре цикла обработки информации.

По мнению Эриха Янча, консультанта Организации экономического сотрудничества и развития, специалиста по научно-техническому прогнозированию, основные успехи методики «Дельфи» еще впереди, они будут лежать в сфере «определения целей на высоких уровнях: социальных и национальных приоритетов, планов корпораций, основных военных задач»⁵⁰.

Серьезный недостаток методики — и это видно даже из приблизительного описания ее — это громоздкость. Слишком много времени уходит на каждый цикл получения ответов экспертов. Каждому из опрашиваемых приходится периодически «переваривать» довольно большую информацию, причем также с большим разрывом во времени, а это влечет «отключение» от темы. Эти проблемы представляются американским ученым преодолимыми. Например, в корпорации РЭНД экспериментируют с индивидуальными консолями в виде обычных электрических пишущих машинок, соединенных проводами непосредственно с ЭВМ, работающей в режиме разделения времени; информация на вводе и выводе не требует кодирования и дешифровки; таким

⁵⁰ E. Jantsch. *Technological Forecasting in Perspective*. Paris, 1967, p. 146.

образом эксперты могут каждый одновременно — независимо друг от друга — работать за своей машинкой, сразу отвечать на вопрос и тут же получать следующее задание.

С другой стороны, хотя «Дельфи» и представляет собой шаг вперед в разработке методов экспертной оценки, поскольку дает возможность получать взвешенные суждения, все же общее качество результатов находится в прямо пропорциональной зависимости от квалификации экспертов.

Трудно также определить, насколько процесс сближения мнений диктуется действительно логикой проникновения в предмет, приближением к истине, а насколько все-таки тем самым приспособлением к мнению большинства, интерференции которого стремились избежать создатели методики. Вполне возможно, что те, кто вначале по той или иной причине видел серьезные основания для высказывания «еретического» мнения, могут слишком легко отказаться от него под давлением статистически усредненных результатов.

* * *

Математическое моделирование, имитация, «Дельфи», сценарии — таков диапазон приемов специалиста по системному анализу. На одном конце этой оси — приемы, требующие сложных и точных вычислений, ставящие суждение, интуицию на второй план; на противоположном конце — наоборот, на втором плане математические выкладки, а на первом — экспертная оценка, интуиция. Где-то ближе к середине находятся приемы, нацеленные на непосредственное использование экспертной оценки в рамках формализованной процедуры анализа — таковы игры и «Дельфи». В зависимости от сложности проблемы, от наличия неопределенностей, от динамизма ситуации, от присутствия в ней отношений соперничества исследователь может выбрать тот или иной прием или сочетание приемов.

Чем шире исследуемая проблема, тем меньшее место в анализе занимают математические методы и тем большее — интуитивно-логические и эвристические, тем большую роль играет суждение эксперта. Как писал в 1964 г. в бытность помощником министра обороны Алэн Энт-

ховен, «в конечном итоге вся политика делается и все системы оружия выбираются на основе суждений. Другого пути нет и никогда не будет. Все дело в том, как выносить это суждение — в тумане недостаточных и неточных данных, нечетко сформулированных проблем, в неразберихе противоречивых личных мнений или на основе полной достоверной информации, надежного опыта и ясно сформулированных задач»⁵¹.

По всей вероятности, в рамках системного анализа, наряду с дальнейшим развитием методик количественного анализа, всего математического аппарата, будет вестись серьезная работа по совершенствованию техники получения экспертных оценок, повышению их объективности и надежности. Если судить по тенденциям развития аналитических методов за последнее десятилетие, усилия идут в основном в общем русле развития «сотрудничества» между человеком и электронно-вычислительной машиной. По мнению американских специалистов, наиболее многообещающими выглядят методики типа «Дельфи», где традиционная экспертная оценка сочетается с новейшими формализованными способами ее получения и обработки.

Среди новых перспективных методик называют составление «матрицы перекрестных влияний» — методику, которая пока находится в стадии экспериментальной разработки в Институте будущего. Ее пытаются использовать для продолжения обработки результатов, полученных с помощью «Дельфи». Предположим, эксперты пришли к соглашению относительно вероятности некоего ряда событий, на этом заканчиваются функции «Дельфи». Авторы новой методики задались целью последовательно выявить взаимозависимость между всеми этими событиями. Пусть события D_1 , D_2 , D_3 и т. д. расположены как в горизонтальном, так и в вертикальном ряду составленной исследователем матрицы, тогда в клетке на пересечении, скажем, колонок D_2 и D_3 может быть записана информация, касающаяся влияния события D_2 на вероятность осуществления события D_3 , и наоборот. Все клетки таблицы заполняются на основе экспертных оценок, но когда оказывается заполненной вся таблица, она начинает функционировать как

⁵¹ «U. S. Naval Institute Proceedings», January 1964, p. 151.

модель, позволяющая проследить возможные «цепные реакции» между различными событиями или произвести на систематической основе сопоставление последствий выбора того или иного политического курса, выявить чувствительность ситуации к тому или иному решению.

Говорят даже о рождении новой области в системном анализе — «ощепочной технологии» — гибрида между традиционными интуитивно-логическими методами и современными техническими средствами. Однако можно с большой долей уверенности предсказать, что и дальнейшая эволюция методов анализа и принятия решений никоим образом не сможет свести на нет роль человеческого суждения; скорее напротив — его значение и качество повысятся, создадутся условия для гораздо более систематической всесторонней оценки, суждение станет еще более «просвещенным».

Методы, призванные совершенствовать процесс анализа и принятия решений, активно внедряются в американскую практику, но эффективность их применения в американских условиях представляется на сегодняшний день не очень высокой в силу ряда причин.

Среди этих причин — просто еще недостаточная разработанность соответствующего научного инструментария, связанная как с возрастом новых методов (скажем, «Дельфи» нет еще и 10 лет), так и исключительной сложностью объекта исследования сегодняшних социально-экономических и военно-политических проблем. Серьезной помехой на пути дальнейшего развития было — и до некоторой степени все еще остается — чрезмерное увлечение квантификацией в ущерб логическому и историческому анализам, в то время как оптимальное решение требует, по-видимому, их сочетания.

Есть, однако, и причины иного плана, обусловленные самой американской действительностью. При всем стремлении американского руководства использовать науку как дополнительный источник силы, коренные решения в США принимаются все же не «по науке», а в соответствии с корыстными интересами правящих классов (к тому же не всегда проявляющих дальновидность), как равнодействующая многих сил, выявившихся в результате бюрократического процесса, — это ясно даже специалистам из РЭНД, иначе у них не возникло бы нужды разрабатывать свои «многомерные» сценарии.

Другая причина носит общеметодологический характер. Результаты применения того или иного конкретного метода (особенно в области социально-политических исследований) зависят не только от качества этого метода самого по себе, но прежде всего от уровня понимания сущности общественных процессов и определения направления их исторического развития. Анализ и прогнозирование сложнейших общественно-политических и социально-экономических процессов невозможен без опоры на подлинно научную социальную теорию, вооружающую пониманием истинных закономерностей развития, иначе при всех самых совершенных методиках количественного и качественного анализа авторы этих методик останутся пленниками собственных заблуждений и не приблизятся к пониманию действительности.

Подобно тому, как империализм сплошь и рядом пытается использовать достижения технического прогресса против прогресса социального, обращение к новым научным методам в рамках буржуазной идеологии выливается в более утонченное обоснование реакционной политики империализма. Но хотя применение этих новых научных методов и может уберечь от каких-то частных ошибок, подсказать те или иные удачные политические ходы, оно не в силах разрешить коренные вопросы сегодняшнего дня, вставшие перед американским капиталистическим обществом, «исправить беды», порожденные самой сущностью империалистической политики.

III

ПОРТРЕТ «ГРАЖДАНСКОГО МИЛИТАРИСТА»: КРИТИКА НЕКОТОРЫХ ВОЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИХ КОНЦЕПЦИЙ ГЕРМАНА КАНА

«Империализм не может рассчитывать на успех, открыто провозглашая свои действительные цели,— говорил Генеральный секретарь ЦК КПСС Л. И. Брежнев в своем выступлении на международном Совещании коммунистических и рабочих партий в Москве в 1969 г.— Он вынужден создавать целую систему идеологических мифов, затуманивающих подлинный смысл его намерений, усыпляющих бдительность народов. Наемные идеологи империалистов создали специальную псевдокультуру, рассчитанную на оглушение масс, на притупление их общественного сознания»¹.

Видное место среди различных теорий, пускаемых с этой целью в оборот, занимают новейшие концепции так называемых «профессиональных стратегов» — сотрудников «фабрик» военно-политической мысли. Утонченная наукообразность, внешняя трезвость, отсутствие явной брани по адресу идейных противников, отказ от эмоциональной аффектации — все эти черты создают концепциям такого рода иллюзию объективности и облекают их реакционное содержание в форму, особенно удобную для распространения империалистической идеологии под маской «научного беспристрастия».

Представляется, что это делает особенно важным разоблачение истинной буржуазной сущности подобных

¹ «Международное Совещание коммунистических и рабочих партий. Документы и материалы». М., 1969, стр. 78.

концепций. С этой целью в качестве объекта конкретного анализа выбрано творчество директора Гудзоновского института Германа Кана. Этот выбор обусловлен несколькими соображениями, но прежде всего — типичностью общего направления работ Кана для всей группы «новых гражданских милитаристов» США (в методологическом плане творчество Кана также достаточно представительно).

Актуальность задачи подчеркивается и тем, что на протяжении всего своего существования Гудзоновский институт работал в основном по заказам федеральных ведомств США. По утверждениям ряда органов американской печати, институт пользуется определенным влиянием в высших правительственных сферах². Об этом говорят как сами размеры контрактов Гудзоновского института с правительственными ведомствами, так и свидетельства другого рода: не кто иной, как Герман Кан, был автором исследований о гражданской обороне, которые подстегнули эпидемию строительства противоатомных убежищ в начале 60-х годов; теориями Кана навеяна концепция «эскалации» войны во Вьетнаме; еще с 1962 г. Кан и его коллеги ратуют за создание «разреженной» системы противоракетной обороны, аналогичной ныне принятой системе «Сейфгард».

Концепции Кана были разработаны им главным образом в 60-х годах, когда основой американского внешнеполитического курса была ставка на военную силу. С тех пор мир стал иным, соотношение сил изменилось в пользу социализма и в 70-х годах кановские стратегические концепции 60-х годов стали уже неадекватны. Реальности сегодняшнего дня вынудили американское руководство прийти к выводу о необходимости предотвращения войны, и потому, естественно, те концепции, которые были нацелены на разработку правил «оптимального» ведения войны, вступили в противоречие с практическими нуждами формулирования политики и не могут более служить основой последней. В силу этих обстоятельств в 70-е годы на первом плане оказались разработки тех теоретиков, кто большее внимание уделял вопросам использования дипломатии, ведения переговоров (как, например, Генри Киссинджер), а не тех, кто, подобно

² «New York Times», June 26, 1969.

Кану, искал способы совершенствования приемов применения силы или угрозы ею.

Имя Кана получило широкую известность в США и за их пределами в связи с появлением его книг «О термоядерной войне» (1960 г.), «Мысли о немыслимом» (1962 г.), «Об эскалации: метафоры и сценарии» (1965 г.), «2000-й год: канва для размышлений о последующих 33 годах» (1967 г., совместно с Антони Вине-ром), «Япония: возникновение сверхгосударства» (1970 г.), «События будущего. Мысли о 70-х и 80-х годах» (1972 г., совместно с Б. Брюс-Бриггсом).

К концу 50-х годов Кан, физик по образованию, занимал в корпорации РЭНД весьма независимое положение одного из главных «стратегов». В 1958 г. он по собственной инициативе начал заниматься вопросами гражданской обороны и сумел убедить как администрацию РЭНД, так и представителей ВВС в необходимости широких исследований в этой области. В итоге Кан возглавил работу над докладом «Исследование невоенных аспектов обороны», послужившим источником идей для первой книги Кана — «О термоядерной войне».

Эта книга принесла Кану в одних кругах славу «Клаузевица ядерного века», а в других — репутацию поджигателя третьей мировой войны.

С резким протестом против нее выступил американский философ и психолог Эрих Фромм в своей работе «Может ли человек выжить?». С критикой выступили и другие крупные ученые: ныне покойный математик Джеймс Р. Ньюмен, социолог Сеймур Мелман, изобретатель радара Р. Уотсон-Уотт. Издатель журнала «Нейшн» Джордж Кирстайн писал по поводу книги Кана: «Тот физик, ученый, просто человек... который спокойно рассматривает возможность гибели миллионов людей, заслуживает морального отлучения от всего человеческого рода»³.

Показательно, что даже коллеги Кана по корпорации РЭНД сочли благоразумным отмежеваться от него и выступили с заявлением, в котором взгляды Кана названы «апокалиптическими» и «троглодитскими».

К лету 1961 г. Кан, по его выражению, сделал вы-

³ «New York Times Magazine», December 1, 1968, p. 58.

вод, что он «перерос» корпорацию РЭНД, и пришел к идее создания собственной «фабрики мысли» для работы в области социально-политических и международных проблем. Кана, помимо всего прочего, перестала удовлетворять методология РЭНД, и он неоднократно выражал опасение, что РЭНД искусственно сужает свои возможности, полагаясь почти исключительно на системный анализ.

В июле 1961 г. Герман Кан, покинув РЭНД, стал директором нового центра политических исследований — Гудзоновского института, расположенного в небольшом городке Кротон-он-Хадсон, в тридцати милях от Нью-Йорка. Помимо Кана основателями института были еще двое — Дональд Бреннан, математик, крупный специалист по теории связи, в прошлом сотрудник Линкольновской лаборатории Массачусетского технологического института, и Макс Сингер, молодой юрист, коллега Кана по корпорации РЭНД. Институт зарегистрирован как частная некоммерческая корпорация, руководит им совет попечителей, по примеру РЭНД.

По структуре институт очень компактен, в отличие от РЭНД его ядро составляют всего 30—35 научных сотрудников (большинство с гуманитарным образованием), среди них немало известных в Америке имен: Уильям Пфафф, специалист по политическому анализу, автор (совместно с Э. Стилменом) книг «Власть и бессилие: провал американской внешней политики», «Политика истерии: источники конфликта 20 века», «Новая политика: Америка и конец послевоенного мира»; Фрэнк Армбрустер — знаток военной стратегии, один из первых экспертов по исследованию операций, автор книги «Неядерный потенциал Китая», соавтор монографии «Можем ли мы победить во Вьетнаме?»; Мортон Каплан — специалист по теории международных отношений, автор книги «Система и процесс международных отношений», редактор сборника «Революция в мировой политике», соавтор книг «Политические основы международного права», «Внешняя политика США, 1944—1945», «НАТО и американская безопасность», «Ограниченная стратегическая война»; Роберт Панеро — крупный инженер, много лет работавший по заданиям вооруженных сил, возглавлявший строительство крупных объектов в Европе, Африке, Латинской Америке, на Ближнем Востоке.

Помимо штатных сотрудников Гудзоновский институт имеет более 100 консультантов — первоклассных специалистов из разных областей знания.

«Основная цель Гудзоновского института состоит не в том, чтобы разработать политическую схему или инструкцию по какому-то конкретному вопросу,— говорится в проспекте института.— В политике редко встречаются определенные «ответы» или надежные «лекарства». Хотя доклады Гудзоновского института нередко содержат подобные рекомендации, обычно институт делает упор на создание общей концепции, в рамках которой более вероятно проведение разумного и успешного политического курса. Собственно говоря, институт стремится оказывать правительственным ведомствам и другим клиентам ту же помощь, какую президент США получает от своих советников, когда он должен принять решение: никто не указывает президенту, как ему поступить, но советники излагают ему альтернативные варианты решения проблемы и возможности выбора. Гудзоновский институт специализируется на исследовании долгосрочных целей или жизненно важных проблем, особенно тех из них, которые пока не воспринимаются как срочные или непосредственные. В сущности институт пытается выступать в качестве «лобби будущего» или, по крайней мере, лобби, требующего внимания к этим важным, но пока несрочным проблемам»⁴.

По словам Джона Фостера, директора Управления научных исследований и разработок министерства обороны США, «Гудзоновский институт — это Герман Кан»⁵. Фостер прав не только в том смысле, что вся деятельность института вращается вокруг Кана, но и в том, что Гудзоновский институт разрабатывает только такие проблемы, которые волнуют Кана, и сам Кан активно участвует в разработке каждой из этих проблем, за крайне редким исключением; работы Кана поэтому — синтез, квинтэссенция всей деятельности института, ее наиболее яркое воплощение.

⁴ «Hudson Institute». Croton-on-Hudson, 1968, p. 3.

⁵ «Congressional Record — House», September 20, 1967, p. 26177.

1. «Мысли о невысказанном» — концепция ядерного шантажа

Краеугольным камнем концепций Кана является мысль о том, что в основе международной политики лежит борьба за обладание силой. Он трактует силу или угрозу ею как «важный регулирующий фактор в международных отношениях»⁶, отказ от которого «не привел бы ни к чему хорошему». По мнению Кана, силовое соперничество составляло суть отношений между странами из века в век и в будущем сохранит за собой эту роль: «Даже если мы придем к таким соглашениям о контроле над вооружениями, которые покончат с наиболее опасными аспектами нынешнего противоборства, мы все равно будем нуждаться в применении или угрозе применения силы...»⁷ Отказ полагаться на силу представляется Кану «наивным», и он видит миссию своего института — и свою собственную — в разработке способов «разумного», «рационального» использования силы, прежде всего военной.

Подобная позиция дает основания советскому исследователю А. Каренину отвести Герману Кану место в «промежуточной» группе американских специалистов по вопросам военной и внешнеполитической стратегии место в «промежуточной» группе наряду с генералом Максвеллом Тэйлором, Генри Киссинджером, Робертом Осгудом, Бернардом Броди, Клаусом Норром и др. Эта группа «слева» граничит с более или менее трезво мыслящими «реалистами» — либералами вроде Ганса Моргентау, Артура Шлезингера, Джеймса Гэвина, а «справа» — с махровыми антикоммунистами типа Роберта Страус-Хюпе или Уильяма Кинтнера⁸. Пожалуй, если говорить конкретно о Кане, то ему на этой «оси» место гораздо «правее», чем выходит у Каренина: Кан, разумеется, гораздо тоньше и гибче Кинтнера, но идеологически они весьма близки, и уж во всяком случае Кан — явный «антипод» либералов.

⁶ Н. Кан. On Thermonuclear War. N. Y., 1960, p. 560.

⁷ Ibid., p. 569.

⁸ А. Каренин. Философия политического насилия. М., 1971 стр. 7—15.

Поскольку Кан заведомо отвергает возможность решения мировых проблем не на путях гонки вооружений и применения (или угрозы применения) силы, его исходный тезис состоял в том, что термоядерную войну в современных условиях нельзя списывать со счетов в качестве инструмента политики. В своих трудах Кан, конечно, остерегается говорить о желательности использования этого инструмента, но, начиная с заявлений о возможности термоядерной войны, он переходит к проповеди ее вероятности и даже фатальной неизбежности. В книге «2000-й год» Кан и Винер безапелляционно утверждали, что до конца нынешнего столетия мир может пережить повторение второй мировой войны или «малую» ядерную войну⁹. Прогнозы на XXI в. еще мрачнее: «Вполне возможно, что следующее столетие станет свидетелем одного, двух или даже более периодов крупных ядерных войн. А относительно ограниченные ядерные войны могут оказаться еще более многочисленными»¹⁰. Исподволь подготавливая читателя к мысли о том, что ядерной войны не миновать, Кан рисует исследование вопросов разоружения как дело бесперспективное, которым не имеет смысла заниматься.

Попытка научить американцев «оптимизму». Говоря о вероятности термоядерной войны, Кан отнюдь не стремится запугать читателя ужасами термоядерного Армагеддона. Напротив, подобные «пораженческие настроения» ему чужды. Он называет «пустой риторикой» разговоры о «самоубийственности» ядерной войны, о «ядерном тупике»¹¹.

Продолжая мыслить в категориях силы и стремясь сохранить войну в арсенале американской политики, Кан отказывает термоядерной войне в качественном отличии от войн прошлого. Поставив перед собой задачу доказать «приемлемость» использования современных средств массового уничтожения для достижения политических целей, Кан по существу пытается отрицать катастрофический характер термоядерной войны, представить ее чуть ли не безобидной.

⁹ H. Kahn, A. Wiener. The Year 2000: A Framework for Speculation on the Next Thirty Three Years. N. Y., 1967, p. 227, 237.

¹⁰ Ibid., p. 367.

¹¹ H. Kahn. On Thermonuclear War, p. 8—9.

Стараясь успокоить американского обывателя, завести его в «возможности нормальной и счастливой жизни для большинства людей, переживших войну, а также для их потомков»¹², Кан не хочет казаться голословным. Массивные математические выкладки, обилие графиков, ссылки на строгие научные факты призваны создать иллюзию научной достоверности, а потому и неуязвимости его «утешительных» постулатов. Однако так ли уж они неуязвимы на самом деле? Можно ли считать «оптимизм» Кана научно обоснованным? И если нет, то кому этот оптимизм выгоден?

Рассуждения Кана относительно «послеатомной жизни» распадаются на две части: 1) о «приемлемых» размерах единовременного ущерба, который может быть нанесен Соединенным Штатам термоядерной войной, и соответственно о возможности восстановления «нормальной» жизни; 2) о «приемлемых» размерах долгосрочного ущерба (как соматического, так и генетического по характеру). Рассмотрим их по порядку.

Разбирая вопрос о размерах ущерба, который может быть нанесен США в ходе ядерной войны, Кан проводит грани между различными «послевоенными ситуациями», характеризующимися разным числом погибших — от 2 до 160 млн. человек, соотнося число погибших с периодом времени, необходимым для восстановления потенциала страны до довоенного уровня. Итогом его рассуждений является следующая таблица¹³:

Трагические, но отличные друг от друга варианты послевоенного состояния

Число погибших	На восстановление требуется	Число погибших	На восстановление требуется
2 000 000	1 год	40 000 000	20 лет
5 000 000	2 года	80 000 000	50 лет
10 000 000	5 лет	160 000 000	100 лет
20 000 000	10 лет		

Даже если оставить на совести Кана избранную им «базовую» величину для этой таблицы (при погибших 2 млн. человек восстановление потенциала страны якобы займет только год), вызывает по меньшей мере удивление та линейная зависимость, на которой он

¹² Ibid., p. 21.

¹³ Ibid., p. 20.

строит свое рассуждение: первый вариант отличается от последнего лишь количественно, т. е. получается, что потеря $\frac{3}{4}$ американского населения качественно ничем не отличается от потери одной сотой. Подобный механистический подход к проблеме восстановления встречается в самих же Соединенных Штатах резкую критику как образец социологической безответственности и безграмотности. В частности, например, другая «фабрика мысли», исследовательская организация «Хьюман сайенсиз рисерч, инкорпорейтед», совершенно не разделяет оптимизма Кана относительно способности выживших быстро «залатать» нанесенные стране раны.

По заказу министерства обороны эта организация изучала возможные социальные последствия того единовременного физического ущерба, который может быть нанесен США в результате «обмена» ракетно-ядерными ударами. Еще один доклад этой организации, но выполненный по контракту с ВВС США, был опубликован в Америке в виде брошюры под заглавием «Социальные явления в обстановке после нанесения ядерного удара». По мнению ученых из этой организации, для психологического состояния оставшихся в живых американцев будет характерен так называемый «синдром бедствия», он внешне проявится в уходе в себя, оцепенении, апатии, депрессии, агрессивной раздражительности. Авторы доклада великолепно отдают себе отчет в том, что в случае развязывания американским империализмом мировой термоядерной войны народный гнев неминуемо обратится против виновников в совершении столь чудовищного преступления против человечества. «После бедствия,— пишут авторы доклада,— находясь еще во власти упомянутого синдрома, подвергшееся бомбежке население будет склонно отнестись враждебно к американскому правительству». Авторы доклада предвидят крах традиционных институтов американского общества. Они в корне расходятся с Германом Каном, полагающим, что концентрация ужасов термоядерной войны в коротком временном отрезке будет иметь «положительные, а не отрицательные» последствия для личности. «В то время как распад личности явился бы несомненным результатом для многих нормальных людей в случае, если бы подобные трудности оказались действующими в течение периода продолжительностью в несколь-

ко лет, привычки, сложившиеся у большинства людей на протяжении всей жизни, не могут измениться всего лишь за несколько дней»¹⁴, — безапелляционно заявляет Кан, полагая, что он тем самым «доказал» возможность сохранения в «послевоенной Америке» без изменений нынешнего социального строя и буржуазных морально-этических ценностей. Авторы доклада «Социальные явления в обстановке после нанесения ядерного удара» объявляют оптимизм Кана необоснованным¹⁵.

Более того, даже государственные лидеры США, в принципе опирающиеся при принятии решений на перспективные исследования, поставляемые «фабриками мыслей» типа того же Гудзоновского института, тем не менее довольно скептически подходят к подобного рода калькуляциям, постулирующим быстрое восстановление американского образа жизни, несмотря на гибель десятков миллионов американцев. В интервью журналу «Ридерс дайджест» Ричард Никсон, приведя гипотетическую цифру в 70 млн. погибших американцев в случае «ядерного обмена», охарактеризовал подобный итог как самоубийственный для США и неприемлемый для американского руководства¹⁶.

Чрезмерно упрощенческим представляется большинству критиков Кана и его подход к рассмотрению американской экономики не в качестве единой сложной системы, а по аналогии с саламандрой, без труда отращивающей новые части тела; у многих американских экспертов не вызывает доверия тезис Кана о том, что,

¹⁴ Н. Кан. On Thermonuclear War, p. 89—90.

¹⁵ «New Republic», January 15, 1962. К ним присоединяется Э. Фромм (см. E. Fromm. *May Man Prevail?* N. Y., 1961, p. 194) и Г. Моргентау. «Несомненно, — пишет последний, — если бы сложное человеческое общество можно было представить себе как примитивную муравьиную общину, то способность последней к восстановлению можно было бы считать само собой разумеющейся. Если погибла $\frac{1}{3}$ муравьев одного муравейника вместе с $\frac{9}{10}$ их материального богатства, то есть все основания полагать, что оставшиеся муравьи начнут отстраивать муравейник заново, пока очередная катастрофа не вынудит их начать с нуля. Однако представляется сомнительным, чтобы человеческое общество обладало столь же механической способностью к воспроизводству» (H. J. Morgenthau. *Truth and Power*. N. Y., 1970, p. 255).

¹⁶ «The Reader's Digest», February 1962, p. 64.

например, такая серьезная потеря для США, как уничтожение 53 крупнейших городских комплексов, где сосредоточено более половины национального богатства, «просто отбросит национальные производительные силы на одно-два десятилетия».

Специалисты утверждают, что, когда речь идет о термоядерной войне, вообще неправомерно рассматривать в отдельности такие проблемы, как «единовременный ущерб» и «долгосрочные последствия». Вот, например, что говорит по этому вопросу профессор биологии Гарвардского университета, лауреат Нобелевской премии Джордж Уолд, возражающий против примитивного подхода к термоядерной войне. «Когда мы лишили жизни около 200 тыс. человек с помощью тех первых, маленьких, старомодных урановых бомб, которые были сброшены на Хиросиму и Нагасаки, примерно такое же количество людей было искалечено, отравлено и т. д. Многие из них промучились еще несколько лет, прежде чем умереть. Вот как это бывает. Не взрыв и определенное количество погибших, а страна с миллионами беспомощных, изувеченных, истерзанных и обреченных на гибель, хотя пока и «ущелевших» людей, забившихся в бомбоубежища с оружием наготове, чтобы отразить нападение соседей, которые могут попытаться отнять у них запасы незараженного продовольствия и воды»¹⁷.

На первый взгляд кажется, что Кан далек от распространенного среди некоторой части американских стратегов отношения к ядерному оружию лишь как к взрывчатому веществу необычайной силы, эффект которого прежде всего определяется местными разрушениями. Это, конечно, заблуждение. Кан, напротив, пишет и о соматических, и о генетических последствиях ядерной войны, пишет подробно, с обилием таблиц, рассматривает, казалось бы, все аспекты — и выпадение радиоактивных осадков, и проблему остаточной радиации, и стронций-90, и углерод-14... И все же его «оптимистические» выводы не могут быть приняты на веру, ибо они основаны на умышленной фальсификации данных.

Математические выкладки Кана не совпадают с расчетами других ученых, не менее компетентных. Возьмем, например, столь серьезный вопрос, как генетиче-

¹⁷ «Vital Speeches of the Day», April 15, 1969, p. 412.

ские последствия ядерной войны. Кан считает, что при термоядерной войне «больших масштабов» взрослое население, способное к деторождению, подвергнется облучению в среднем по 250 рентген. Если взять за основу, что облучение 10 рентгенами, как полагают, влечет рождение 0,4% дефективных детей, то из всех детей, родившихся у облученных 250 рентгенами родителей, всего 1% детей окажутся неполноценными. Очень ли это страшно? По мнению Кана, нет: ведь в нормальных (невоенных) условиях сегодня в Америке около 4% новорожденных признаются неполноценными, так одним процентом больше или меньше — какая разница, это для страны якобы не имеет значения (именно в этом контексте Кан употребил фразу, шокировавшую своим цинизмом многих из его читателей: «Война ужасна, но ужасен и мир, в некоторых аспектах разница между ними лишь в степени качества»¹⁸).

Оставим в стороне моральные оценки этого утверждения. Посмотрим, насколько оно соответствует известным науке фактам.

Во-первых, взятую Каном за аксиому линейную зависимость между дозой облучения и генетической деформацией нельзя считать установленной.

Во-вторых, вообще сам вопрос о воздействии радиоактивности на человеческий, а тем более детский, организм нельзя назвать изученным. В 1969 г. профессор Питтсбургского университета Э. Дж. Стернгласс опубликовал результаты своих исследований, приведших его к выводу о несравненно более высокой, чем предполагалось, чувствительности детского организма к радиоактивному облучению. Данные Стернгласса говорят о том, что 200 мегатонн ядерной энергии, выпущенные в атмосферу в результате наземных и атмосферных ядерных испытаний между 1945 и 1962 гг., были причиной смерти 1 ребенка из 100 в результате увеличения содержания стронция-90 в молоке матери и скелете ребенка¹⁹. Нетрудно подсчитать, пишет Стернгласс, каковы могут быть последствия «ядерного диалога», если понятие «эффективного ядерного удара» подразумевает взрывы суммар-

¹⁸ H. K a h n. On Thermonuclear War, p. 46.

¹⁹ «Bulletin of the Atomic Scientists», April 1969, p. 18—19; June 1969, p. 27; «New Scientist», July 24, 1969, p. 178.

ной мощностью порядка десятка тысяч мегатонн в непосредственной близости к земле²⁰.

Мнение профессора Стернгласса получило подтверждение в работах многих других американских специалистов, гораздо более компетентных в вопросах генетики и биологии, чем Герман Кан. Профессор физики Массачусетского технологического института Бернард Фелд, например, полагает, что в результате термоядерной войны в атмосферу было бы выпущено 20—50 тыс. мегатонн ядерной энергии и средняя доза облучения, хотя она и не достигла бы размеров летальной, «вызовет бесчисленные мутационные процессы в последующих поколениях, оставив тем немногим представителям человеческого рода, которые уцелеют после ядерной войны, нездоровую наследственность и зараженную окружающую среду»²¹. Другой известный американский ученый — биолог, лауреат Нобелевской премии Лайнус Полинг отмечал, что «генетические последствия ядерной войны были бы ужасны — в 100 или в 1000 раз более серьезные, чем последствия проведенных атомных испытаний»²².

Все эти подсчеты авторитетных американских ученых свидетельствуют о том, что данные, которыми столь безапелляционно оперирует Кан, основывая на них свои «розовые» описания жизни в США в период после ядерной войны, по всей видимости, являются на несколько порядков заниженными, тем более что долгосрочные мутационные процессы — это еще мало изученная область.

И, наконец, еще одно обстоятельство, заставляющее отвергнуть «оптимистические» предсказания Кана. Непосредственные поражающие факторы ядерного взрыва — ударная волна, тепловая радиация, проникающее излучение, и факторы длительного воздействия — радиоактивные осадки, остаточная радиация, их экологические, соматические и генетические последствия и т. п., тесно связаны друг с другом и не могут действовать иначе, как в комплексе. Кан же нигде не пытается рассматривать их суммарно. Он отдельно исследует проблему стронция-90, отдельно радиоактивное заражение

²⁰ «Bulletin of the Atomic Scientists», June 1969, p. 27.

²¹ «New York Times», September 9, 1970.

²² L. P a u l i n g. No More War. N. Y., 1958, p. 147.

почвы и т. д. Его «оптимизм» основан именно на таком анализе поражающего воздействия ядерного взрыва по компонентам. Поэтому декларируемая им «высокая степень уверенности в справедливости частичных выводов»²³ вряд ли может быть базой для вынесения серьезных суждений о последствиях термоядерной войны. Он признает это и сам, мимоходом замечая: «Но если все эти явления произойдут одновременно, да к ним еще добавятся и иные эффекты, нельзя не испытывать некоторых сомнений в отношении общего исхода»²⁴. Однако это более трезвое замечание тонет в потоке «бодрых» заявлений, при ближайшем рассмотрении оказывающихся бездоказательными.

В чем причина выбора Каном столь бодряческого тона? Почему физик, человек, считающий себя ученым, берет на себя задачу вопреки фактам сеять иллюзии у неискушенных людей? В какой-то мере продемонстрированный Каном сознательно упрощенческий подход к проблемам термоядерной войны, основанный на поверхностном (а по сути — научно недобросовестном) анализе, даже стоил Кану репутации ученого в глазах многих, особенно в американском академическом мире.

Однако как раз то, что оттолкнуло от Кана одних, привлекло к нему других. Американскую армию несомненно интересовал человек, способный активно воздействовать на широкую публику, причудить ее к мысли о возможности, даже неизбежности ракетно-ядерной войны. Война неизбежна, внушают американскому обывателю страницы трудов Кана, следовательно, было бы наивным бороться против нее, это пустая трата сил, их гораздо лучше употребить на то, чтобы «как следует» подготовиться к этой войне, ибо если быть к ней «готовым», то она не так уж страшна и «отнюдь не исключает нормальной и счастливой жизни для выживших и их потомков».

Таким образом, Кан оказался выразителем воззрений тех, наиболее воинственных слоев американских правящих классов, которые, невзирая на происходящие в мире изменения, упорно цепляются за созданную ими в короткий период американской ядерной монополии концепцию силы и до сих пор не хотят «уступить» реаль-

²³ H. Kahn. On Thermonuclear War, p. 91.

²⁴ Ibid., p. 92.

ной действительности, отказаться от войны как «естественного» способа решения споров. Именно этим слоям выгодна «утешительная» концепция Кана, обосновывающего тезис об относительной безобидности ядерной войны для США, ложность которого стала к настоящему времени очевидна как для широких слоев американской общественности, так и для руководства США, которое пришло к выводу о необходимости предотвращения ядерной войны.

Легковесному «оптимизму» Кана и его единомышленников хотелось бы противопоставить оценку катастрофических последствий ядерной войны для человечества, данную таким компетентным экспертом в этих вопросах, как крупный английский физик Джон Бернал, ныне уже покойный. Бернал не считал неминуемым «уничтожение цивилизации» в результате ядерной войны, но он утверждал, что «ядерная война была бы трагедией, выходящей за пределы всего, что известно человечеству о смерти и страданиях», что она грозила бы «задержкой в развитии цивилизации на сотни, а может быть, на тысячи лет»²⁵.

Стратегические концепции. К тому времени, когда Кан начал разрабатывать военно-политические проблемы, стратегия «гибкого реагирования», родившаяся на смену стратегии «массированного возмездия», уже успела взреть и была близка к тому, чтобы стать официальной военно-политической доктриной США; фактически сформировалась к этому времени и идея «ограниченной войны», как ядерной, так и неядерной.

В работах советских авторов уже отмечалось, что появление на свет теорий «ограниченной войны» и «гибкого реагирования» в сущности вызвано признанием американскими лидерами и идеологами факта резкого изменения в соотношении сил между капитализмом и социализмом в пользу последнего. Сначала лишь наиболее дальновидные теоретики, а затем и политические деятели в США поняли, что тотальное столкновение с Советским Союзом не принесет Вашингтону ничего, кроме самоубийства²⁶.

²⁵ Дж. Бернал. Мир без войны. Пер. с англ. М., 1960, стр. 26.

²⁶ См., например: А. В. Ефремов. За ширмой ограниченных войн. М., 1960; Г. А. Трофименко. Стратегия глобальной войны. М., 1968; А. Каренин. Философия политического насилия. М., 1971.

В общем русле стратегии «гибкого реагирования» развивается и мысль Кана, стремящегося в первую очередь изыскать возможности «гибкого» — несамодушительного для США — использования в конфликте стратегического ядерного оружия. С этой целью Кан изобретает различного рода тактики такого использования оружия, которое не было бы тотальным, а ограничивалось бы способом применения, характером целей, районом и т. д. Однако Кан выделяется среди своих коллег тем, что, даже предусматривая теоретическую возможность тех или иных взаимных ограничений в стратегической ядерной войне, он в конечном итоге исходит из требования сохранения за Америкой в любом случае полной свободы рук. Основываясь на тезисе о «приемлемости» ядерной войны, рассматривая возможность тех или иных ограничений в случаях, когда это благоприятствовало бы США, Кан вместе с тем утверждает, что США не следует связывать себя отказом от стратегии первого удара или вообще от использования оружия массового уничтожения. Показательно, что Кан на всем протяжении 60-х годов уделял подчеркнуто большое внимание разработке именно ядерной стратегии для США в то самое время, когда целый ряд других стратегов, в том числе, например, столь влиятельный специалист, как Г. Киссинджер, эволюционировали в обратном направлении — от пропаганды «ограниченных» ядерных войн к идее предпочтительной опоры, в случае военных конфликтов, на вооруженные силы и вооружения обычного типа²⁷.

Герман Кан, как и подавляющее большинство его коллег, а также американских политических деятелей, пользуется семантическим аппаратом концепции «ядерного сдерживания» (nuclear deterrence), подразумевающей, по терминологии американских теоретиков, «сдерживание советской угрозы». В духе нарочитых псевдооборонительных формул этой концепции Кан приписывает Советскому государству не свойственные ему «агрессивные» и «экспансионистские» поползновения, «стремление к достижению мирового господства при

²⁷ См. Н. Kissinger. Nuclear Weapons and Foreign Policy. N. Y., 1957; см. и более позднюю работу того же автора: The Necessity for Choice. N. Y., 1960.

помощи военной силы» и тому подобное²⁸. Соединенные Штаты же, наоборот, неизменно изображаются потенциальной жертвой агрессии, миролюбивой страной, не имеющей никаких экспансионистских устремлений. Исходя из такого превратного «распределения ролей», рисующего картину, которая диаметрально противоположна реальным устремлениям сторон в советско-американской «конфронтации», Кан создает следующую схему вариантов возможного использования стратегического арсенала США²⁹:

Возмездие	Удар по США	Крайне провокационные действия	Прочие провокации
Удар с применением максимума сил	I	II	γ
Остальные варианты . . .	α	β	III

Комментируя эту схему, Кан поясняет, что из перечисленных им шести вариантов он считает приемлемыми для США в настоящее время лишь три — те, что обозначены римскими цифрами. Варианты «альфа» и «бета» неприемлемы, по мнению Кана, поскольку они равносильны одностороннему отказу от нанесения массивного ядерного удара по противнику и фактическому обещанию независимо от характера «советского нападения» использовать в целях «возмездия» лишь неядерные силы. Что касается варианта «гамма», то он, пишет Кан, «соответствует тому, как обычно трактуют даллесовскую доктрину массивированного возмездия. Эта концепция была, очевидно, устаревшей уже тогда, когда она была официально провозглашена,— в начале 1954 г.»³⁰. Взамен идеи «массивированного возмездия» Кан в данном варианте выдвигает принцип соразмерности «военного реагирования» США характеру локального конфликта.

²⁸ Н. Канн. On Thermonuclear War, p. 98, 286—287, 568—569, 573—574.

В. И. Ленин еще в 1917 г. изобличал империалистов, кричавших о «красном милитаризме» и делавших вид, будто они сами этому верят (В. И. Ленин. Полное собрание сочинений, т. 38, стр. 50). За 55 лет тактика империалистов не изменилась.

²⁹ Н. Канн. Thinking About the Unthinkable. N. Y., 1962, p. 123.

³⁰ Ibid., p. 124.

Кан утверждает, что «силы сдерживания типа III являются самыми важными и, по всей вероятности, сохраняют свое значение в обозримом будущем»³¹. В сущности вариант III — это и есть «ограниченная война», причем — по Кану — она может быть как ядерной, так и неядерной.

Нельзя не видеть, однако, что в своих предположениях относительно той или иной тактики использования стратегических сил США Кан стоит на гораздо более воинственных позициях, чем большинство других сторонников принципа «гибкого реагирования». Ибо что есть его вариант II, как не то же самое обанкротившееся «массированное возмездие»? Ведь одно дело — постулировать необходимость использования «удара с применением максимума сил», в ответ на нанесение противником удара по США (вариант I), другое дело — предлагать использование тех же сил для «ответа» на «крайне провокационные действия». Каким образом, спрашивается, будет определяться степень «крайности» или «критичности» тех кризисов, которые могут возникнуть под влиянием в первую очередь провокационных действий самих США? Ведь если предоставить возможность вынесения решений на этот счет деятелям типа того же Кана, то вполне обоснованно предположить, что в таком случае безответственность решений может оказаться похлеще даллесовской. Достаточно для этого вспомнить небезызвестное кановское описание «машины Судного дня» (он вызывался спроектировать ее за 10 млрд. долл.) — специального сверхмощного ядерного устройства, подключенного к электронно-вычислительной машине, определенным образом запрограммированной на автоматическую реакцию в случае тех или иных «провокаций». «Если советская или какая-либо другая страна, — популярно объяснял Кан, — совершит один из следующих актов, — к примеру, взорвет пять бомб над США, или захватит Берлин, или оскорбит нашего посла в Лаосе — машина взорвет весь мир»³².

Даже учитывая склонность Кана к гиперболам при «продаже» своих идей потенциальным покупателям, нельзя не видеть большую тягу Кана и подобных ему

³¹ Ibidem.

³² «Sunday Times», February 9, 1964.

теоретиков к «разумному безрассудству» в области стратегии, при котором «лицам, принимающим решения», подсовываются рекомендации для действий «по максимуму», независимо от степени реальной угрозы американским интересам или возможных последствий такого рода курса действий для самих США. Однако при всем своем «оптимизме» в отношении исхода даже тотального мирового термоядерного конфликта Кан предпочитает все же войну более «удобную», «контролируемую». В качестве идеала такой «войны будущего» он выдвигает идею «инструментальной войны» (*instrumental war*) (смысл, вкладываемый Каном в этот термин, удачнее всего можно было бы передать словами «конструктивная война!»).

Такая война, по замыслу Кана, должна вестись «разумно», «на основе рациональных расчетов», в центре внимания все время должны находиться соображения выгоды, а цели должны ставиться сугубо ограниченные «из-за боязни эскалации». Обе стороны должны вести себя одинаково: «торговаться, вступать в переговоры, угрожать друг другу, но всегда держать свою вовлеченность под контролем. Сила используется, но достаточно сдержанно, чтобы эскалация никогда не достигала точки взрыва»³³. Кан полагает, что со временем выработаются «правила» ведения таких войн и в соответствии с ними аморальным будет отнюдь не война сама по себе, а лишь нарушение «правил».

Хотя вариант III представляется Кану предпочтительным и наиболее вероятным в будущем, он все же считает, что в американском стратегическом арсенале должны быть сохранены и два других, подразумевающих массированное применение ядерного оружия. Вариант I отражает концепцию так называемого «второго», или «ответного», ракетно-ядерного удара. Кан был в числе первых американских теоретиков, четко сформулировавших эту идею, а несколько позднее, в 1963—1964 гг., она была официально провозглашена американским военным руководством. Суть ее сводится к тому, что, публично оговорив свое нежелание в случае конфликта первыми произвести залп стратегическими системами оружия, США ставят перед собой задачу развернуть соб-

³³ Н. К а h n, А. W i e n e r. Op. cit., p. 370—372.

ственные вооруженные силы таким образом, чтобы быть в состоянии нанести ответный удар, приняв на себя первый удар противника.

Официальный отказ от доктрины «первого удара» (и соответственно появление доктрины «второго удара») — это признание американскими военными теоретиками и вслед за ними руководством страны того факта, что Советский Союз располагает мощными, хорошо защищенными и рассредоточенными ракетными силами, которые могут выдержать первый ракетно-ядерный удар со стороны США и в ответ нанести американцам «неприемлемый» ущерб. Это фактически признал министр обороны США Р. Макнамара в 1964 г., в одном из выступлений перед комиссией по делам вооруженных сил палаты представителей конгресса США³⁴. Доктрина «второго удара», по-видимому, служит попыткой внести какой-то элемент большей устойчивости во взрывоопасную ситуацию советско-американского ракетно-ядерного противостояния, ситуацию, обостряемую антисоветской политикой правящих кругов США. В условиях возросшей мощи СССР американской администрации пришлось считаться с тем, что развязанная ею ядерная война неминуемо обернулась бы против ее инициаторов.

Однако по логике Кана и тех кругов, чьи интересы он выражает, было бы неразумно связывать себе руки полностью — хотя бы и на словах. Поэтому параллельно с попытками отмежеваться от скомпрометировавшей себя стратегии «массированного возмездия» Кан все же оговаривал, что США должны сохранить за собой «право» на нанесение первого удара по Советскому Союзу в случае «крайне провокационных действий»³⁵.

Однако Кан довольно быстро понял, что возвращение к стратегии первого удара, пусть и модифицированной, чревато катастрофическим риском для самих США, учитывая изменившееся соотношение сил в мире.

³⁴ «Military Review», March 1964, p. 79.

³⁵ В соответствии с этим положением Кан в конце 50-х — начале 60-х годов пропагандировал так называемую «стратегию способности к вероятному нанесению ядерного удара первыми» или близкую к ней «стратегию широкой мобилизации всех ресурсов на гонку ядерных вооружений» (Н. Кан. On Thermonuclear War, p. 38—39).

Как признал Кан, когда одна сторона публично говорит о своей готовности нанести ядерный удар первой, то в условиях резкого обострения международной напряженности и вооруженных провокаций другая сторона может оказаться вынужденной нанести упреждающий удар, а такая перспектива даже Кану не представляется особенно благоприятной. В результате идея «способности к нанесению ядерного удара первыми», хотя Кан формально от нее нигде не отрекался, с годами потускнела и с середины 60-х годов не выдвигалась им больше на передний план (последняя книга, где Кан пишет об этой стратегии,— сборник «Элементы оборонительной политики», вышедший в 1965 г. в Чикаго под редакцией Дэвиса Боброу).

Идеи «торга» и ядерного шантажа. Невзирая на весь «оптимизм» Кана в отношении исхода термоядерной войны, он все же признает предпочтительным «сохранять мир при помощи угрозы войны». В прежние времена, рассуждает Кан, дипломатам без труда удавалось «обращать» военную мощь своей страны в политическое влияние, в конкретные договоры и т. п. «Хотя в наши дни стратегическая военная мощь отнюдь не столь мало применима, как полагают многие, все же, разумеется, по сравнению с прошлым ее использовать труднее»,— признает Кан и потому делает вывод, что «теперь в деле защиты наших национальных интересов и ценностей умение вести торг и наши программы невоенного характера будут, вероятно, играть гораздо большую роль, нежели непосредственное применение силы. Если сила и будет применяться, то, очевидно, лишь в качестве одного из элементов процесса торга»³⁶.

Кан представляет себе «торг» (bargaining) следующим образом: «В простейшем виде торг состоит в том, чтобы сделать противной стороне предложение или сообщить ей свою угрозу в ультимативном порядке. Часто раздаются требования использовать именно эту простейшую форму. Например, люди иногда говорят: раз мы в состоянии нанести большой ущерб Советскому Союзу, то, значит, мы без труда можем контролировать его поведение, стоит нам только заявить Советам, что, если они сделают то-то или то-то (или, напротив, не

³⁶ H. K a h n. Thinking About the Unthinkable, p. 177.

сделают того или иного), мы их так накажем, что они пожалеют о своем непослушании»³⁷. Нетрудно увидеть, что «простейшая форма торга» в трактовке Германа Кана вообще не соответствует понятию «торг», любой толковый словарь английского языка дает значение этого слова как «соглашение на основе взаимных уступок». Кан же и его единомышленники в идеале никакой взаимности в «торге» не предвидят, им рисуется чисто ультимативное предъявление противнику требований «с позиции силы».

Однако, как бы ни хотелось американским теоретикам рассматривать «торг» как процесс односторонних уступок другой стороны под влиянием американского нажима, им довольно быстро пришлось усвоить, что такого рода «торг» с Советским Союзом невозможен, что Советский Союз не позволит разговаривать с собой с позиции силы, а война, которая может оказаться развязанной в результате подобного «балансирования на грани войны», чревата самыми серьезными последствиями для самих же Соединенных Штатов. Поэтому Кан вынужден констатировать, что в современной политической обстановке, «к сожалению», попытки вести «торг» подобным способом исключаются, с соперником приходится считаться. Взамен «простейшей формы торга» он выдвигает более сложное построение ведения торга, представленное в виде следующей схемы³⁸:

- I. Твоя угроза: а) наступательные силы в твоём распоряжении; б) оборонительные силы в распоряжении противника; в) активы, которыми рискует противник.
- II. Угроза противника.
- III. Проба воли — твоя решимость против его решимости.
- IV. Доступные средства общения и убеждения.
- V. Способность к самоконтролю и степень связанности обязательствами.

Поясняя эту схему, Кан пишет, что она включает все компоненты «торга» между двумя государствами как в мирное время, так и во время военных действий. Помимо вооружений Кан считает ключевым фактором,

³⁷ H. Kahn. On Thermonuclear War, p. 289.

³⁸ Ibid., p. 290.

определяющим позиции участников «торга», активы, поставленные на карту у обеих сторон, то есть людей и имущественные ценности.

Если одной из сторон удастся «обезопасить» свои активы, каким-то образом сделать их недостижимыми для удара противника, то эта сторона даже в условиях равенства военной мощи получает в «торге» преимущество. В такой ситуации возникнет «асимметрия угрозы», и сторона, получившая преимущество, будет вести «торг» «с позиции силы», ее угрозы будут звучать тем внушительнее, чем менее уязвимо ее население, а также материальные ценности. Тогда, по замыслу Кана, «торг» опять потеряет характер процесса выработки соглашения на основе взаимных уступок и превратится в грубое навязывание слабому воли сильного. Ради достижения этой цели Кан и уделяет такое большое место разработке способов создания «асимметрии угрозы», каковые представляются ему прежде всего в виде обширных программ гражданской обороны, широко пропагандированных Каном и его институтом с конца 50-х до середины 60-х годов, и системы противоракетной обороны (ПРО), любимого детища Гудзоновского института до настоящего времени.

Роль, отведенная в построениях Кана и его единомышленников гражданской обороне и ПРО, очевидна: они рассматриваются в качестве средств, повышающих возможности ядерного шантажа. Однако несостоятельность подобных расчетов, иллюзорность гарантий неуязвимости, которые могли бы дать программы гражданской обороны и ПРО, были со всей убедительностью показаны более трезво мыслящими соотечественниками и коллегами Кана, и мы еще вернемся к этому ниже.

Обратимся вновь к схеме Кана. Итак, центральная задача — повысить «достоверность» американской угрозы. Об одном способе, каким Кан планирует достичь этого, — попытке создать «асимметрию» в пользу США путем понижения уязвимости американских «активов» — уже говорилось. Есть и второй способ, связанный с понятием «решимости». «Решимость демонстрируется в действии, — пишет Кан. — Чем выше риск, на который идешь, тем большую решимость это доказывает»³⁹. Кан

³⁹ Н. К а н. *Thermonuclear War*, p. 191.

тесно связывает решимость с идеей «расчетливого безрассудства», подробно освещенной в предыдущей главе в параграфе о теории игр. Казалось бы, Кан отдает себе отчет в неуместности проявления безрассудства в условиях современных международных отношений, он прямо пишет о том, что непосредственным результатом такой тактики может оказаться война, которой не хотела и сама сторона, избравшая линию поведения в соответствии с теорией «расчетливого безрассудства»⁴⁰. И все же Кан рекомендует именно безрассудство, а не рассудительность: тот, кто сумел убедить противника в своем безрассудстве, в том, что он ни перед чем не остановится в силу заранее взятых на себя обязательств, окажется в выгодном положении в «торге», соперник почувствует, что противиться бесполезно, и уступит. Если следовать разработанным Каном правилам, то выдержка, хладнокровие, самоконтроль в переговорах с оппонентом оказываются серьезными недостатками, чуть ли не обрекающими на неудачу того, для кого они характерны.

Предложения поставить международные отношения с ног на голову, положить в их основу безрассудство, угрозу применения силы, ядерный шантаж вряд ли способны принести политический капитал стране, последовавшей этим советам. Мы уже упоминали, что столь уважаемый Каном Джон фон Нейман всю свою надежду на возможности мирного развития человечества связывал с ежедневным проявлением здравого смысла. Можно напомнить, что не только само применение силы, но и угроза силой стоят вне закона в современных международных отношениях, об этом недвусмысленно говорится в Уставе Организации Объединенных Наций, в главе I «Цели и принципы», ст. 2, п. 4: «Все члены Организации Объединенных Наций воздерживаются в их международных отношениях от угрозы силой или ее применения как против территориальной неприкосновенности или политической независимости любого государства, так и каким-либо другим образом, несовместимым с целями Объединенных Наций». Можно, наконец, просто на историческом опыте самих Соединенных Штатов доказать, что шантаж, нацеленный на Советский Союз

⁴⁰ Ibidem.

и другие социалистические страны, дивидендов не приносит — ведь американцы уже имели возможность убедиться в бесперспективности и ядерного и долларowego шантажа.

В этом свете можно быть уверенным, что теоретические изыскания Германа Кана и его коллег по Гудзоновскому институту в сфере повышения убедительности угрозы, совершенствования техники шантажа обречены на практике на неудачу. Однако они, несомненно, отрицательно сказываются на политическом климате в США, поддерживая шовинистическую психологию американской военщины, мнение о том, что Америка будет бы может безнаказанно проводить агрессивную и авантюристическую политику, создавая питательную среду для всевозможных иллюзий в отношении американских «возможностей» на мировой арене.

Гражданская оборона. Герману Кану известность принесла именно разработка проблем гражданской обороны. Он начал заниматься ими, еще работая в корпорации РЭНД, и в результате установил такие тесные контакты с Управлением гражданской обороны, что последнее позднее сделалось одним из главных клиентов Гудзоновского института.

В начале 60-х годов проблема гражданской обороны оказалась вынесенной из кулуаров военных ведомств и со страниц служебных меморандумов в открытую печать, начавшую призывать американцев строить индивидуальные противоатомные убежища. В ее обсуждении приняли участие многие американские технические специалисты, и вердикт большинства из них был достаточно категоричен. Профессор физиологии растений Сент-Луисского университета Барри Коммонер заявил: «Ядерная война — самоубийство. Убежище — не выход»; редактор журнала «Балетин оф атомик сайентистс», специалист по физической химии, Юджин Рабинович отметил: «Личные убежища устареют раньше, чем их удастся построить»⁴¹. Стоимость индивидуальных убежищ никак не пропорциональна их полезности, писали авторы доклада о программе гражданской обороны, опубликованного Комитетом за разумную ядерную политику, но еще важнее то обстоятельство, что интенсивная про-

⁴¹ «Time», February 2, 1962, p. 13.

грамма строительства убежищ может сыграть роль стимула к ускорению гонки вооружений, а это уже делает подобную программу не просто бесполезной тратой денег, но еще и вредным для международного климата предприятием.

Кан тоже придерживался не очень высокого мнения о технических достоинствах индивидуальных убежищ, поэтому, говоря о целях такой программы, он употребляет весьма неопределенную формулировку: «спасти все, что можно спасти». Система убежищ интересовала Кана совсем с иной стороны — в его концепциях она фигурировала как политический козырь, вспомогательное средство для того, чтобы лучше блефовать. Он не столько действительно занимался поисками возможности «смягчить последствия войны», сколько стремился создать впечатление, что Америка такой возможностью располагает: «Создание видимости того, что мы в состоянии смягчить последствия термоядерной войны, может быть также полезно в международных отношениях. Это позволит успокоить союзников и вызовет у противника чувство неопределенности»⁴². Гражданская оборона в такой трактовке становится столь же «необходимой», как и гонка вооружений, накопление запасов ядерных бомб и ракет.

Анатолий Рапопорт, анализируя теоретико-игровые злоупотребления Кана, особо выделяет его концепцию гражданской обороны, как, «возможно, величайшую во всей истории стратегической мысли коллекцию нелепиц, основанных на неоправданных предпосылках»⁴³.

В работах энтузиастов необузданного строительства убежищ, подчеркивал Рапопорт, «противник... неизменно изображается как равнодушный айсберг, которому мы никогда не нанесем удара первыми. Ситуация будет выглядеть совсем иначе, если «айсберг» обладает рецепторами и реакцией, а «лайнер» (т. е. США.— И. Ш.) оснащен не только спасательными шлюпками, но и пушками, нацеленными прямо на «айсберг». Если вдруг «айсберг» также уверен, что он не собирается наносить удара первым, то у него может возникнуть сомнение в безобидности всей затеи, когда он будет наблюдать за

⁴² H. Kahn. On Thermonuclear War, p. 18.

⁴³ A. Rapoport. Strategy and Conscience. N. Y., 1964, p. 94.

тренировочными занятиями по спасению утопающих на приближающемся к нему вооруженном корабле»⁴⁴.

Монополистическим кругам в США безусловно импонировала программа строительства убежищ, сулившая принести немалые барыши. Правительство крепко ухватилось за кановскую идею «индивидуальной противоатомной защиты». Президент Кеннеди в обращении к населению всячески рекламировал идею строительства «индивидуальных убежищ». Под активное раздувание мифа о «советской угрозе» быстро возникли десятки компаний, предлагавшие запуганным обывателям «патентованные», «надежные» убежища по цене от нескольких сот до нескольких десятков тысяч долларов. Однако «убежищная» лихорадка довольно быстро спала, так как американцы поняли несостоятельность подобной противоатомной защиты, и ныне эти убежища превратились в железобетонный хлам, являя собой бесславные «монументы идеям господина Кана», как выразился журнал «Нью рипаблик»⁴⁵.

Осознав, что с «гражданской обороной» у него вышло не все гладко, Кан в последние годы попытался развить идею повышения «достоверности американской угрозы» по другой линии, по линии противоракетной обороны — ПРО.

Противоракетная оборона. Если до 1969 г. из всех вопросов американской внешней политики в центре публичных дискуссий и борьбы мнений обычно была лишь вьетнамская проблема, то в 1969 г. к обсуждению последней добавились беспрецедентные в американской истории по остроте и масштабам дебаты вокруг новых программ вооружений и проблем военного строительства в целом. Глубокий политический кризис в США, резко обострившийся в результате войны во Вьетнаме, усилил оппозицию гонке вооружений, активизировав антимилитаристские настроения в стране. Доверие к официальной политике Вашингтона, в том числе и среди части представителей правящих кругов, оказалось во многом подорванным.

Дебаты развернулись вокруг частного вопроса — ассигнований для министерства обороны на развертыва-

⁴⁴ A. R a p o r t. Strategy and Conscience, p. 95.

⁴⁵ «New Republic», January 15, 1962.

ние системы противоракетной обороны «Сентинел», позднее модифицированной и переименованной в «Сейфгард». В обсуждение включились не только сенаторы и конгрессмены, которым предстояло утверждать эти ассигнования, но и ученые, представители широкой общественности. Если формально «стратегические дебаты», как их называли, шли вокруг вопроса: принять или отклонить конкретные новые системы оружия, — то в сущности речь шла о гораздо более серьезных проблемах — характере внешнеполитических целей США и приоритетах в распределении государственных финансов и ресурсов. Сам факт инициативы правительства США в развязывании нового тура гонки стратегических вооружений внушает тревогу многим американцам, они сомневаются в возможности укрепления национальной безопасности США на этом пути. Как было уже не однажды, этот новый виток гонки вооружений начался в условиях гальванизации мифа о «советской угрозе» — эту пропагандистскую кампанию взяли на себя профессиональные военные и руководство министерства обороны, за спиной которых стоят заинтересованные представители большого бизнеса.

Оппозицию больше всего встревожил тот факт, что гонка вооружений поднимается на следующую ступень в связи с новым циклом военно-технического развития. Об этом, в частности, писал на страницах журнала «Форин афферс» бывший специальный помощник президента Макджордж Банди: «Значение этих дискуссий заключается не столько в противоречивых доводах (что чувствуется на многих страницах протоколов конгресса), а в согласии с тем, что в гонке вооружений сейчас намечается новый и весьма неприятный поворот... Сенаторы, проголосовавшие против противоракетной системы, считают, что сейчас самое страшное — это не угроза со стороны Советского Союза, а сама гонка вооружений»⁴⁶.

Приданию большой остроты стратегическим дебатам в США способствовало и то обстоятельство, что они развернулись в период начала советско-американских переговоров о сдерживании гонки стратегических вооружений. В таких условиях противники нового тура гонки

⁴⁶ «Foreign Affairs», October 1969, p. 3.

вооружений прежде всего привлекли внимание конгресса США и широкой общественности к опасным последствиям нового цикла гонки вооружений в первую очередь для безопасности самих же США. Именно этот аспект вызывал, например, особую озабоченность у сенатора Фулбрайта: «Меня тревожит, что именно в тот исторический момент, когда две ядерные державы проявили добрую волю и согласились начать переговоры о выработке эффективных мер по ограничению гонки ядерных вооружений, именно в этот момент США полным ходом движутся в направлении развертывания новой системы ядерного оружия, что, будучи ядерной эскалацией, не может не вызвать у русских подозрения»⁴⁷.

Итак, развернувшиеся в США дебаты в основном сосредоточились на программах создания системы ПРО «Сейфгард», и в процессе обсуждения политических, экономических и стратегических преимуществ и недостатков этой системы оформились два лагеря — ее сторонников и противников. Состав этих лагерей особенно характерен. Против программы ПРО выступили не только прогрессивные элементы, их американская реакция легко могла бы изобразить в качестве «подрывных», поскольку они постоянно и последовательно осуждают империалистический курс Вашингтона, но на сей раз к ним примкнула и почти половина сената, многие представители деловых кругов, ученые и эксперты, сами в недавнем прошлом игравшие видную роль в усилиях по наращиванию гонки вооружений. Среди последних — уже упомянутый Макджордж Банди, бывший директор Управления научных исследований министерства обороны США Герберт Йорк, бывший руководитель отдела Института оборонного анализа Джордж Ратженс, бывший помощник президента по науке и технике Джером Визнер, бывший советник президента Джордж Кистяковский и многие другие. Всех этих ученых, занимающих видные посты в американских академических кругах, никак нельзя было обвинить в некомпетентности, идеализме или использовании «подрывной тактики».

Лагерь сторонников развертывания новых систем вооружений сгруппировался вокруг представителей военно-промышленного комплекса, непосредственно заинте-

⁴⁷ «Bulletin of the Atomic Scientists», June 1969, p. 23.

ресованных в военных заказах, и вокруг бюрократического аппарата Пентагона и Комитета начальников штабов. К этому лагерю примкнули и ученые, известные своей приверженностью к жесткому политическому курсу: Герман Кан, Дональд Бреннан, Альберт Уолстеттер, Уильям Кинтнер и др. Характерно, что, оставаясь на протяжении многих лет активными сторонниками гонки вооружений и политики «с позиции силы», многие из них в ходе дебатов вынуждены были учесть общие настроения и зачастую мотивировать свои доводы в пользу интенсификации гонки вооружений необходимостью... «стабилизации».

Противники развертывания работ над новыми системами стратегических вооружений строят свои возражения на реальной оценке положения, сложившегося в мире к началу 70-х годов. Их общие доводы сводятся к следующему: новый этап гонки вооружений не сулит никаких преимуществ США, а лишь усилит общую опасность возникновения войны; никакими запасами оружия в настоящее время уже нельзя «купить» безопасность⁴⁸; для обеспечения действительной безопасности страны необходимы политические решения, направленные на укрепление мира и международного сотрудничества⁴⁹; стратегическое превосходство США, даже если бы его можно было достигнуть, невозможно реализовать, т. е. перенести в политическое (Банди, например, называл саму концепцию военного превосходства в настоящее время «пустым звуком»)⁵⁰; в силу технических причин

⁴⁸ Как выразил эту мысль профессор Йорк, «одним из результатов гонки вооружений явилось то, что по мере увеличения нашей военной мощи уменьшается наша национальная безопасность, и этого положения не может изменить никакая система ПРО» («Bulletin of the Atomic Scientists», June 1969, p. 43).

⁴⁹ По мнению того же Йорка, «проблема ПРО представляет собой яркий пример тщетности поисков технических средств для разрешения проблемы, которая по существу является политической» (Ibid., p. 17). Из этого же исходят и Джером Визнер, и Абрахам Чейз — авторы обширного доклада о ПРО, распространенного канцелярией сенатора Эдварда Кеннеди. По их мнению, стратегическое равновесие будет постоянно восстанавливаться на все более высоких уровнях техники и расходов.

⁵⁰ Профессор Ратженс в своей работе «Перспективы гонки стратегических вооружений в 70-х годах» называет иллюзорными даже те временные преимущества, которых стремятся достигнуть США, вступая в новый тур гонки вооружений. Ратженс под-

новые системы, в частности ПРО, не могут быть настолько эффективными, чтобы оправдать затраты; расходы на их создание нанесут серьезный ущерб американской экономике, отвлекут средства, необходимые на решение внутренних проблем, в то время как надежды на экономическое «изматывание» СССР иллюзорны.

Специалисты из Гудзоновского института во главе с Германом Каном и Дональдом Бреннаном заняли наиболее бескомпромиссную позицию среди сторонников системы ПРО. В самый разгар дебатов ими были опубликованы две работы — доклад Кана под заглавием «Анализ доводов за и против развертывания разреженной системы ПРО с точки зрения ее сторонника» и книга «Почему нужна система ПРО», написанная группой сотрудников. Среди доводов, приводимых Гудзоновским институтом в пользу системы ПРО, особо выделяются следующие:

— развертывание ее приведет к открытию ранее неизвестных свойств оружия, даст возможность дальше совершенствовать технологию;

— в связи с этим возникнет соответствующая организационная инфраструктура, развернутся гораздо более серьезные научно-исследовательские и опытно-конструкторские работы в области дальнейшего усовершенствования, рационализации и роста вооружений;

— ПРО обеспечит достаточно надежную защиту против случайного, единичного удара;

— противники ПРО говорят, что она может сработать хуже, чем ожидается, но возможен и контраргумент — ПРО может сработать «сверх всяких ожиданий хорошо»;

— в случае ядерной войны ПРО может оказать серьезное воздействие на ход событий даже в том случае, если она окажется менее эффективной, чем предполагается: уже сам факт ее наличия заставит противника либо уменьшить полезный вес ядерных боеголовок за счет добавления разного рода устройств, создающих помехи для средств перехвата, либо, что еще важнее,

крепляет свои доводы расчетами, свидетельствующими о том, что в настоящее время технически невозможна такая система ПРО, которую противник не смог бы свести на нет менее дорогостоящим усовершенствованием наступательных средств.

пересмотреть приоритеты целей. В последнем случае удар может быть сконцентрирован исключительно на защищенных ПРО больших городах, чтобы повысить вероятность их поражения,— и в таком случае средние и маленькие города окажутся в безопасности, либо, наоборот, на незащищенных районах,— и тогда в относительной безопасности окажутся крупные города.

Все эти аргументы являются стандартным набором доводов американских сторонников необузданной гонки вооружений, доводов, историческая несостоятельность которых была доказана тщетностью неоднократных попыток США добиться позиции «абсолютного превосходства» рывком на том или ином технологическом уровне.

В целом Гудзоновский институт пропагандирует систему ПРО, как и гражданскую оборону, в качестве «страховки» — логика примерно та же. Однако главный аргумент — другой: речь идет о тех «возможностях», которые система ПРО якобы сможет дать США в политическом плане, для шантажа и дипломатического нажима на другие страны, для «повышения убедительности» американской угрозы силой.

«Даже разреженная противоракетная оборона,— пишет Кан,— способствует созданию полезного «фасада» для ведения политической или психологической войны... Оборона, создающая видимость ПРО, дает основания для проявления твердости или для утверждений относительно эффективности такой обороны. Даже чисто формальное и не имеющее практического смысла превосходство может иметь весьма важное значение с политической точки зрения»⁵¹.

Нельзя не видеть, что этот центральный довод, так недвусмысленно характеризующий политическое лицо Гудзоновского института, в сущности наивен — создание ПРО ничего не изменит в соотношении сил между США и далеко уступающими им по мощи державами, а шантажировать с помощью ПРО тех, кто равен Америке по силе, все равно не удастся, поскольку им очень хорошо известны и возможности ПРО, и пределы этих возможностей. Самым убедительным подтверждением этого служит заключение 26 мая 1972 г. важнейшего До-

⁵¹ Н. К а h n. A Discussion of the Pro's and Con's of a Thin ABM System by an Advocate. N. Y., 1969.

говора между СССР и США об ограничении систем противоракетной обороны.

Если считать гонку вооружений самоцелью, то доводы Гудзоновского института могут претендовать на известную логику: работа над системой ПРО действительно не может не стать стимулом для нового подъема военной промышленности, активного развития военной науки и технологии, она подстегнет международное соперничество в области расходов на вооружение. Но именно эти последствия развертывания системы «Сейфгард» и других новейших систем вооружений и тревожат противников такого направления в развитии событий, они явно усматривают зло в том, в чем Кан и его коллеги видят благо.

Позиция Гудзоновского института становится окончательно понятной, если учесть неожиданно выплывший на поверхность факт: сборник «Почему нужна система «ПРО» — детище не только Гудзоновского института, но и министерства обороны США. Выяснилось, что в том же 1969 г. Гудзоновский институт имел с вооруженными силами контракт на исследование по аналогичной тематике стоимостью в 70 253 долл. и по меньшей мере два раздела книги написаны специалистами, которые были заняты выполнением этого контракта⁵².

Это еще раз напоминает нам о справедливости уже цитировавшегося утверждения сенатора Фулбрайта о том, что Гудзоновский институт и подобные ему «фабрики мысли» не что иное, как «креатуры министерства обороны США», а с другой стороны, служит подтверждением близости Гудзоновского института к тем высоким сферам, где делается американская политика.

2. «Эскалация» в теории и на практике

Теория «эскалации» родилась как непосредственное продолжение идей «политического» и «дозированного» применения военной силы. «Социальный заказ», который выполняют Герман Кан и его коллеги, обусловлен тем, что лидеры американского империализма, с одной стороны, не хотят, не готовы отказаться от применения

⁵² «Facts on File», July 7, 1969, p. 435.

силы как инструмента политики, как «естественного» способа разрешения международных споров, а с другой, не могут не учитывать, что война, особенно если она станет мировой термоядерной войной, чревата гибельными последствиями для самого же империализма как ее инициатора.

Первое употребление устаревшего английского слова «эскалация» (подъем вверх) в его нынешнем широко распространенном значении — интенсификация или расширение района военных действий — приписывают Герману Кану. По его определению, «эскалация» означает «повышение уровня конфликта в международных кризисных ситуациях»⁵³. Кан видит свою цель в том, чтобы проанализировать стадии нарастания конфликта и на основе этого анализа выявить открывающиеся на каждой стадии альтернативы. В результате те, кто принимает решения, будут, по замыслу Кана, отчетливо представлять, каковы их возможности и чем они рискуют, «повышая уровень конфликта», а потому смогут рационально выбрать оптимальный вариант поведения.

По мнению Кана, «эскалация» конфликта может осуществляться в трех направлениях: в направлении увеличения «интенсивности» (напряженности) конфликта, расширения района конфликта и «осложнения» эскалации.

«Например, — пишет Кан, — предположим, что происходит некий ограниченный конфликт или «борьба по соглашению»⁵⁴. Проще всего эскалировать его посредством качественного увеличения его интенсивности, т. е. продолжать делать то, что делали до сих пор, но только более активно, — может быть, использовать больше техники, новую технику, может быть, атаковать большее количество целей, например, в тылу противника. Качественным скачком было бы и применение ядерного оружия против таких целей. Можно также расширить район конфликта, район ведения действий, нарушив границы какого-либо из местных «убежищ» противника... Наконец, возможен и такой вариант эскалации, когда соз-

⁵³ Н. Кан. On Escalation. N. Y., 1965, p. 3.

⁵⁴ Термин коллеги Германа Кана по Гудзоновскому институту Макса Сингера. Подразумевается, что в ситуации, в которой происходит эскалация, обе стороны добровольно ограничивают свои действия, т. е. в сущности между ними существует некое осознанное или неосознанное «соглашение».

дают новый кризис или конфликт за пределами данного района. «Осложнение эскалации» может состоять в нападении на союзника или клиента основного противника, оно может также выразиться в нападении на войска или колонии основного противника, но географически удаленные от «центрального убежища» противника»⁵⁵.

По теории Кана, в ситуации «эскалации» борются две тенденции, предопределяя тем самым две стратегические линии, открытые для каждого из противников: с одной стороны, стремление наиболее выгодным для себя образом использовать все возможности *данного уровня* конфликта для достижения преимущества и, с другой стороны, соблазн *увеличить степень риска*, пригрозить противнику дальнейшей «эскалацией», т. е. перерастанием данного конфликта в более серьезный, вплоть до «взрыва» (eruption) — превращения ограниченной войны в так называемую центральную⁵⁶.

Надо отметить, что вся концепция «эскалации», в окончательном виде сформулированная Каном, была подготовлена рядом работ американских теоретиков, особенно Томаса Шеллинга, Поля Кешкемети и других стратегов из корпорации РЭНД. Довольно детально она разработана Муртоном Гальпериным в его известной книге «Ограниченная война в ядерный век», вышедшей в Нью-Йорке в 1963 г. Гальперин, употребляя уже термин «эскалация» в его нынешнем значении, пишет о двух видах «эскалации» — «взрыве», т. е. внезапном превращении локальной войны в центральную в результате применения стратегических ядерных сил, и «экспансии», т. е. постепенном повышении уровня применения военной силы. Гальперин, в частности, пишет: «Эти два процесса, «взрыв» и «экспансия», часто объединяют под названием «эскалация». Важно, однако, отличать эти два процесса. Те соображения, на основе которых может быть принято решение о начале централь-

⁵⁵ Н. К а н н. On Escalation, p. 4—5.

⁵⁶ Термин «центральная война» в американском военном лексиконе практически равнозначен понятию всеобщей мировой войны. Американские стратеги употребляют этот термин для описания военного столкновения либо непосредственно между США и СССР, либо такого конфликта, в который две великие державы могут быть вовлечены в качестве противника в результате акций третьей стороны. Понятие «центральной войны», таким образом, противопоставляется войне «периферийной».

ной войны, будут совсем иными, нежели те доводы, на основе которых принимались и будут приниматься решения о расширении локальной войны. На принятие последних решений влияют многочисленные факторы, включая внешнеполитические устремления обеих сторон, величину риска центральной войны в их оценке, их представления о роли силы, о внутриполитических целях и т. п.»⁵⁷

Как видим, рассуждения Кана и Гальперина весьма близки и по терминологии, и по существу. Однако если Гальперин все же противопоставляет «периферийную» войну «центральной» как качественно различные явления, то у Кана не только нет противопоставления, но, наоборот, неизменно подчеркивается единство всего процесса «эскалации» от дипломатических жестов до обмена ядерными ударами.

В более или менее окончательном виде свою теорию «эскалации» Кан изложил в опубликованной в 1965 г. книге «Об эскалации. Метафоры и сценарии». Этот труд представляет собой рассекреченную общетеоретическую часть более обширного исследования, выполненного Гудзоновским институтом для Пентагона и других заинтересованных ведомств США.

Было бы упрощением сказать, что Герман Кан в этой книге открыто пропагандирует мировую ракетно-ядерную войну. Он все же отчетливо сознает, что ядерная война чревата для Соединенных Штатов Америки, мягко говоря, «пугающе большими неопределенностями». Эта книга, по определению самого автора, посвящена разработке проблем «политического использования силы... и внимание прежде всего уделено угрозе применения силы или реальному применению насилия как факторам воздействия на переговоры»⁵⁸.

Полагая, что американцы «не свыклись с концепцией «хладнокровного» или делового ведения переговоров в атмосфере определенной угрозы или применения насилия», Кан видит свою цель в том, чтобы внушить им «спокойную, сдержанную и умеренную готовность угрожать или применять силу»⁵⁹. (Итак, с 1965 г. Кан

⁵⁷ M. Halperin. Limited War in the Nuclear Age. N. Y., 1963, p. 3.

⁵⁸ H. Kahn. On Escalation, p. 15.

⁵⁹ Ibid., p. 17.

уже считает хладнокровие достоинством, а не недостатком переговоров — трансформация примечательная!) Родившаяся в осуществление этой цели книга может быть квалифицирована как учебник по использованию давления и запугивания силой. Да, ядерной войны как таковой Кан не пропагандирует, но он пропагандирует активное использование ядерного запугивания, ядерного шантажа как вполне законного политического приема. И его при этом не останавливает тот факт, что применение подобных рецептов на практике всегда сопряжено с риском развязывания настоящей ракетно-ядерной войны. По свидетельствам американской печати, Кан с удивлением и обидой встречает утверждения о том, что он «поджигатель войны». Однако трудно не согласиться с критиками Кана в том, что граница между пропагандой войны и пропагандой политики на грани войны весьма и весьма условна.

В центре книги «Об эскалации» находится разработанная Каном «лестница эскалации» — метафора в терминологии Кана, предназначенная для того, чтобы «развить и возбудить воображение». Построение «лестницы» — методический прием, нацеленный на то, чтобы нагляднее представить нарастание или затухание кризиса и составить «опись» альтернативных курсов действий, якобы открывающихся на каждом новом этапе развития кризиса. По свидетельству автора, его основная идея сводилась к тому, чтобы показать с помощью «лестницы», каковы те «пологие» пути, которые ведут от кризисов малой напряженности ко всеобщей войне.

Кан трактует эту лестницу как «генератор сценариев», описывающих путь от инцидентов в стиле «холодной войны» до ядерного побоища и его последствий. «Лестница эскалации» уже полностью приводилась в советской научной литературе⁶⁰, поэтому мы не будем повторяться, тем более что нет смысла комментировать каждую ее ступень, ибо это уведет в дебри нарочито осложненной специальной терминологии американских стратегов. Мы постараемся дать обобщенное описание концепции, выявив ее наиболее существенные аспекты.

⁶⁰ См. Г. А. Трофименко. Стратегия глобальной войны. М., 1968, стр. 154.

44 ступени «лестницы» объединены в 7 групп, отделенных друг от друга «порогами» — пунктами, в которых происходит крутой психологический перелом в отношении к масштабам применения силы, что влечет за собой качественные изменения характера эскалации.

Что же это за пороги, условно разграничивающие стадии конфликта в зависимости от достигнутого накала?

Первый психологический барьер, который, по мнению Кана, предстоит взять вступившим на путь эскалации, связан с переходом от воинственных заявлений непосредственно к демонстрации силы. Демонстрация силы, а затем и «беспокоящие действия с применением силы» постепенно втягивают стороны в развернутые боевые действия обычного типа и подводят к необходимости преодолеть и следующий порог — допустить реальность, «мыслимость» ядерной войны. Это в свою очередь влечет за собой сначала «ядерные ультиматумы» (своего рода ядерную психическую атаку), а затем и откровенное применение ядерного оружия, которое свидетельствует о разрушении очередного, «ядерного» порога.

После этого решающего шага Кан находит еще три порога — от локальной ядерной войны к обмену «показательными» ядерными ударами по целям уже внутри территории главных противников (так называемые «удары по главному убежищу противника»), далее — к массированным залпам по ракетным установкам противника и, наконец, к ничем не замаскированной войне против гражданского населения противника. Вскоре после этого ядерная война, по Кану, вступает в последнюю стадию — «обмен конвульсивными или бессмысленными ударами», апогей взаимного уничтожения.

Как явствует уже из такого сжатого изложения, каждая ступень «лестницы», ведущей снизу вверх — от предкризисного маневрирования к ядерному Армагеддону, — представляет собой очередную, новую фазу разрастания конфликта.

Кан в своем изложении подчеркивает необязательность неуклонного продвижения вверх по лестнице эскалации, он считает, что в равной мере возможен и спуск вниз, а также «перепрыгивание» через несколько ступеней. Наряду с идеей «лестницы» он предлагает и другую метафору. «В нашем понимании, — пишет Кан, — ти-

пичная эскалационная ситуация в отношениях между США и Советским Союзом может быть уподоблена универмагу, в котором семь этажей. На каждом этаже имеется набор альтернатив разной степени напряженности, но все же характерных именно для данного этажа. Принимающие решения с обеих сторон могут выбирать из этого ассортимента»⁶¹.

Для иллюстрации приведем «ассортимент» акций, предлагаемых Каном на том «этаже», где уже допускается мысль о возможности ядерной войны. Предлагается 11 альтернатив: разрыв дипломатических отношений в провокационных целях, состояние сверхготовности, большая война обычного типа, значительная осложненная эскалация, объявление ограниченной войны обычного типа, изолированные случаи применения ядерного оружия, ядерные «ультиматумы», ограниченная эвакуация населения (до 20%), бьющая на эффект демонстрация силы, «оправданный» контрсилловой удар, «мирное» установление полной блокады (ступени 10—20).

Как видим, фактическое применение ядерного оружия уже предусмотрено 15-й ступенью, однако между нею и последней 44-й ступенью «лестницы» изобретено еще 28 промежуточных альтернатив, создающих видимость «дозированного» применения силы, сохранения полного «контроля» над событиями.

Искусственность построения Кана особенно очевидна на верхних ступенях «лестницы» начиная с 32-й, которая в его схеме уже представляет собой объявление «всеобщей войны». «Всеобщая война» детализирована следующим образом: формальное объявление «всеобщей войны», замедленная война против имущественных ценностей, замедленная контрсилловая война, контролируемый залп с целью вывода из строя части войск противника, контролируемый залп с целью обезоруживания противника, контрсилловой удар, избегающий поражения невоенных целей, неограниченный контрсилловой удар (ступени 32—38), замедленная война против городов, залп по имущественным ценностям, усиленный удар с целью обезоруживания противника, удар с целью уничтожения гражданского населения, некоторые другие виды контролируемой ядерной войны, конвульсивная или

⁶¹ Н. К а н. On Escalation, p. 41.

бессмысленная война (ступени 39—44, т. е. после перехода через последний порог и начала нанесения ударов прямо по городам).

Мы еще вернемся к рассмотрению самого этого построения и к мысли о его искусственности. Пока же остановимся на том, как представляет себе Кан механизм действия эскалации. В чем, по его мнению, состоит «политическое» применение силы?

Поставив перед собой какую-либо политическую цель, рассуждает Кан, Соединенные Штаты должны отдавать себе отчет в том, насколько они готовы идти на риск ради ее осуществления, поскольку для достижения этой цели они могут быть вынуждены не только угрожать силой, но и применить ее, если противник окажется «несговорчивым». В сущности процесс эскалации — это состязание в готовности идти на риск, в решимости, в крепости нервов. «Слабонервная» жертва, поставленная перед фактом готовности США идти на обострение конфликта, возможно, сразу же удовлетворит американские требования, не принимая вызова. Если же этого не произойдет, США начнут планомерную и неуклонную «эскалацию» конфликта, перейдут к применению военной силы, к наращиванию масштабов военных операций и т. д. «Коэффициент боли», испытываемой противником, будет соответственно повышаться. Каждый раз, когда Соединенные Штаты будут перешагивать с одной ступеньки эскалации на другую, по мнению Кана, перед их оппонентом будет возникать одна и та же дилемма: либо уступить «превосходящей силе», прекратить сопротивление и удовлетворить требования американцев, либо идти вслед за США на новое обострение конфликта. Параллельно, по замыслу Кана, на противника предпринимается «психологическая атака»: до его сведения регулярно доводится по всем возможным каналам информация о «решимости США бороться до победы», не останавливаясь ни перед чем. Расчет делается на то, что в конце концов противник будет измотан и деморализован и на какой-то очередной ступеньке эскалации его способность к сопротивлению иссякнет, что и будет залогом «успешных», с американской точки зрения, переговоров, в ходе которых США добьются уже без труда желаемых результатов. Именно в этом смысле Кан называет «эскала-

цию» фактором, «помогающим ведению переговоров», т. е. орудием военно-политического шантажа, если выражаться без характерных для лексикона американских стратегов эвфемизмов. Даже деэскалацию, т. е. движение в направлении снижения кризисной напряженности, Кан ставит в зависимость от того, обеспечит ли она «подлинные политические уступки» со стороны противника.

Однако важно отметить, что Кан и его единомышленники все же пришли к признанию невозможности в ряде случаев и даже нецелесообразности прямого использования военной силы капиталистическими державами. Стало ясно, что и главной стране капиталистического мира — США — невозможно без риска самоубийства физически применить военную силу против СССР. Это в свою очередь не может не налагать ограничений на использование Соединенными Штатами военной силы даже в тех случаях, когда непосредственного военного конфликта с СССР нет, но есть угроза, что конфликт, в который вовлечены США, приведет к столкновению с Советским Союзом.

В таких условиях, согласно Кану, большое значение приобретает психолого-политическое использование военной силы, «балансирование на грани войны», но не сама война. «В международных отношениях,— пишет Кан,— эскалация используется для того, чтобы способствовать переговорам или оказать давление на одну сторону или обе с тем, чтобы урегулировать проблему без войны»⁶². Тут на первый план выступает такой аспект «эскалации», как использование «видимости силы»,— «военные хитрости, уловки, бескровная пантомима будут, видимо, все более входить в практику международных конфликтов, поскольку применение самой военной силы становится столь опасным»⁶³.

В поисках «цивилизованного» варианта войны Кан с явной ностальгией пишет о том, насколько «изящно» велась война, например, в средневековой Италии, когда ее можно было «передоверить» профессионалам-кондотьерам. Именно эту войну «по доверенности» он и именуется «бескровной пантомимой».

⁶² Н. К а н. On Escalation, p. 12.

⁶³ Ibid., p. 247.

Анализируя концепцию «эскалации», советский исследователь А. Каренин называет ее продолжением даллесовских идей «балансирования на грани войны» применительно к стратегии «гибкого реагирования»⁶⁴. Если Даллес по существу угрожал человечеству всеобщей ядерной катастрофой, то в нынешних условиях потребовалась более эластичная концепция с постепенным нарастанием угрозы. Вместо даллесовского единовременного ядерного удара Кан предлагает целую цепь «контролируемых» акций, якобы позволяющих сохранить «ограниченный» характер войны независимо от уровня ее ожесточенности.

Нет необходимости в подробном описании и анализе каждой ступени кановской «лестницы эскалации», мы остановимся на наиболее существенных аспектах всей концепции в целом.

Идея соблюдения «правил игры». Если еще в конце 40-х — начале 50-х годов в Америке даже не возникало вопроса о том, смогут ли США выжить в результате мировой термоядерной войны, то с 60-х годов умы американских стратегов все более занимает проблема «выживания». По недвусмысленному свидетельству Германа Кана, «если у вас нет теории о том, что вы сможете пережить войну, вы вряд ли решитесь нажать кнопку»⁶⁵. А поскольку американский империализм не хочет «связывать себе руки» отказом от войны как средства политики, постольку его теоретики заняты разработкой стратегий, якобы рассчитанных на то, чтобы вести ядерную войну и все же выжить.

Однако уже сам по себе центральный постулат всех стратегий такого рода, утверждающий, что спасение для воюющих сторон состоит единственно в соблюдении неких надуманных «правил» ведения войны, обрекает эти стратегии на неудачу. «Возможно, что если бы силы, которым придется отвечать на американскую агрессию, согласились соблюдать американские «правила игры», то американский империализм и мог бы уйти от окончательного поражения,— пишет Г. А. Трофименко.— Но все дело в том, что социалистические страны в новой

⁶⁴ А. Каренин. *Философия политического насилия*. М., 1971, стр. 193—194.

⁶⁵ «U. S. News and World Report», June 7, 1965, p. 49.

мировой войне, если она будет развязана империалистами, будут вести боевые действия не по правилам, разработанным в американских электронно-вычислительных центрах, а в соответствии со своей собственной военной стратегией, опирающейся на все достижения марксистской науки и рассчитанной на обеспечение полного и сокрушительного разгрома любого врага, который осмелится посягнуть на социализм»⁶⁶.

Хотя Кан и представляет свою схему как некую обобщенную объективную модель, ему все же приходится оговорить, что рассматриваемая в его книге «лестница эскалации является в некотором смысле скорее американской, чем советской»⁶⁷. И американской ее можно назвать не только потому, что в ее основе лежат именно американские военно-политические принципы использования силы, но еще и потому, что она предполагает выбор лишь таких альтернатив, которые давали бы односторонние преимущества США. «Правила игры», предлагаемые Каном и другими американскими стратегами, отличаются несомненной тенденциозностью и приспособлены к нуждам Пентагона, хотя Кан и утверждает, что этих «правил» должны придерживаться «ради собственных интересов» как США, так и СССР в случае возникновения войны (Кан в предисловии к книге «О термоядерной войне» фактически прямо обращается к советским военным теоретикам с призывом принять «общие правила» ведения войны).

Выработка «совместных правил» якобы призвана служить гуманной цели — уменьшению числа возможных жертв, но в сущности в основе этого предложения лежит стремление, во-первых, создать максимально благоприятные условия для США и, во-вторых, обелить войну в глазах общественности.

Исключая из рассмотрения отказ от применения военной силы или угрозы ею, Кан видит залог предотвращения «всемирной катастрофы» в намеренном ограничении военных действий, причем существенно важным элементом этого ограничения являются «нелогичные ограничительные аспекты правил - игры». «Ограниченная война,— пишет Кан,— практически по самому своему

⁶⁶ Г. А. Трофименко. Указ. соч., стр. 135.

⁶⁷ Н. Кан. On Escalation, p. 53.

определению, должна быть искусственной, и чем выше степень искусственности, тем более очевидны — и, возможно, более надежны — ограничения, налагаемые на насилие в чистом виде»⁶⁸. Вся эта «искусственность», однако, сводится на деле к облегчению положения агрессора, поскольку подразумевается, что обороняющаяся сторона не должна выходить за рамки «тех способов и уровней» использования силы, которые «предложит» наступающая.

Но разве мыслимо, чтобы та или иная страна, в том числе и Советский Союз, взяла на себя обязательства соблюдать правила поведения в военном конфликте, явно преследующие цель облегчить военные действия против нее? Достаточно только поставить этот вопрос, как сразу обнаруживается вся несостоятельность псевдонаучных построений Кана. Гарантия безопасности международной системы государств заключается не в соблюдении искусственных, высосанных из пальца «правил» в случае вооруженного столкновения, а в выполнении государствами принципов Устава ООН, исключающего войну как средство международной политики, в принятии специальных конкретных мер. Целая и последовательная система таких мер, направленных на оздоровление международной обстановки, была изложена в Отчетном докладе Центрального Комитета КПСС XXIV съезду Коммунистической партии Советского Союза и полностью одобрена съездом. Главные направления этой политики включают такие задачи, как превращение отказа от применения силы и угрозы ее применения для решения спорных вопросов, в действительный закон международной жизни; как обеспечение коллективной безопасности, запрет ядерного, химического и бактериологического оружия и ядерное разоружение; как ликвидация иностранных военных баз и сокращение вооруженных сил и вооружений в районах, где военное противостояние особенно опасно, прежде всего — в Центральной Европе; как разработка мер, уменьшающих вероятность случайного возникновения или преднамеренной фабрикации военных инцидентов и их перерастания в международные кризисы, в войну⁶⁹. Только на такой основе, а не на основе

⁶⁸ Ibid., p. 121.

⁶⁹ См. «Материалы XXIV съезда КПСС» .М., 1971, стр. 29—30.

идеи соблюдения схоластических «правил» могут быть действительно защищены подлинные интересы человечества.

Если же агрессия все же не будет предотвращена, то не вызывает сомнения, что ставшая ее жертвой страна постарается принять максимально эффективные меры для своей защиты и пресечения агрессии.

Стратегия «контрсилы». Германа Кана считают одним из главных апологетов стратегии «контрсилы». Она была официально провозглашена министром обороны США Робертом Макнамарой 16 июня 1962 г. в речи в Мичиганском университете и по существу до сих пор сохраняет свое значение в ядерных концепциях Пентагона.

Вот как излагает эту стратегию сам Кан: «Нападающая сторона... может взять на вооружение следующую тактику, которая, если она сработает, может уберечь от значительных потерь, если нет,— то попытка ее применить обойдется очень дешево в сравнении с потенциальным выигрышем. Эта тактика состоит в том, чтобы намеренно избегать городов и сосредоточить первые удары на наступательных средствах противника и на его ПВО»⁷⁰. Затем, по мысли Кана, когда военные объекты будут выведены из строя, подвергаясь нападению страна будет более или менее беззащитна перед дальнейшими ударами, создадутся достаточно благоприятные условия для переговоров. Причем центральная идея сводится к тому, что если первый, «обезоруживающий» удар не будет полностью эффективным и жертва нападения все же сумеет дать отпор, то весь последующий обмен ядерными ударами все равно должен иметь своей целью не города, а военные объекты. Если вспомнить «лестницу эскалации» Кана, то бросается в глаза, что она, вплоть до самых верхних нескольких ступенек, построена на соблюдении идеи «контрсилы» ударов.

На первый взгляд, стратегия «контрсилы» как реализация идеи введения «правил игры» создает иллюзию гуманности американских милитаристов, будто бы озабоченных охраной интересов гражданского населе-

⁷⁰ H. K a h n. On Thermonuclear War, p. 168.

ния, причем не только населения США, но и их предполагаемого противника. Однако при ближайшем рассмотрении выясняется, что она продиктована отнюдь не человеколюбием, а все тем же стремлением «выйти сухими из воды» в случае термоядерного конфликта. По свидетельству Ричарда Фриклунда, в то время военного обозревателя газеты «Вашингтон стар», в 1960—1962 гг. ВВС США провели серию военных игр с применением электронно-вычислительной техники и пришли к выводу, что при ракетно-ядерном ударе по американским городам Соединенные Штаты войну неизбежно проигрывают; если же города будут щадить, то США войну или выигрывают, или добиваются благоприятного для себя урегулирования⁷¹.

В таком выводе нет ничего удивительного, если учесть высокую концентрацию населения и материальных ценностей в американских городах, прежде всего в городах, расположенных узкой полосой вдоль западного и восточного океанских побережий. Поэтому понятно, что как для Кана и его коллег-стратегов, так и для официального военного руководства США стратегия, подразумевающая договоренность с противником об отказе от ударов по городам, представилась ценнейшей находкой, выходом из «ядерного тупика». Облеченная в гуманную фразеологию (Кан, в частности, пишет, что ему понятно желание сражаться до последнего солдата, но он практически не может себе представить, для чего сражаться до последней женщины, последнего ребенка)⁷², стратегия «контрсилы» показалась ее авторам лазейкой, позволяющей рассматривать ракеты с ядерными боеголовками как вполне применимое оружие. С одной стороны, она служила успокоению общественного мнения, поскольку рисовала картину «не страшной» ядерной войны, с другой стороны, она как будто бы сулила американскому руководству возможность избежать окончательного поражения. Об этом совершенно откровенно заявил Роберт Макнамара в уже упоминавшейся речи, обосновывая целесообразность стратегии «контрсилы». «Эта стратегия,— говорил он,— преследует цель сохра-

⁷¹ R. Fryklund. 100 Million Lives. Maximum Survival in a Nuclear War. N. Y., 1962, p. 16.

⁷² H. Kahn. On Thermonuclear War, p. 169.

нить наш общественный строй в случае, если разразится война»⁷³.

Фальсификаторский характер стратегии «контрсилы», необоснованность утверждений о «безобидности» «контрсиловой» ракетно-ядерной войны для гражданского населения выявились довольно быстро. Видный американский физик Герберт Йорк в своей книге «Бег к небытию» пишет о невозможности на практике «щадить города» в случае ракетно-ядерной войны: «Многие так называемые военные объекты — это правительственные центры и пункты управления, крупные узлы транспорта и связи, важнейшие порты и научные центры. Короче говоря, список «военных объектов» такого рода фактически совпадает со списком крупнейших населенных пунктов, и проводить различие между ними, как это часто делается, бессмысленно. Конечно, существуют военные объекты, которые не являются частью большого города и которые не будут пусты к моменту ответного удара. Таковы, например, установки зенитных ракет, но против них будет направлена столь малая доля ударной силы, что это в сущности не меняет картины»⁷⁴. Таким образом, стратегия «контрсилы» не выдерживает научной проверки и оказывается не чем иным, как демагогией, рассчитанной на обман американского народа.

Такой же демагогией на поверку оказывается и оборонительный характер этой стратегии. Стратегия «контрсилы», по единодушной оценке американских и иностранных специалистов, является стратегией превентивной войны по самой своей логике. Во-первых, сторона, которая намерена применять ядерное оружие только в целях самозащиты, не заинтересована в выработке подобных правил, поскольку она не собирается первой наносить удары ни по городам, ни по военным объектам; с другой стороны, тот, кто замышляет нанести первый удар, побоится ответных санкций, он заинтересован в том, чтобы заранее обусловить определенное ограничение этих санкций. Во-вторых, обороняющейся стороне фактически бессмысленно наносить ответный удар по сугубо военным объектам нападающей, ибо к моменту

⁷³ «New York Times», June 18, 1962.

⁷⁴ Цит. по: «США: экономика, политика, идеология», 1971, № 4, стр. 99—100.

такого ответа нападающая сторона уже использует свои ракеты и бомбардировщики, которые, с точки зрения концепции «контрсилы», и должны являться главными целями обеих сторон. Таким образом, обороняющейся стороне предлагают отвечать на нападение ударом по пустым ракетным шахтам противника, аэродромам, покинутым бомбардировщиками, и т. д. Иначе говоря, принцип «контрсилы» ставит отвечающую сторону в несравнимо худшие условия по сравнению с нападающей. В сущности Герман Кан признает, что стратегия «контрсилы» должна больше всего устраивать страну, замысляющую агрессию⁷⁵.

В условиях же попыток соединения концепции «контрсилы» с мероприятиями, направленными на повышение защищенности страны, замысляющей «контрсиловою» удар (мероприятиями типа ПРО и пассивной противоатомной защиты), агрессивный характер стратегии «контрсилы» оказывается подчеркнуто очевидным.

Еще один важнейший аспект стратегии «контрсилы», предопределивший повышенный интерес к ней американ-

⁷⁵ Н. Кан. Thinking About the Unthinkable, p. 68.

Того же мнения придерживался и Г. Киссинджер, писавший в книге «Необходимость выбора»: «Главная трудность с идеей стратегии контрсилы заключается в том, что ее почти невозможно примирить с занятием позиции стратегической обороны» (Н. Kissinger. The Necessity for Choice, p. 27).

Нынешний директор Института политических исследований в Вашингтоне Артур Уоскоу, давший в своей книге «Пределы обороны» развернутую критику стратегии «контрсилы», пишет: «Хотя практическая невозможность вести войну согласно концепции контрсилы, по-видимому, является уже достаточным доводом против этой концепции, не мешает остановиться и на еще более серьезном доводе... Он заключается в том, что эта теория, сама по себе не позволяющая предотвратить войну, таит в себе, кроме того, большую опасность произвольного втягивания стран в войну. Стратегия контрсилы почти неизбежно отдает преимущество той стороне, которая первой нанесет удар... Давление обстоятельств может оказаться столь сильным, что любая из сторон будет вынуждена, упреждая удар противника, нанести удар первой. В результате даже небольшие международные кризисы будут неумолимо толкать обе стороны на грань войны, а если они вовремя не откажутся от стратегии контрсилы, то и непосредственно в пучину войны. В теории контрсилы есть такие положения, которые делают мир висющим на волоске» (А. Уоскоу. Пределы обороны. Воениздат, 1964, стр. 48—49). Таким образом, сами американские теоретики опровергают мнение об оборонительном характере концепции «контрсилы».

ских военных и военно-промышленных кругов, состоит в том, что государство, избравшее такую стратегию, должно располагать очень большим количеством ракет, достаточным для нанесения ударов по рассредоточенным военным объектам, в частности по шахтам ракет противника. В силу этого данная концепция требует соответствующего подхода к строительству вооруженных сил, резкого расширения строительства межконтинентальных ракет, усиления гонки вооружений. Так, например, трактовалась стратегия «контрсилы» в последних работах У. Кинтнера, который упорно отстаивал курс на сохранение безусловного американского стратегического превосходства на базе превосходства в области военной технологии ради возможности нанесения «обезоруживающего» первого ракетно-ядерного удара по противнику¹⁶. Очевидно, что это как раз и отвечало интересам определенных кругов в США. Вероятно, именно поэтому, невзирая на многочисленные доказательства несостоятельности этой стратегии, американская администрация долго не могли расстаться с ней.

Комментируя новый период муссирования концепций «контрсилы», Герберт Сквилл, бывший заместитель директора Центрального разведывательного управления и бывший помощник директора Агентства по разоружению и контролю над вооружениями, расценивает его как попытку не дать «засохнуть на корню» программам создания нового оружия, поскольку «под пристальными взглядами конгресса и общественности отстаивать необходимость создания нового оружия становится все труднее». Если же встать на позицию теории «контрсилы», пишет Сквилл, то «наши силы пришлось бы весьма значительно улучшить и расширить. Потребовалось бы создать новые, почти совсем неуязвимые ракеты с многочисленными боеголовками МИРВ с точным наведением.

Такое сложное оружие нельзя было бы отличить от оружия первого удара... Эта новая стратегия уничтожения оружия противника оправдала бы выполнение доро-

¹⁶ R. M. Nixon. United States' Foreign Policy for the 1970's: A New Strategy for Peace. «Weekly Compilation of Presidential Documents», February 23, 1970, p. 230.

гостоящих программ производства новейшего оружия...»⁷⁷

Таким образом, как мы видим, определенные силы в США не оставляют попыток гальванизировать теорию «контрсилы», которую Герман Кан активнейшим образом пропагандирует с начала 60-х годов, и использовать эту теорию для оправдания нового витка в гонке вооружений, тем более что ее псевдогуманные формулировки помогают вводить в заблуждение общественное мнение, маскируя ее подлинную агрессивную сущность. В этом смысле нельзя не согласиться с заключением Герберта Сквилла о том, что пытаться говорить о возможности «бескровной ядерной войны равносильно увеличению опасности ядерной катастрофы»⁷⁸.

Значение «ядерного порога». «Ядерный порог», т. е. некий произвольно и априори определяемый уровень интенсивности начавшегося конфликта, по достижении которого может быть принято решение о применении ядерного оружия, служит предметом многочисленных исследований Гудзоновского института. «Ядерному порогу» посвящено немало работ Фрэнка Армбрустера, Раймонда Гастиля, Макса Сингера, Эдмунда Стилмена и самого Германа Кана.

В книге «Об эскалации» Кан называет «ядерный порог» вопросом «самым важным и наверняка больше всего обсуждаемым в сегодняшней военной теории»⁷⁹.

Известный специалист по системному анализу Ален Энтховен, будучи на посту заместителя помощника министра обороны США, писал, что в попытках ограничить применение насилия в мире «ядерный порог играет особую роль — он легко определим, служит заметной вехой, и если народы заинтересованы в ограничении войны, на случай возникновения таковой, то ядерный порог — это наиболее удобный ориентир; у противников есть все основания прийти к соглашению не переступить ядерный порог, поскольку если они переступят через него, то лишат себя возможности ввести аналогичное легко обнаруживаемое ограничение на применение оружия: после ядерного порога нет никаких других

⁷⁷ «New York Times», December 2, 1970.

⁷⁸ Ibidem.

⁷⁹ H. K a h n. On Escalation, p. 94.

заметных порогов на всем протяжении разрушительного диапазона термоядерной войны»⁸⁰.

В Америке, однако, распространена и прямо противоположная точка зрения. Те, кто придерживается ее, фактически отказываются видеть качественное отличие ядерного и термоядерного оружия от оружия обычного типа; в своих рассуждениях они трактуют ядерное оружие просто как «взрывчатое вещество повышенной мощности». Кое-кто из рассуждающих подобным образом рисует применение атомного и водородного оружия чуть ли не как благо. Образчиком подобных рассуждений может служить следующая выдержка из журнала ВВС «Эр резервист»: «Если будет получена санкция президента, то применение ядерных зарядов подобающей случаю величины могло бы обеспечить быстрое прекращение военных действий, сократить потери американских и союзных войск, а также ограничить — именно ограничить, а не увеличить — масштабы хозяйственной разрухи, которая всегда сопутствовала длительным военным кампаниям»⁸¹.

Хотя на словах Кан не причисляет себя ни к первой, ни ко второй группе, его позиция все же ближе к тем, кто смотрит на применение ядерного оружия «просто». По мнению Кана, например, разработка пресловутого «чистого» ядерного оружия могла бы сделать несущественными многие возражения против применения оружия массового уничтожения⁸². К перспективе «нарушения ядерного порога» Кан также относится весьма спокойно. «Обычные опасения относительно того, что любое применение ядерного оружия, сколь бы оно ни было ограниченным, по всей вероятности, повлечет за собой немедленную тотальную эскалацию ...представляются весьма искусственными», — пишет он⁸³. Применение ядерного оружия — по крайней мере, немногочисленное — рассматривается Каном почти столь же благожелательно, как и цитировавшимися уже теоретиками из «Эр резервист». Кан не только с ходу отмечает перспективу катастрофической эскалации вслед за применением ядер-

⁸⁰ «Aviation Week and Space Technology», February 18, 1963, p. 39

⁸¹ «Air Reservist», February 1963, p. 15.

⁸² H. Kahn. On Thermonuclear War, p. 96.

⁸³ Ibid., p. 99.

ного оружия, но считает, что в результате «обе стороны — как нападающая, так и обороняющаяся — будут, по всей вероятности, настолько напуганы, что они, видимо, сразу согласятся на какой-то компромисс и договорятся о прекращении огня немедленно после ядерного удара»⁸⁴. Более того, в извращенном представлении Кана мир, который наступит после «целенаправленного» применения ядерного оружия, «будет более стабилен и прочен, чем до войны»⁸⁵.

Стремясь успокоить читателя, уверить его в том, что применение ядерного оружия вовсе не должно иметь катастрофических последствий, Кан исподволь вталкивает мысль о неизбежности использования этого оружия рано или поздно просто в силу того, что с «прогрессом бороться бесполезно», а ядерное оружие — это и есть «прогресс в деле военной технологии» (кстати, подобную аргументацию использует и «отец водородной бомбы» Эдвард Теллер).

Теория Кана стремится оторвать друг от друга понятия «ядерная война» и «немыслимая катастрофа», не дать сформироваться в человеческом мозгу соответствующему стереотипу. Именно на это и нацелена вся «верхняя» половина его «лестницы эскалации». В сущности ядерное оружие, по Кану, пущено в ход уже с 15-й ступени, а с 21-й ступени идет настоящая ядерная война. 32-я ступень знаменует собой фактическую войну на уничтожение с применением всех имеющихся в наличии средств — но даже и тут Кан изобретает еще 11 якобы различных этапов.

Для Кана не имеет большого значения искусственность его построений, он и сам с готовностью признает «искусственность и абстрактность» теории эскалации, свою склонность рассматривать «возможность как такую, невзирая на ее достоверность или вероятность». И все же цели, которые преследует Кан, когда он плетет хитроумный узор своих умозрительных концепций, абсолютно осязаемы.

Ганс Моргентау недавно писал: «Когда я смотрю на эту схему (имеется в виду «лестница эскалации». — *И. Ш.*), у меня возникает то же ощущение, что при

⁸⁴ Ibid., p. 110—111.

⁸⁵ Ibid., p. 167.

встречах с современным искусством: я восхищаюсь изобретательностью, не совсем понимаю, в чем тут дело, и задаюсь вопросом: а есть ли во всем этом необходимость?»⁸⁶

Хотя Моргентау такой необходимости не видит, она явно существует, с точки зрения Кана и его работодателей. Прежде всего Кан предлагает схему, весьма устраивающую Пентагон. Ракетно-ядерная война вовсе не является каким-то единовременным актом, убеждает Кан; существует широкий диапазон применения ракетно-ядерного оружия, так что стратегия не сводится просто к нажатию «всех кнопок». Более того, вплоть до 43-й степени остается гипотетическая возможность остановиться, и потому доведение риска до такой точки якобы не чревато опасностью гибели, а следовательно, нет оснований бояться не только «пробы воли», но даже и «пробы сил» на весьма высоком стратегическом ядерном уровне.

С одной стороны, эта логика рассчитана на обработку сознания обывателя, приучения его все к той же мысли о «приемлемости» термоядерной войны. Но, с другой стороны, рассуждения Кана ведут и к вполне «материальным», практическим выводам. Столь большое многообразие способов применения ракетно-ядерного оружия явно ведет к признанию необходимости создания весьма разнообразного и почти неограниченного количественно арсенала ракет, что, видимо, и требовалось обосновать для тех, кто заинтересован в производстве и накоплении запасов этих ракет. Недаром исследование проблем эскалации в основном финансировалось одной из ведущих в тот период ракетостроительных монополий США — «Мартин компани», которая, естественно, в первую очередь интересовалась проблемой расширения рынка для своей продукции. Отсюда, видимо, и крен в книге Кана «Об эскалации» в сторону особой детализации высших ступеней эскалации, требующих применения стратегических ракет против военных объектов, городов и гражданского населения противника.

Таков, видимо, общий смысл усилий Германа Кана и его единомышленников, вроде Эдварда Теллера⁸⁷, на-

⁸⁶ Н. J. Morgenthau. Truth and Power. N. Y., 1970, p. 282.

⁸⁷ Рассуждения Э. Теллера о ядерном оружии весьма близки к рассуждениям Кана: «В нашем опасном мире мы не сможем

правленных на «размывание» представления о «ядерном пороге» и вообще представления о ядерной войне как о роковом для человечества событии.

Вполне возможно, что Кан был бы еще более откровенным в описании «благотворительных» аспектов распространения ядерного оружия и его применения, если бы политический климат в мире и в самих Соединенных Штатах был несколько иным. Кану приходится считаться с общественным мнением и оговариваться, заключая свои рассуждения о «ядерном пороге»: «Американский политический деятель, собирающийся применить ядерное оружие в конфликте среднего значения, стоит перед лицом... настолько сильного отвращения как к ядерному оружию, так и к тому, кто пустил его в ход, что потенциальная возможность потери Америкой своего политического влияния в результате применения такого оружия может свести к нулю узковоенные преимущества, которые может дать его использование»⁸⁸.

Эскалация на практике. Предложенная Германом Каном теория эскалации никогда не провозглашалась официальной концепцией правительства США, однако очень многие данные указывают на то, что действия американских вооруженных сил во Вьетнаме представляли попытку практического использования тактики эскалации. Хотя сам Кан всячески отрешивается от соединения своего имени с эскалацией агрессии во Вьетнаме, тем не менее остается фактом, что так называемые «исследования вьетнамских проблем» занимали одно из первых мест в системе приоритетов Гудзоновского института, а сам Герман Кан практически ежегодно 1—2 раза выезжал в Южный Вьетнам для изучения обстановки, инструктажей и выработки новых рекомендаций.

Конечно, вряд ли можно назвать абстрактную схему Кана генеральным планом, по которому развивалась американская агрессия против вьетнамского народа, но

избежать войны, если мы не будем сильными. Мы не можем быть сильными, если мы не будем полностью готовы к тому, чтобы использовать величайшую современную мощь — ядерные вещества. Ядерное оружие может быть применено в ограниченных масштабах на любом уровне серьезного конфликта. Ядерное оружие не означает конца мира...» (E. Teller (with A. Brown). *The Legacy of Hiroshima*. N. Y., 1962, p. VIII).

⁸⁸ Н. К а h n. *On Escalation*, p. 31.

попытки пентагоновских генералов использовать некоторые идеи книги «Об эскалации» и, по-видимому, большого числа закрытых докладов аналогичного плана, подготовленных Гудзоновским институтом, сомнения не вызывают. Дело не только в совпадении во времени выхода в свет книги Кана и перехода США во Вьетнаме от тактики «противопартизанских действий» к тактике локальной войны более или менее обычного типа и расширения воздушной войны. Брошенное Каном слово «эскалация» недаром быстро привилось во всей мировой прессе для описания военного курса, проводившегося США в Юго-Восточной Азии. Суть этого курса действительно укладывается в понятие «эскалации», т. е. тактики сознательного обострения и расширения конфликта с целью достижения определенных политических и военных целей (в данном случае таковыми являлось возведение преграды на пути дальнейшего развития национально-освободительных движений в Азии и даже в других районах мира, чтобы тем самым изменить политический баланс сил, сложившийся в мире). Сломить противника угрозой применения силы или угрозой наращивания масштабов ее применения — вот суть теории «эскалации»; на это же была рассчитана и деятельность американских интервентов во Вьетнаме.

Если сопоставить «лестницу эскалации» Кана с хронологией наращивания американской «вовлеченности» во вьетнамский конфликт, то вначале создается ощущение, что Пентагон действовал строго «по учебнику» (видимо, именно это сходство и дало основания некоторым органам американской прессы считать Кана истинным творцом вьетнамской политики США, что нельзя не признать преувеличением). Проследим схематически, как развивались события во Вьетнаме и насколько они шли «по Кану».

Первая ступенька «лестницы» Кана (считая от базовой линии «разногласий») гласит — «показной кризис», т. е. кризис, искусственно созданный для обострения ситуаций, объективно не являющейся столь напряженной. При ближайшем рассмотрении так называемые события в Тонкинском заливе в августе 1964 г. оказываются как раз таким «показным кризисом», намеренно спровоцированным американской военщиной. К лету 1964 г. было уже очевидно, что американская тактика «противопар-

тизанских действий» во Вьетнаме, т. е. тактика борьбы против национально-освободительного движения по преимуществу необычными, диверсионно-террористическими, тайными методами, фактически провzдилась, и американское правительство стояло накануне принятия решения о расширении и интенсификации агрессии в Южном Вьетнаме, с целью достижения «победы». Бомбардировки Лаоса, начавшиеся в мае 1964 г., явно выглядели как превентивные меры по «обеспечению флангов». Американские стратеги отчетливо сознавали, видимо, что ДРВ вряд ли может остаться безучастной к расширению американского вмешательства в дела Южного Вьетнама и со временем может стать активным тылом южновьетнамских сил сопротивления агрессии. Поэтому агрессия против ДРВ уже стояла на повестке дня у американских генералов. К августу условия для ведения боевых действий были полностью подготовлены, авианосцы 7-го флота были стянуты к предполагаемому театру военных действий, ВВС США, базирующиеся в Таиланде, Южном Вьетнаме и других районах Азии, были усилены. Оставалось лишь найти предлог.

Таким предлогом и стали «события» в Тонкинском заливе. Американское руководство сообщило, что 2 августа торпедные катера ДРВ совершили нападение на американский эсминец «Мэддокс», а 4 августа якобы повторили нападение на два эсминца — тот же «Мэддокс» и «Тернер Джой». Хотя в заявлении правительства ДРВ было прямо указано, что события 2 августа произошли в силу того, что «Мэддокс» вторгся в территориальные воды ДРВ, а к событиям 4 августа, если таковые имели место, ВМС ДРВ никоим образом не причастны, тем не менее уже 5 августа президент Джонсон отдал приказ о бомбардировке территории Демократической Республики Вьетнам в качестве «репрессивной меры» за нападение на американские суда. Тот факт, что кризис был «показным», сфабрикованным, получил практическое подтверждение со стороны американских официальных лиц в феврале 1968 г. на заседании сенатской комиссии по иностранным делам. Во время специального слушания, посвященного событиям августа 1964 г., было фактически доказано, что 2 августа эсминец «Мэддокс» находился в территориальных водах ДРВ, и было поставлено под сомнение, что 4 августа

имело место нападение на эсминцы «Мэддокс» и «Тернер Джой»⁸⁹. Как определил сенатор Морзе, «4 августа 1964 г. США совершили провокацию в Тонкинском заливе, и это будет зафиксировано историей»⁹⁰.

В июне 1971 г., когда «Нью-Йорк таймс», а вслед за ней ряд других газет начали публиковать секретные документы Пентагона о политике США во Вьетнаме, до тех пор хранившиеся в строгой тайне; то, что раньше было убеждением, основанным на косвенных доказательствах, получило документальное подтверждение: «события» в Тонкинском заливе были провокацией чистой воды, осуществленной по указанию американской администрации, по заранее обдуманному плану. Теперь в этом не осталось никаких сомнений.

Более того, известная «тонкинская резолюция», принятая конгрессом США 7 августа 1964 г. и предоставлявшая, в трактовке Вашингтона, президенту неограниченные полномочия для «отражения военного нападения на вооруженные силы США», была заготовлена заранее («полномочия», которые американское правительство успело пустить в ход за два дня до принятия резолюции, также оказались заготовленными заранее — в ходе публикации пентагоновских секретных документов выяснилось, что проект этой резолюции был составлен еще 25 мая и с тех пор президент Джонсон буквально «носил ее в кармане»).

Так или иначе, «тонкинская резолюция» несомненно представляла собой следующую ступень «лестницы эскалации» — это явно одна из тех «решительных официальных деклараций», которыми, по Кану, завершается этап «предкризисного маневрирования». Американское командование откровенно берет курс на ведение широкомасштабных военных действий, хотя войны и не объявляет, что, кстати, тоже соответствует рекомендации Кана — в его «лестнице» объявление ограниченной войны представляет собой лишь 14-ю ступень.

Надо сказать, что и 2-я ступень «лестницы» («политические, экономические и дипломатические жесты») не была обойдена Соединенными Штатами, хотя и в несколько ином, чем у Кана, хронологическом порядке:

⁸⁹ «New York Times», February 22, 1968.

⁹⁰ Ibidem.

летом 1964 г., еще до провокации в Тонкинском заливе, на страницы многих органов американской печати «просочились» материалы, касавшиеся планов американской военщины в Юго-Восточной Азии и, очевидно, рассчитанные на запугивание ДРВ. Вот один пример. 10 июля 1964 г. газета «Вашингтон пост» опубликовала статью под заглавием «Американские карательные рейды в Северном Вьетнаме как крайнее средство», где говорилось о том, что, поскольку Северный Вьетнам «остаётся привилегированным убежищем и вдохновителем инсургентств в Южном Вьетнаме», американские военные разработали особый план карательных рейдов, цель которых — «наказать» население ДРВ за успехи Национального фронта освобождения Южного Вьетнама. Этот «план», возрождавший в худшем виде гитлеровскую практику заложников (причем в качестве «заложника» фигурировал весь народ ДРВ), сводился к тому, что в ответ на каждый успех НФОЮВ американско-сайгонское командование будет отдавать приказ о бомбардировке вплоть до полного уничтожения одного из селений в ДРВ⁹¹. Вполне можно полагать, что эта и аналогичные ей «утечки информации» были инспирированы властями как средство политического шантажа, оказания морального давления на ДРВ.

С августа 1964 г. США начинают планомерную эскалацию конфликта в Юго-Восточной Азии по всем трем описанным у Германа Кана параметрам — по напряженности (наращивание численности американских войск), по расширению района непосредственных боевых действий, по осложнению конфликта военным вмешательством в дела соседних стран.

Вот как выглядит календарь грязной войны США против народов Индокитая.

7 сентября 1964 г. Белый дом принимает решение о развертывании войны с воздуха против ДРВ. «Оптимальная степень готовности» должна быть достигнута к 1 января 1965 г.

7 февраля 1965 г. американские реактивные бомбардировщики совершают массированный налет на ДРВ. С этого дня бомбардировки ДРВ становятся регулярными.

⁹¹ «Washington Post», July 10, 1964.

1 апреля 1965 г. президент Джонсон решает использовать американские сухопутные войска в Южном Вьетнаме для широких наступательных операций.

30 июля 1965 г. Комитет начальников штабов США принимает решение направить в Южный Вьетнам 44 батальона американских войск.

31 декабря 1965 г. численность войск США в Южном Вьетнаме достигает 185 тыс. человек.

29 июня 1966 г. американская авиация начинает бомбардировки крупнейших городов ДРВ — Ханоя и Хайфона.

В октябре 1967 г. численность американских войск во Вьетнаме достигает 521 тыс. солдат и офицеров.

31 октября 1968 г. президент Джонсон под влиянием военных неудач во Вьетнаме и широкого роста активной оппозиции американской агрессии как в самих США, так и во всем мире вынужден принять решение о прекращении с 1 ноября бомбардировок и обстрела территории ДРВ и согласиться на четырехсторонние переговоры в Париже с участием представителей НФОЮВ.

В ноябре 1968 г. уже более 570 тыс. американских интервентов продолжают вести войну в Южном Вьетнаме.

Невзирая на очевидный провал стратегии «эскалации» при президенте Джонсоне, республиканская администрация США, пришедшая к власти в 1968 г., не отказалась от попыток использовать какие-то варианты «эскалации» конфликта в Юго-Восточной Азии; именно такое впечатление создалось в результате вторжения американско-сайгонских войск в Камбоджу в апреле — мае 1970 г., в Лаос в феврале 1971 г.

В американской прессе появилось немало свидетельств того, что какая-то часть американского военного командования, по-видимому, вынашивала даже планы, которые позволили бы перешагнуть и очередной, уже третий, порог «лестницы» Кана — порог использования ядерного оружия. Действительно, арсенал американских систем оружия был практически исчерпан, если говорить о вооружениях обычного типа: в агрессии против народа Вьетнама были широко использованы и тяжелые бомбардировщики Б-52, и авианосцы, и другое современное оружие, и с точки зрения интенсивности бомбардировок и обстрелов американцы достигли «рекордных»

показателей; пресловутый «коэффициент боли» дошел фактически до потолка, но не дал желаемых результатов — движение сопротивления во Вьетнаме сломить не удалось.

Еще в 1968 г. редактор военного отдела «Нью-Йорк таймс» Хэнсон Болдуин, имеющий тесные контакты с Пентагоном, писал, что Соединенные Штаты должны либо заявить, что они уходят, либо «продолжать эскалацию в техническом отношении ... вплоть до использования экзотических видов обычного оружия ... или небольших ядерных устройств...»⁹²

Тот факт, что идея использования ядерного оружия действительно занимала умы официальных лиц в Вашингтоне, подтверждается и сообщением профессора Ганса Моргентау, которое было сделано им в феврале 1971 г.; в нем утверждалось, что на каком-то этапе ядерное оружие было даже доставлено в Южный Вьетнам⁹³.

3 февраля 1971 г. «Нью-Йорк таймс» в статье «Военная тактика во Вьетнаме» рассказала об исследовании, выполненном сотрудником Гудзоновского института Эдмундом Стилменом, касавшемся теоретических аспектов возможности и целесообразности применения ядерного оружия в конфликте в Юго-Восточной Азии. Американская военщина, видимо, отнюдь не считала дэскалацию единственным выходом из ситуации, сложившейся в Индокитае, и «проигрывала» совсем иные сценарии, подразумевавшие дальнейшее восхождение по «лестнице» применения силы.

Решение о прекращении с 1 ноября 1968 г. бомбардировок территории ДРВ свидетельствует прежде всего о том, что крупнейшая держава капиталистического мира потерпела морально-политическое поражение во Вьетнаме. По существу можно говорить и о военном поражении: став президентом США, Ричард Никсон был вынужден публично заявить о том, что Америке пришлось во Вьетнаме «отказаться от попытки навязать чисто военное решение на поле боя»⁹⁴. Таким образом, тот военно-политический курс, с помощью которого американ-

⁹² Цит. по: «Chicago Sun and Times», January 7, 1971.

⁹³ «New Republic», February 20, 1971.

⁹⁴ «International Herald Tribune», May 16, 1969.

ское руководство пыталось решить свою главную задачу — запугать и разгромить национально-освободительное движение в Индокитае, — позорно провалился. Элементом этого фиаско был провал тактики «эскалации»: шантаж сил сопротивления, попытка устрашить их наращиванием американской военной мощи не дали США желаемых результатов.

В Гудзоновском институте уже примерно к 1967 г. поняли тщетность решения вьетнамской проблемы предлагавшимися прежде, чисто военными средствами. Кан постарался, во-первых, отмежеваться от «неправильной» техники осуществления эскалации во Вьетнаме и, во-вторых, выдвинуть какую-то более позитивную военно-политическую программу, в которой ставка делалась бы уже не на одно лишь применение военной силы или угрозу силой. В книге «Можем ли мы победить во Вьетнаме?», написанной им в 1968 г. в соавторстве с Фрэнком Армбрустером, Раймондом Гастилем, Уильямом Пфаффом и Эдмундом Стилменом, Кан излагает свои соображения о том, почему эскалация во Вьетнаме шла, по его мнению, «не по теории» и в чем он видит выход из создавшегося положения.

Следует упомянуть, что в принципе Кан, хотя и неоднократно оговаривает свое несогласие с самой идеей военного вмешательства во Вьетнаме, придерживается, как он выражается, «умеренного варианта «теории домино»»⁹⁵, имея под этим в виду, что существует «непосредственная причинно-следственная зависимость между исходом войны во Вьетнаме и последующим развитием событий в Юго-Восточной Азии и в меньшей степени — в других частях мира»⁹⁶.

Несогласие Кана с той разновидностью эскалации, которую осуществляло американское руководство во Вьетнаме, сводится к следующим основным положениям:

⁹⁵ Теория «домино» впервые вошла в политический обиход Вашингтона в 1954 г., когда на одной из пресс-конференций президент Эйзенхауэр заявил, что безопасность США зависит от того, смогут ли американцы «помешать коммунистам захватить Южный Вьетнам». Поясняя свою мысль, он сказал: «Вы выставляете костяшки домино в определенной последовательности, и как только вы выбиваете первую, очень быстро за ней вылетает и последняя» (см. E. F. Goldman. *The Tragedy of Lyndon B. Johnson*. N. Y., 1969, p. 501).

⁹⁶ «Can We Win in Vietnam?» N. Y., 1968, p. 43.

1. Эскалация была слишком осторожной и постепенной. 2. Создавалась видимость того, что Белый дом полностью контролирует обстановку и ничего непредвиденного произойти во Вьетнаме не может, т. е. эскалация не была чревата угрозой взрыва, призванной усилить ее эффективность как средства шантажа. 3. Чрезмерная постепенность, «пологость» эскалации не обеспечивала наличия достаточно наглядных «порогов», или критических точек, в которых уровень давления на противника повышался бы настолько, чтобы вызвать у него желание «уступить», «сдаться».

По существу, критикуя реальную вьетнамскую тактику эскалации, прежде всего за «постепенность» и «предсказуемость», Кан противоречит самому себе — ведь суть его теории эскалации как раз в том и состоит, что противник должен «сломаться» под угрозой постепенного, но неотвратимого наращивания «боли».

Кстати, если уж говорить о «постепенности наращивания силы», что, по мнению многих американских стратегов, начинающих «махать кулаками после драки», якобы явилось главным дефектом вьетнамской стратегии США, обрекшей ее на неудачу, то надо же видеть, что США во Вьетнаме были довольно-таки жестко связаны в отношении возможных темпов развертывания вооруженных сил. Целый ряд факторов, изменить которые было не во власти США, и предопределил постепенные темпы развертывания сил, а не какая-то мнимая «сверхосторожность» президента Джонсона и его «доктринальная приверженность к принципу дозированного применения силы», как это модно сейчас утверждать в США.

Выступая весной 1971 г. с показаниями перед подкомиссией комиссии по ассигнованиям палаты представителей США, бывший главнокомандующий вооруженными силами США в Южном Вьетнаме генерал Уэстморленд откровенно признал одну из реальных ключевых причин пресловутой постепенности: «В Южном Вьетнаме существовали проблемы относительно экономики. В одно время во Вьетнаме — в 1965 и 1966 гг. — темпы развертывания вооруженных сил США в Южном Вьетнаме и темпы мобилизации южновьетамских (сайгонских.— *И. Ш.*) сил контролировались экономическими соображениями, потому что экономисты считали, что

если мобилизовать слишком много вьетнамских сил или слишком быстро развернуть наши силы, то это бы создало такое давление на экономику пиастра, что создавалась бы не поддающаяся контролю инфляционная ситуация, которая была бы катастрофой с точки зрения политической»⁹⁷. Что же касается излюбленной Каном «непредсказуемости», то она была опробована в Индокитае (вспомним вторжения в Камбоджу и Лаос в 1970 и 1971 гг.), а общий эффект остался тот же, значит, дело, видимо, вовсе не в этом. И не в том дело, можно или нельзя выработать более «удачную», с американской точки зрения, тактику эскалации.

Дело в том, что оказалась несостоятельной самая суть концепции эскалации, разработанной Каном,— наращивание вначале угрозы, а затем непосредственно применяемой военной силы не дало «эффекта запугивания», шантаж не удался, равно как оказалась недостижимой и чисто военная победа. И в этом плане можно пренебречь второстепенными, тактическими расхождениями между теоретическими построениями Кана и практической эскалацией военных действий во Вьетнаме.

По идее Германа Кана, в ситуации, аналогичной вьетнамской, даже на нижних уровнях эскалации подспудно должно ощущаться столь гигантское военное превосходство США, что противник должен неминуемо испугаться и отступить, поскольку «более сильная» сторона «может более убедительно, чем ее противник, угрожать дальнейшей эскалацией или взрывом, т. е. возникновением большой войны, если ситуация станет действительно отчаянной»⁹⁸. Этого не произошло, т. е. вся концепция оказалась ложной.

Сам же Кан неоднократно отмечал то бесспорное обстоятельство, что во всех «колониальных конфликтах» (т. е. в столкновениях, вытекающих из национально-освободительной борьбы народов) вряд ли был хоть один, в ходе которого «колониальная держава не имела бы физической силы или по крайней мере потенциальной физической силы, достаточной, чтобы подавить на

⁹⁷ «Department of Defense Appropriations for 1972. Hearings before a Subcommittee of the Committee on Appropriations, U. S. House of Representatives, 92-nd Congress». Washington, 1972, p. 590—591.

⁹⁸ Н. К а н. On Escalation, p. 136—137.

неограниченно долгое время националистическое движение или восстание»⁹⁹. Тем не менее, признает Кан, при полном наличии у метрополии военных возможностей для победы над колонией метрополия по большей части не в состоянии была их реализовать в силу целого ряда факторов. Кан эти факторы не называет. Но если довести анализ до логического конца, то очевидно, что на первом месте стоит коренное изменение соотношения сил в мире, связанное прежде всего с укреплением могущества и мировых позиций СССР, и всей мировой социалистической системы. Большую роль играет поддержка национально-освободительных движений международным рабочим движением, оппозиция колониалистской политике правящего класса со стороны многих слоев населения самой метрополии, реакция международного общественного мнения и т. д. Эти факторы по существу сводят на нет роль «военного превосходства» метрополии в конфликте с колонией.

Провал американских расчетов во Вьетнаме, крах теории эскалации при столкновении ее с реальной действительностью обусловлены действием факторов того же порядка. Идя на военное вмешательство во Вьетнаме, США ставили своей целью не только спасение от гибели марионеточного сайгонского правительства. Они стремились также доказать бесперспективность любого национально-освободительного движения в ситуации, когда гарантом статус-кво выступает американский империализм. В силу этого руководству США, невзирая на локальный характер войны, пришлось фактически столкнуться с проблемой противостояния двух систем, и в результате борьбы вьетнамского народа, опиравшегося на поддержку Советского Союза и других социалистических стран, а также в результате сдерживающего влияния, оказываемого Советским Союзом, Соединенные Штаты (вынужденные в конечном итоге исходить из нежелательности эскалации до уровня, чреватого мировым конфликтом) не смогли добиться во Вьетнаме военной победы с помощью тех уровней насилия, которые они были готовы использовать. Эскалация как теория политического и военного давления и шантажа на практике дивидендов не принесла.

⁹⁹ Ibid., p. 24.

Это окончательно зафиксировало Соглашение о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме, подписанное в Париже 27 января 1973 г. и положившее конец империалистической агрессии против вьетнамского народа. Соединенным Штатам пришлось признать независимость, суверенитет, единство и территориальную целостность Вьетнама, в соответствии с Женевскими соглашениями 1954 г. Победа Вьетнама окончательно доказала, что империализму не под силу одолеть народ, который борется за свою свободу и независимость, опираясь на поддержку социалистических стран, всех революционных и прогрессивных сил на земле.

* * *

Все выше сказанное свидетельствует о том, что Герман Кан и его коллеги по Гудзоновскому институту в разрабатываемых ими военных концепциях предстают главным образом как проповедники откровенной политики «с позиции силы», политики обмана, шантажа и угроз. Хотя местами их рассуждения не лишены оригинальности, меткости в деталях, в целом отказ от признания истинных реальностей современного мира лишает эти рассуждения научной и практической ценности. Даже с точки зрения многих, более реалистически мыслящих американских стратегов, построения Гудзоновского института вряд ли могут быть расценены как руководство к действию, применимое на практике.

Их ценность для американского империализма, видимо, в другом. В какой-то мере Гудзоновский институт и лично Герман Кан вносят вклад в формирование общетеоретической, концептуальной базы современных американских военно-политических идей, в разработку того комплекса понятий, которыми сейчас оперирует американская военно-политическая мысль. Но еще большую ценность для американских правящих кругов, видимо, представляет «открытая» продукция — книги, статьи, интервью, — словом, все, что воздействует на формирование общественного мнения. Именно в этой области «воспитания чувств» среднего американца заслуги Кана максимальны. Пренебрежение к этическим нормам и к человеческой жизни, цинизм, апология насилия, лжи и авантюризма, моральное «примирение» с идеей неиз-

бежности войны — вот, по фактически единодушному признанию критиков Кана, те семена, которые сеют его книги в умах читателей.

Вот как, с американской склонностью к точным оценкам, охарактеризовал деятельность группы теоретиков, близких к военно-промышленному комплексу США, их единомышленник, профессор экономики Гарвардского университета Отто Экстайн, выступая в 1963 г. на конференции по проблемам национальной безопасности США: «В особенности доктор Теллер и доктор Кан заслуживают колоссальных комплиментов в связи с их работой по изменению интеллектуального климата в нашей стране в отношении к обороне, и я бы рискнул повесить ярлык с ценой миллиард долларов на то, что достигнуто в этом направлении»¹⁰⁰. Профессор Экстайн не только весьма четко указал на центральную практическую задачу «гражданских милитаристов», но и дал оценку стоимости их «научного товара»..

Развитие действительности уже неоднократно выявляло иллюзорность построений американских стратегов, тщетность попыток вернуться к «старым добрым временам» силовой политики. Провал империалистической агрессии во Вьетнаме — а следовательно, и провал теории «эскалации» — служит самым свежим подтверждением этого.

По оценке Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева, подписание в Париже Соглашения о прекращении войны и восстановлении мира во Вьетнаме — «большая победа вьетнамского народа, сплоченного вокруг Партии трудящихся Вьетнама, большая победа сил мира, победа реализма и разума в международных делах»¹⁰¹.

Однако было бы наивным полагать, что отныне милитаристские круги сделают единственно верный вывод из понесенного ими поражения и сложат оружие. Показателен тот факт, что представленный конгрессу США бюджет на очередной финансовый год, начинающийся 1 июля 1973 г., предусматривает повышение военных расходов почти на 5 млрд. долл.— и это несмотря на

¹⁰⁰ «National Security. Political, Military and Economic Strategies in the Decade Ahead». N. Y., 1963, p. 993.

¹⁰¹ «Правда», 31 января 1973 г.

окончание войны во Вьетнаме! Приходится, видимо, делать вывод, что Пентагон и тесно связанная с ним прослойка «гражданских милитаристов» намерены продолжать поиски новых, более «многообещающих» вариантов как в области систем оружия, так и в области стратегических концепций.

Одиозная репутация, видимо, начала создавать Кану определенные неудобства, когда политический климат в США стал меняться к концу 60-х годов в сторону подъема антимилитаристских настроений. Поэтому не случайно в последние несколько лет Кан и другие специалисты из Гудзоновского института все реже выступают в открытой печати с работами по чисто военной проблематике (это отнюдь не значит, что они ею меньше занимаются, просто разработки такого рода стали идти почти исключительно по иным каналам, как служебная или секретная информация). Открытые работы Кана все чаще посвящены теперь прогнозированию будущего, и широкой публике он больше становится известен как «футуролог», а не самозванный «Клаузевиц ядерного века».

Однако вне зависимости от тематики исследований идейное кредо Кана-стратега и Кана-футуролога остается одним и тем же, и в любом качестве он продолжает служить интересам правящего класса американского общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

При ближайшем рассмотрении оказываются полностью несостоятельными претензии «академических стратегов» на высшую объективность анализа, научную беспристрастность и т. п. Да это и неудивительно, вера в возможность существования «беспристрастной» социальной науки была бы, говоря словами В. И. Ленина, «глупенькой наивностью». «Новые гражданские милитаристы» лишены даже фигового листка внешней независимости от американских правящих классов: они в самом прямом смысле слова куплены государственно-монополистическим капиталом США, они «думают», находясь на прямом содержании у последнего, а как гласит пословица, «кто платит певцу, тот и песню заказывает по своему вкусу».

По мере установления прочных связей между правительством и сетью обслуживающих его научных учреждений шло формирование и соответствующей общественной группировки, включающей в себя тех ученых, которые чаще всего привлекаются либо к выполнению правительственных заказов, либо к непосредственному консультированию какого-либо федерального ведомства. Нельзя сказать, чтобы границы этой группировки были строго очерчены, трудно с точностью проверить, правы ли те американские социологи, которые утверждают, что эта группировка включает в себя всего около тысячи ученых, но в любом случае очевидно, что из 12 с половиной миллионов американцев — обладателей ученых

степеней, лишь очень небольшая часть работает в постоянном контакте с федеральным правительством.

И тем не менее эта «верхушка» американских ученых в последнее время находится в центре внимания как широкой прессы, так и специальной социологической литературы и получила ряд весьма громких наименований: «научно-техническая элита», «новые брамины», «новые мандарины» и т. д.

«Ее (новую элиту.— *И. Ш.*) можно рассматривать как новую касту, сродни касте браминов в Индии,— пишет К. Рэнд, автор книги «Кембридж — научно-технический центр США».— Употребляя метафоры, можно сказать, что брамины должны являть собой голову индийского общества, а кшатрии — каста воинов, его руки... По стародавним представлениям, брамины и кшатрии взаимно друг друга дополняют, не могут существовать друг без друга. Из кшатриев, людей действия, выходили хорошие правители, но лишь в том случае, когда брамины наставляли их. Так же обстоит дело и сегодня с джонсонами и макнамарами — без своих браминов они беспомощны... Мы очень нуждаемся в ученых. Без них мы не можем вести наше хозяйство, без них мы не в состоянии даже и пытаться проводить какую-либо внешнюю политику»¹.

«Новые брамины», или «новые мандарины», — это часть интеллигенции, превратившаяся в самых верных слуг и доверенных лиц империалистического государства и монополий. Известный американский ученый-лингвист Ноам Хомски выступил недавно с книгой «Американская власть и новые мандарины», в которой он с тревогой пишет о «контрреволюционной субординации» верхушки американской интеллигенции, подкупленной американским правительством, получающей от него больше благ, чем когда бы то ни было в истории. Даже у такого реакционного политолога, как З. Бжезинский, который сам, кстати, входит в круг «мандаринов», проскальзывает признание моральной деградации той части американской интеллигенции, которая приняла на себя охранительные функции в отношении существующего режима. «Прежняя интеллигенция,— пишет он,— воспи-

¹ К. Рэнд. Кембридж — научно-технический центр США. Пер с англ. М., 1968, стр. 139—140.

танная в традициях гуманизма, нередко идейная, видевшая свою задачу в основном в социальной критике существующего порядка, быстро вытесняется либо экспертами и специалистами, принимающими непосредственное участие в деятельности правительства, либо стратегами-теоретиками, которые в сущности становятся придворными идеологами власть предержащих и обеспечивают общее теоретическое обоснование действий последних»². Бжезинский, в соответствии со своими воззрениями, принимает желаемое за действительное — на деле речь идет не о «вытеснении», а о расслоении, поляризации в среде американской интеллигенции. Но в описании «новых мандаринов» он точен — в академических кругах США действительно сформировалась небольшая прослойка «придворных идеологов», специалистов прежде всего по военно-политическим вопросам, тесно связанных с федеральным правительством, с Пентагоном, с военно-промышленным комплексом.

Тот факт, что современная научная элита США владеет монополией на научно-техническую информацию (в том числе и на секретную), может использовать недоступные другим самые новейшие методы ее переработки, служит не только залогом прочности положения этой прослойки, это еще и дополнительное средство обеспечения недосыгаемости правительственных ведомств для контроля со стороны общественности: выводы эксперта, на основе которых принимает решение данное ведомство, в большинстве случаев получены на основе самой полной информации, проанализированной с помощью изошренного аналитического аппарата, с широким применением электронно-вычислительной техники. Понятно, что научную обоснованность этих выводов общественности проверить не под силу. Более того, не всегда может проверить ее и сам заказчик — об этом, в частности, говорил президент Эйзенхауэр, предупреждая в своем прощальном послании об опасности превращения государственной политики в «пленницу научно-технической элиты»³.

² «Encounter», January 1968, p. 16.

³ Разумеется, этот плен — понятие относительное. Выполняя непосредственное задание правительственной или частной организации, эксперт находится в прямой зависимости от своего работодателя, выступает в роли его «слуги», однако и заказчик,

Деятельность центров военно-политических исследований стала важным практическим и идеологическим подспорьем внешней политики и стратегии капиталистического государства.

Кан и его коллеги из других «фабрик мысли» не только обслуживают внешнюю и военную политику, но порой и активно воздействуют на нее. По словам советского исследователя А. Н. Яковлева, «политические доктрины заказываются и щедро оплачиваются монополиями и правительством и в свою очередь оказывают влияние на политику правящих кругов. Роль политической науки в формировании необходимого господствующим классам общественного мнения, внутренней и внешней политики становится все заметнее»⁴.

В книге «2000-й год» Г. Кан и А. Винер самодовольно пишут, что они являются выразителями общего мнения наиболее информированной части американских ученых⁵.

К чести американских ученых надо сказать, что это утверждение не соответствует действительности. Верно, иллюзия неуязвимости «научно обоснованных» доводов защитников официальной правительственной политики на некоторое время обескуражила американскую либеральную оппозицию: научные силы были явно неравными. Либералы выступали с чисто гуманитарными, порой весьма общими и расплывчатыми призывами покончить с гонкой вооружений, найти гарантии всеобщего мира и т. п. Их противники, напротив, прикрывались авторитетом науки, опирались якобы на новейшие достижения человеческого знания, на точную и правильно переработанную информацию. В глазах американской общественности, тем более в период научно-технической революции, первые не имели компетенции, необходимой для того, чтобы тягаться со вторыми. Многие видные американские ученые до середины 60-х годов находились в правительственном лагере по разным при-

вынужденный принимать на веру правильность представляемых ему расчетов и выводов, в какой-то степени оказывается в зависимости от тех экспертов, чьи услуги он оплачивает.

⁴ А. Н. Яковлев. Идеология американской «империи». М., 1967, стр. 9.

⁵ Н. Канн, А. Wiener. The Year 2000: A Framework for Speculation on the Next Thirty Three Years. N. Y., 1967, p. 221.

чинам: одни просто действовали в соответствии со своими убеждениями, другие были временно ослеплены «близостью» к власти, третьи не сумели правильно сорентироваться в силу своей политической неопытности и, чувствуя на себе бремя ответственности перед обществом, искренне верили, что тесное сотрудничество с правительством послужит на благо общества.

В целом активное участие в процессе выработки и осуществления политики было для американских ученых явлением новым, не все сумели сразу разобраться в происходящем.

Однако процесс формирования «научно-технической элиты» противоречив, как и все процессы, связанные с научно-технической революцией при капитализме. С одной стороны, привлечение ученых к деятельности правительства создает возможности совершенствовать процесс выработки политики, приспособливаться к новым условиям жизни, маскировать власть монополий — словом, служит упрочению позиций господствующих классов и их институтов. Однако, с другой стороны, этот процесс рождает и совершенно новый тип политической оппозиции в США — оппозиции в академической среде, что особенно типично для самых последних лет.

В ряды оппозиции с течением времени перешли даже многие из тех, кто на протяжении долгих лет верно служил американскому империализму, занимал даже ответственные официальные посты, связанные с военными делами (в данное время, например, в рядах оппозиции находятся такие ученые, как Герберт Йорк, бывший директор Управления научных исследований и технических разработок министерства обороны США, Джордж Ратженс, бывший руководитель отдела Института оборонного анализа, Джером Визнер, бывший помощник президента США по науке и технике, Джордж Кистяковский, бывший советник президента, и многие другие). Правда, взгляды этих людей, как правило, не выходят за рамки буржуазного мировоззрения, однако сам по себе процесс их отказа от роли «придворных идеологов», их критическое отношение к ряду «священных заповедей» американского милитаризма весьма знаменательны. Особенно ярко поляризация сил в академическом мире США проявилась в ходе так называемых «стратегических дебатов», развернувшихся в 1968 г.,

хотя начало этому процессу, процессу рождения «новой оппозиции» в среде «сословия педагогов и ученых», если пользоваться терминологией Дж. Гэлбрейта, положил политический кризис, вызванный вьетнамской агрессией США.

Более того, есть основания говорить о серьезном сдвиге в позиции вообще большинства ученых, о достигнутых ими первых успехах в деле политического «самообразования». Недаром, например, 136-й съезд Американской ассоциации содействия развитию науки, состоявшийся в Бостоне на пороге 1970 г., показал, по свидетельству обозревателей, что американские ученые «больше озабочены политическими проблемами, чем традиционными вопросами «чистой» науки»⁶.

На этом съезде звучали настойчивые призывы предотвратить новый тур гонки вооружений, сосредоточить усилия американских ученых на активных поисках путей, ведущих к разоружению и смягчению международной напряженности, к ликвидации угрозы войны. Видимо, в стране начался процесс, который в конечном итоге подорвет монопольное положение пресловутой «научно-технической элиты», лишит «новых мандаринов» возможности спекулировать на авторитете науки. Развитию этого позитивного процесса, несомненно, благоприятствуют нынешние перемены к лучшему в мировой политической атмосфере, прежде всего — положительные сдвиги в советско-американских отношениях, наметившиеся в результате переговоров на высшем уровне в Москве в мае 1972 г. и получившие дальнейшее развитие в ходе визита Генерального секретаря ЦК КПСС Л. И. Брежнева в США в июне 1973 года, сдвиги в сторону разрядки напряженности, утверждения последовательно отстаиваемых Советским Союзом принципов мирного сосуществования.

Однако представители агрессивного крыла в американской политологии и стратегии, несмотря на изменение обстановки в мире, остались на прежних позициях антикоммунизма и воинственности, и каждый шаг к мирному сосуществованию и сотрудничеству остается и еще будет оставаться в США объектом острой и сложной борьбы.

⁶ «New Leader», January 1970, p. 17.

О Г Л А В Л Е Н И Е

Введение	5
I. «Фабрики мысли» — новый вид американского бизнеса	11
1. Военные ведомства — пионеры использования «консультирования по контракту»	13
2. Корпорация РЭНД — родоначальница американских «фабрик мысли»	29
3. «Фабрика мысли» — новый для США тип научно-исследовательской организации	47
II. Некоторые особенности методологии социально-политических и военно-политических исследований	62
1. Использование теории игр	63
2. Применение системного подхода	80
3. Прогностическая направленность исследований	89
4. Метод сценариев. Разработка «альтернативных вариантов будущего»	95
5. Игры (имитационный анализ)	104
6. «Дельфи»	109
III. Портрет «гражданского милитариста»: критика некоторых военно-политических концепций Германа Кана	118
1. «Мысли о немислимом» — концепция ядерного шантажа	123
2. «Эскалация» в теории и на практике	150
Заключение	185

Инна Львовна Шейдина
США: «Фабрики мысли»
на службе милитаризма

Утверждено к печати
Институтом Соединенных Штатов Америки
Академии наук СССР

Редактор А. П. Ковалев
Художественный редактор Т. П. Поленова
Технический редактор Н. П. Кузнецова

Сдано в набор 21/III-1973 г.
Подписано к печати 18/V 1973 г.
Формат 84×103¹/₃₂. Бумага № 2.
Усл. печ. л. 10. Уч.-изд. л. 10,1.
Тираж 7700. Т-07468.
Тип.зак. 1898. Цена 62 коп.

Издательство «Наука»
103717 ГСП, Москва, К-62, Подсосенский пер., 21

2-я типография издательства «Наука»
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 10

Опечатка

Страница	Строка	Следует читать
192	3 св.	на службе стратегии

И. Л. Шейдина

62 к.

ИЗДАТЕЛЬСТВО «НАУКА»